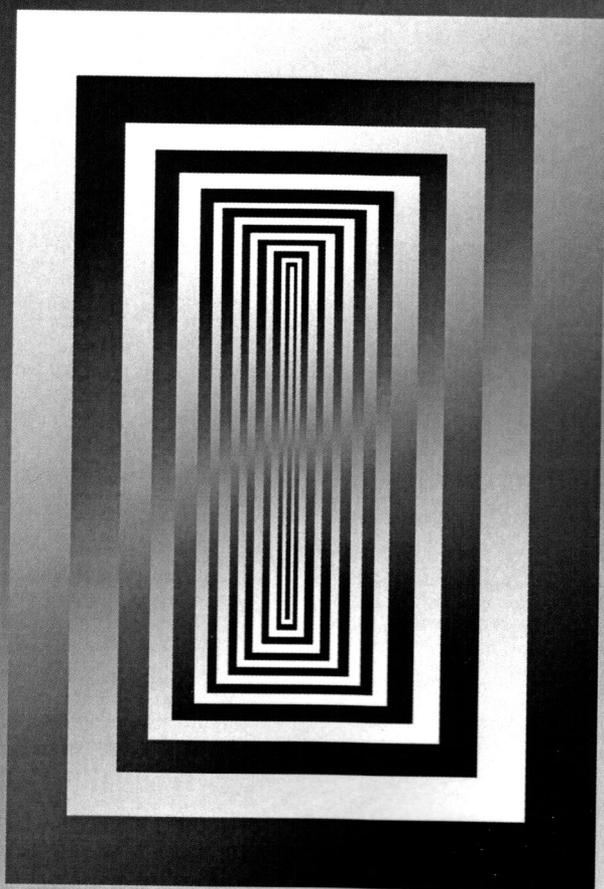

А.П. ПЕТРОВ

ДИАЛЕКТИКА
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А.П. ПЕТРОВ

ДИАЛЕКТИКА

Некоторые вопросы теории и практики

МОСКВА
ОНТО
 ПРИНТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2013

УДК 101.8
ББК 87.21
ПЗ0

Петров А.П.

Диалектика. Некоторые вопросы теории и практики / А. П. Петров. — М. : Издатель Мархотин П. Ю., 2013. — 302 с.

ISBN 978-5-00038-079-6

В книге рассмотрены некоторые проблемы диалектики, понимаемой как *саморазвитие* и объективной реальности, и её отражения в мышлении. При этом саморазвивающаяся действительность предстаёт как субстанция, — саморазвивающаяся сущность, — движение которой осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий. Логическим путём выявлена сущность идеального и характер противоречивого взаимодействия материального и идеального как сторон субстанции.

УДК 101.8
ББК 87.21

ISBN 978-5-00038-079-6

© Петров А.П., 2013

ТЕОРИЯ

Постоянны только изменения.

В этом разделе по ряду принципиальных положений диалектики изложены взгляды автора, не всегда совпадающие с общеизвестными и преобладающими в научном сообществе. В обоснование своих воззрений положения, отличающиеся от доминирующих, автор старается выводить логически, а не бездоказательно постулировать. По-новому интерпретированы некоторые моменты сущности субстанции, идеального, соотношение и взаимодействие материального и идеального и некоторые другие вопросы. Полученные результаты позволили создать методологический инструмент, с помощью которого затем проанализированы некоторые проблемные положения политэкономии и сделаны выводы, которые, как представляется, дают возможность по-иному взглянуть на некоторые её категории, а также объяснить возникающие спорные вопросы (раздел «Практика»).

1. Диалектичность как саморазвитие

Первые принципы мировоззрения, получившего впоследствии наименование диалектического, были озвучены более двух с половиной тысяч лет назад. Не так уж и давно, учитывая возраст человека, но в глубокой дали, если сопоставить со скоростью нарастания современного знания. Знаменательно, что мысль древних философов, размышлявших о мире, едва ли не первой идеей сформулировала положение о всеобщем движении, пронизывающем сущее, а также первооснове, составляющей материальный фундамент движения, и причине движения, противоречии. И совершенно неважно, что в новое время взгляды античных мыслителей иногда называются наивными, их глубина оказалась неисчерпаемой, из этих корней выросло древо современной философии, разделившись на ветви на первый взгляд относящиеся к совершенно разным

породам, прежде всего материализм и идеализм.

Философы и писатели, обращавшиеся к диалектике, часто начинали с определения диалектики, ссылаясь на Сократа, что диалектика есть искусство спора, диалога. При этом в следовании букве сочинений о Сократе часто совершенно игнорировался самый дух сократовского видения диалектики не как столкновения мнений *разных людей*, а как сопоставления *разных, противоположных мнений*, утверждений. В этом суть диалектики Сократа – выведение истины из противоположных оснований. Правда, в этом, следуя Пармениду, Сократ не нов.

Но главная идея сократовской диалектики, любезно изложенной для нас Платоном, из которой, собственно, вытекает всё её содержание, заключается в мысли, что всё есть движение и без движения ничего не существует.

«Первоначало, от которого зависит у них все, ... таково: всё есть движение, и кроме движения нет ничего.

...все разнообразие вещей возникает от взаимного общения и движения...

В согласии с природой вещей должно обозначать их в становлении, созидании, гибели и изменчивости».¹

Причём движение понимается как категория количественно-качественная:

«Итак, я утверждаю, что видов движения два: изменение и перемещение».²

Тем не менее, этот основополагающий постулат, основываясь только на себе, т.е. не определяя источника и, главное, объекта движения, тем самым себя ограничивал и оставлял за пределами мышления гносеологическую проблему чрезвычайной важности.

От внимания платоновского Сократа не ускользнул и краеугольный диалектический принцип всеобщей взаимосвязи, единства мира, в котором всеобщее, особенное и единичное существуют только как целое (людей, способных «охватывать взглядом единое и множественное... называю я... диалектиками»)³.

Принципиальным и имевшим далеко идущие перспективы достижением древних философов было признание, наряду с

¹ Платон. Соч. в 4 томах, изд-во С.-Пб. ун-та, 2006, Т. 2, С. 251.

² Там же, С. 284.

³ Там же, С. 211.

объективностью сферы материального, также и объективности сферы идеального («...признаешь, что какие-то идеи сами по себе, с одной стороны, и то, что им причастно, с другой, существуют раздельно? – Да, – ответил Сократ»¹), но их разведение на самоизолированные полюсы породило проблему гносеологической несовместимости (нетождественности) материального и идеального и, как следствие, невозможность объяснения возникновения мышления из бытия и сути их взаимодействия. В то же время в эмпирии, практике этой проблемы не было, бытие и мышление не только существовали, но и активно взаимодействовали, что породило противоречие в мышлении, являющееся источником непримиримых философских воззрений вплоть до нашего времени.

Только через две тысячи лет была высказана мысль, вплотную подведшая к решению проблемы сосуществования материального и идеального. Спиноза² первым из мыслителей решил соединить, казалось бы, несовместное: бытие и мышление едины, тождественны³, две стороны (атрибута) одной сути – субстанции.

«3. Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться.

4. Под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее её сущность.

¹ Там же, С. 420.

² Мы не упоминаем о великих предшественниках Спинозы, начиная с древнегреческих мыслителей, по двум причинам: во-первых, целью работы не является критический обзор всего предшествующего материализма, и, во-вторых, в идеях Спинозы и Гегеля, к работам которого мы также обращаемся, в снятом виде представлено наследие предшественников.

³ Тождество здесь и далее понимается в следующей трактовке: «...тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое «одно и то же». Это всегда тождество различного, тождество противоположностей». Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки, М., 1964, С. 22.

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность...». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 33.

5. Под *модусом* я разумею состояние субстанции, иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое.

6. Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное, т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»¹.

Строго говоря, сопоставление Спинозой двух атрибутов субстанции как равных, — бытия и мышления, т.е. с одной стороны категории предельно абстрактной, всеобщей, неограниченной (неопределённой) и бесконечной (бытие, распространяющееся на всё сущее), с другой стороны категории особенной (мышление, присущее одной из форм бытийствующего), ограниченной (определённой) и потому конечной — некорректно, поскольку категории общего и особенного не одноуровневые и это делает их несопоставимыми непосредственно (и, тем более, невзаимопревращаемыми, невзаимопредставляемыми), но только через опосредствующее звено. Спиноза преодолевает это препятствие не логически, а схоластически — аксиоматическим признанием наличия этих атрибутов в боге-субстанции как равнозначных. Однако, мнение Спинозы, что мышление так же бесконечно, как и бытие, и потому также является атрибутом, как и бытие, поскольку это мышление бога, природы, вряд ли может удовлетворить современное видение и природы, и мышления.

Следует также отметить, что в существующей литературе при рассмотрении вопроса о соотношении бытия и мышления совершенно чётко указывается на их различие, правда без убедительного объяснения сущности этого различия, и как-то скороговоркой говорится об их единстве, тождестве, которое вовсе никак не объясняется, а только декларируется. Причём объясняется это тождество сугубо внешним образом и сугубо эмпирически — поскольку фиксируется наличие и бытия, и мышления, то, следовательно, они сосуществуют в единстве. Но такая точка зрения совершенно не устраняет их дуализма, а напротив, закрепляет его и как логическое, и как онтологическое противоречие. Априорное (а по сути схоластическое) утверждение единства бытия и мышления решения не представляет. Это единство должно быть логически выведено из

¹ Спиноза Б. Избр. произведения в 2 томах, М., 1957, Т. 1, С. 361.

объективной действительности.

Попробуем пойти несколько иным путём и обратимся к другим категориям, отражающим реальность. Посмотрим на неё не как на бытие и мышление, а как на материальное и его отрицание, идеальное, пока никак их не определяя.

Возвращаясь к идее Спинозы. При внешней логичности и последовательности постулаты Спинозы глубоко внутренне противоречивы, что и стало причиной ограниченности выводов, так и не раскрывших полностью сущность субстанции.

Субстанция Спинозы «представляется... через себя» и «не нуждается в представлении другой вещи». Условие «не через другое» может означать только то, что субстанция не ограничена, т.е. не определена. Но в таком случае она должна определять себя посредством себя же, а это возможно только если субстанция разделяется внутри себя, устанавливает т.о. внутреннюю границу определяется через своё иное. Но субстанция у Спинозы одновременно и неделима – наличие логическое противоречие или, другими словами, постановка вопроса, который у Спинозы ответа не имеет, что и отмечал Гегель.¹

Движение субстанции, которая понимается как саморазвивающаяся сущность, возможно только за счёт разворачивания внутренних определений, т.е. путём возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий – вот суть диалектики развития (точнее, саморазвития) реальности и отражающего её мышления. На этом пути субстанция, определяя себя, уже на первом шаге получает свои саморазличия, которые далее разворачивают дальнейшие определения уже из себя самих. И здесь возникает противоречие отнюдь не формального, а сущностного характера. Если вновь возникающие определения² обладают качеством субстанциональности, т.е.

¹ «...у Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективности». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 332.

«...субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект». Там же, С. 480.

² Очевидно, следует уточнить, что речь идёт об определениях саморазвивающейся реальности, т.е. о её саморазличении, и определении т.о. себя через своё иное.

саморазвитием, то в соответствии с первоначальной аксиомой эти определения (саморазличения) субстанции, должны быть полностью изолированы друг от друга, — «не через другое», — и, более того, от самой исходной субстанции. Но такая субстанция внутри себя распадается на бесчисленное множество безразличных, хуже того, абсолютно «не видящих» друг друга сущностей, что равнозначно абсолютной пустоте. Возникает и вопрос — как же быть с эмпирически наблюдаемой всеобщей связью вещей? Коль скоро мы придерживаемся точки зрения материалистической диалектики, то возводимые абстракции не должны находиться в вопиющем противоречии с реальностью. Но есть и другой барьер, внутренний, преодолеть который невозможно в силу условий, налагаемых принятыми аксиомами — самоопределение и саморазвитие субстанции *сущностно* не может осуществиться, пока действительны условия «не через другое» и неделимости субстанции.

Возвращаясь к признанию объективности мира вне нас и принципу всеобщей связи вещей, следует признать, что это необходимо означает, что каждая вещь, обладая самоопределением, одновременно опосредствуется другими вещами, связана с ними. Соответственно и наши понятия о вещах также не могут быть изолированными, «чистыми» понятиями, но только связанными множеством опосредствований между собой. А это означает, что самоизолированной Спинозовской субстанции не может быть вообще, что субстанция может существовать только как нечто, содержащее в себе бесчисленное множество других форм. Последнее Спинозой определяется как Природа в целом. Но тогда лишены смысла рассуждения о субстанциональности как о самоизолированности, это совершенно ненужное дополнение к принципу самоопределения, саморазвития. Определение Природы как единственной действительности, как саморазвивающейся субстанции («через самое себя») не нуждается в необходимости её отрицательного соотнесения с чем-то другим — «не через другое». Природа как саморазвивающаяся субстанция вполне самодостаточна.

Когда же мы начинаем рассматривать Природу-субстанцию изнутри, то применение принципа изолированности к саморазвивающимся внутрисубстанциональным формам делает невозможным движение как таковое, поскольку противоречит эмпирически наблюдаемому принципу всеобщей свя-

зи. Т.о. саморазвивающиеся формы Природы также выступают как субстанциональные формы, развивающиеся «через самое себя», и посредством внутри- и межсубстанциональных связей создающие своё бесконечное многообразие.

Субстанция Спинозы не только едина, но и единственна. Из этого следует, что всё сущее может образоваться из субстанции только путём редуцирования простого из более сложного.

Но Спиноза допускает также обратное – возникновение сложного из более простого, однако применительно к его системе это допущение есть не более чем формальность. Т.о. развитие, понимаемое как движение от простого к сложному, невозможно, по крайней мере, необъяснимо. Этим допущением Спиноза слепо следует эмпирии — ведь надо как-то объяснить неопровержимый эмпирический факт возникновения сложного из простого.

Чтобы обойти противоречие, вызванное признанием единственности субстанции, что не даёт объяснения многообразию действительности, Спиноза вводит понятие модуса — эту искусственную добавку, призванную впоследствии объяснить многообразие реальности.

Эту же цель преследует и декларирование бесчисленного множества атрибутов, хотя сам Спиноза в состоянии назвать только существование, протяжённость и мышление (хотя, строго говоря, уже собственно в актуальности протяжённости и (или) мышления имманентно предполагается существование). Что и неудивительно – ограничив число объектов (вернее, субъектов) саморазвития одной субстанцией невозможно без внутренних противоречий вывести всё богатство форм природы.

Впрочем, такое самоограничение единственностью субстанции вполне объяснимо признанием Бога — постулата, вызванного благоговением перед мощью и бесконечностью природы и призванного через гипотетическую бесконечность его атрибутов оправдать бесконечность сущего. Здесь Спиноза целиком во власти эмпирии. Следствием является признание единственности субстанции как саморазвивающегося субъекта в целом и отказ всем другим *объектам реальности* в саморазвитии, в *субъектности*.

И, главное, несмотря на провозглашение монистичности субстанции, — единства в ней бытия и мышления, — суб-

станция Спинозы тем не менее сугубо дуалистична (вернее, множественна): атрибуты не могут непосредственно взаимодействовать между собой, т.е. субстанция – это смесь независимых компонентов, существующих раздельно, и атрибуты соотносятся только через бога.¹ Формально декларированное единство субстанции тут же разрушено утверждением независимости атрибутов. А это уже шаг назад, к Декарту.

«Вещь, которая определена к какому-либо действию, необходимо определена таким образом богом, а не определённая богом сама себя определить к действию не может»² – а это значит, что *причина всех вещей*, модусов – в боге. Т.о. вещи, модусы не могут быть непосредственной причиной других вещей, модусов, и как следствие невозможно последовательное причинно-следственное развитие. Вещи, модусы не обладают *самостоятельным* существованием! Их реальное существование иллюзорное, по видимости – всё опосредствуется только богом и через бога. А в боге – через идеи: *«как идеи атрибутов бога, так и идеи отдельных вещей имеют своей производящей причиной не объекты (ideata) свои или воспринимаемые вещи, а самого бога, поскольку он есть вещь мыслящая».*³ Идеи существуют независимо от своих идеатов, объектов – они принадлежность бога. Т.о. мышление бога и в боге – главный атрибут, причина причин. Не спасает положения и признание, что *«порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»*, которое остаётся декларативным заявлением.⁴

Налицо глубоко лежащий неявный объективный идеализм Спинозы. Часто высказываемые мнения о материализме Спинозы, базирующиеся на выводе, что под именем бога он имеет в виду вполне материальное основание — субстанцию, игнорируют вышеуказанное положение. Спиноза – пантеист, единство мира для него в боге, которого можно и обезличить, назвав природой. Атрибуты едины исключительно в боге-природе, который(ая) и есть субстанция, непостижимым об-

¹ Это отмечал ещё Гегель: «Атрибуты не находятся ни в какой *дальнейшей определенной связи* ... с субстанцией и друг с другом, помимо той, что они выражают субстанцию всю целиком...». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 480.

² Спиноза Б. Избр. произведения в 2 томах, М., 1957, Т. 1, С. 385.

³ Там же, С. 406.

⁴ Там же, С. 407.

разом всё в себе соединяющая.

Однако, нельзя не отметить того факта, что своей *идеей единства бытия и мышления в одной субстанции Спиноза пытается уйти от дуализма материального и идеального, неустранимого как в рамках материализма (по крайней мере материализма, не объясняющего исчерпывающе сущности идеального), так и идеализма, и утвердить идею субстанции-онального монизма.* Это чрезвычайно важный момент, хотя и оценённый диалектической мыслью высоко, но, к сожалению, в полной мере не получивший развития.

Фундаментальную идею диалектичности как *саморазвития* объективно существующей реальности наиболее последовательно и полно развил Гегель, взявший за основу развития идеальное основание.

В отличие от Спинозы, не указавшего источника и механизма саморазвития субстанции (кроме мало что объясняющей ссылки на т.н. причину)¹, что и дало повод Гегелю упрекнуть Спинозу в том, что его субстанция не обладает самодвижением² и, по сути, мертва, сам Гегель источник движения – противоречие – утвердил основой развития и одним из краеугольных камней диалектики.

Принцип отрицательности, возведённый в абсолют (и это можно утверждать вполне уверенно), стал тем золотым ключиком, который открыл тайну движения реальности. Но это не абстрактная отрицательность, применяемая к чему угодно, а рефлексия объекта развития в себя (отрицание), соотнесение отрицаемого с отрицанием, становление противоречия, взаимодействие сторон противоречия вплоть до его разрешения – снятия противоположностей в новом качестве. А это уже положительный момент – снятие противоречия и сохранение результата движения в новой, более полной форме.³

¹ Справедливости ради следует сказать, что идея противоречия всё же прозвучала у Спинозы, к сожалению мельком, походя, не получив должного, соответствующего её значению, развития: «Если в одном и том же субъекте возбуждаются два противоположных действия, то или в обоих из них, или только в одном необходимо должно происходить изменение до тех пор, пока они не перестанут быть противоположными». Противоречие у Спинозы, как видим, не источник движения, а помеха ему. Там же, С. 591.

² Выше мы уже отмечали это.

³ «...познание логического положения о том, что отрицательное

Принцип саморазвития, основанного на самоотрицании (на саморазличении), развитии и разрешении возникшего противоречия превращает развивающуюся реальность (у Гегеля идею) в *субъект* собственного движения, что дало Марксу повод для утверждения, что «...деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...»¹.

Не будем забывать, что движение (самодвижение) рассматривается Гегелем применительно к идее, существующей независимо не только от мыслящего субъекта, но и от материального мира, а также к её отражению в мышлении, понятию. Материальный же мир есть лишь воплощение идеи, следствие её развития.

Гегель в стремлении вывести всё сущее из одного начала совершенно верно выразил дух идеи Спинозы о монистичности субъекта, находящегося в основании самодвижения. Но, возвеличив идею как высшую истину и исток сущего, он логически необходимо низвёл материю до дополнения к идее, до её вторичного проявления в вещественности, тем самым сведя все формы взаимодействия материальности и идеального как источника всего богатства мира к формальному следствию из идеи. Найдя источник самодвижения объективной реальности, рассматриваемой им как идея, и подробно описав механизм его действия, Гегель в конце своего исследования остановился перед проблемой перехода идеального в матери-

равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего особенного содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего, а отрицание определённой вещи, которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определённое отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает; это есть, собственно говоря, тавтология, ибо в противном случае он был бы чем-то непосредственным, а не результатом. Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть определённое отрицание, то оно имеет некоторое содержание. Оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 107-108

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 3, С. 1.

альное только кратко заметив, что «сосредоточивая себя в непосредственность *бытия*, идея как *целокупность* в этой форме есть *природа*»¹, и оставив открытой проблему этого перехода, т.е. взаимодействия идеального и материального.

Глубокая гегелевская идея саморазвития как самоопределения субъекта развития через саморазличение (отрицание) и дальнейшее движение полученного противоречия и его разрешение (снятие сторон в новом качестве) повисла в воздухе, поскольку, признавая право субъектности только за идеальным и отказывая в этом материальному, Гегель тем самым разводил их на противоположные несовместимые полюсы. Дуализм снова встал непреодолимым препятствием на пути познания реальности как *единой* саморазвивающейся сущности.

Материализм во всех его версиях, при неоспоримом гносеологическом преимуществе перед идеализмом², также не даёт чёткого развёрнутого объяснения не только механизму взаимодействия материального и идеального³, но и сущности идеального, без чего решение вопроса о субъекте саморазвития невозможно. Т.о. материализм, как и идеализм, в неясном виде несёт на себе печать дуалистичности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Все интерпретации понятия идеального вращаются вокруг известной фразы Маркса⁴ и замечания Ленина⁵ и не проясняют вопроса. Хуже того, со временем рассуждения о проблеме соотношения материального и идеального всё более и более уклонялись от гносеологической направленности в психологическую проблематику. Такой редуccionизм окончательно низвёл принципиальную гносеологическую проблему до уровня тривиальности (не сказать — философской пошлости). Исключе-

¹ Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 3, С. 310.

² Даже диалектичность гегелевского идеализма, признавая историчность развития общества, не позволяет определить его движущих сил и, тем более, дать прогноз перспектив движения.

³ Ссылки на практику как на такой механизм есть не более чем указание на явление, сущность которого так и не объяснена.

⁴ «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 21.

⁵ «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории». Ленин В.И. ПСС, изд. 5-е, Т. 29, С. 104.

нием являются, едва ли не единственно, исследование Э.В. Ильенкова «Проблема идеального», а также интересные замечания к нему М.А. Лифшица в «Диалоге с Эвальдом Ильенковым». Но об этом речь впереди.

Говоря о диалектике, следует чётко акцентировать такой аспект диалектичности как распространение её действия на сферы и бытия, и мышления. Поскольку разногласия в этом вопросе среди сторонников диалектизма давно стали достоянием истории, и убеждение в том, что диалектичность движения есть сущность как бытия, реальности, так и мышления, его отражающего, и это факт, утверждаемый не только логически, но повсеместно подтверждаемый эмпирически, то сомнения в данном вопросе будут существенным отступлением назад и проявлением архаических взглядов.

Есть и другая сторона данного вопроса, а именно – разделение диалектики на т.н. объективную и субъективную. К объективной диалектике относят сферу бытия, онтологического, к субъективной – сферу мышления, отражения бытия в мышлении. Но коль скоро сторонники диалектики соглашались, что обе сферы развиваются по одним и тем же диалектическим законам, то логично признать, что существует общее – диалектичность как принцип саморазвития, которому подвластны и онтологические, и мыслительные объекты и процессы, и особенное – способ (метод) действия с мыслительными объектами. Общее получает логическое развитие в особенном и переход общего в особенное и обратно (познание и практика) есть двунаправленный процесс их согласования, взаимодействия, отождествления.

Т.о. можно утверждать, что в самой общей форме диалектичность (диалектика) есть:

- в широком смысле – способ самодвижения реальности, рассматриваемой в единстве её материальной и идеальной сторон. При этом самодвижение осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий;

- в узком смысле – способ (метод) постижения действительности человеком, тождественный её диалектической сути (самодвижение неразрывно связанных мышления и практики).

Определив фундаментальный принцип диалектики как саморазвитие посредством саморазличения (*само*-различения –

поскольку различие осуществляется не внешним образом, а имманентно самому процессу движения), возникновение вследствие этого противоречия между возникшими сторонами (определениями), которое является источником и движущей силой развития, и его последующего разрешения (снятия сторон противоречия в новом качестве), следует рассмотреть подробно вопрос о собственно самодвижущейся реальности или, что то же самое, *субъекте* саморазвития.¹

2. Материя

Выше, рассматривая суть диалектичности как саморазвития посредством *внутренней* противоречивости, мы априори признали, следуя эмпирическим наблюдениям гениев философии, наличие двух нераздельных атрибутов саморазвивающейся действительности – материального и идеального (протяжённости и мышления в прежней транскрипции) совершенно их не рассматривая и не конкретизируя.

Обратимся теперь к реальности, поскольку очевидно, что без логического исследования её сущности любые рассуждения о её способности к самодвижению будут пустыми разговорами.

Стоя на точке зрения материализма о материальности мира обратимся к материи и, в первую очередь, к ленинскому определению материи.

Почти общепризнано, что Ленин дал не непосредственное определение материи, а через опосредствование её иным материи – сознанием, и потому вне соотносённости с сознанием говорить о материи невозможно. Такая трактовка, как представляется, связана с тем исторически сформировавшимся восприятием, которое детерминировано постоянно воспроизводимым в философии противопоставлением материи и сознания, духа и одновременно связыванием их в нерасторжимое единство. Причём упомянутая связанность материи и сознания до сих пор является результатом эмпирического наблюдения, а не гносеологического рассмотрения. В таком

¹ На данном этапе мы абстрагируемся от всех иных диалектических положений, развиваемых в теории диалектики, как имеющих подчинённый характер к изложенному основополагающему принципу и вытекающих из него.

эмпирическом представлении невозможно определить сущность ни того, ни другого, можно только указать на их нераздельность и взаимосвязь, т.е. фиксировать данность, но не объяснить её. Этот устойчивый стереотип и довлеет над пониманием ленинского определения материи.

Но ленинское определение материи гораздо глубже, чем это представляется сторонникам указанной точки зрения и не даёт повода исключительно к трактованию, отмеченному выше. Вспомогательнее в ленинское определение.

«Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».¹

Здесь нет определения одного через другое, вся фраза – это последовательное движение от одного объекта, процесса, к другому. И только завершённое движение мысли, замыкаясь в круг, даёт полное представление о предмете рассмотрения. Попробуем проследить этапы этого движения.

1. «Материя есть философская категория...» — речь пока идёт не о материи как таковой, а о представлении её в мышлении в одной из форм последнего – в категориальной форме. Т.о. косвенно сказано, что материя дана в рассмотрении её формы – материи, осознающей самое себя.

2. «...для обозначения объективной реальности...» — т.е. кроме сознания и вне его существует нечто, называемое материей, которое вполне адекватно представляется в сознании, «видится» им. Это нечто, материя, объективно – определяется только самой собой, и реально – существует, наличествует. Такая материя дана сама по себе и не нуждается в определении посредством чего бы то ни было, и менее всего одной из своих форм. Этот вывод подтверждается другим ленинским высказыванием: «Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания».² Будучи таковой, объективной и реальной, материя самотождественна и самодостаточна, а значит в своём существовании, наличествовании не нуждается ни в чём ином, в т.ч. и опосредствовании иным вне её.

¹ В.И. Ленин, ПСС, изд. 5, Т. 18, С. 131.

² Там же, С. 275.

3. «...которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» — прямое указание на существование формы материи, человека, способной к осознанию самой себя. Понятие материи, раскрытие которого начато с неявного присутствия её высшей, самоосознающей, формы пришло к явному указанию на наличие такой формы, круг замкнулся.

4. Ленинское определение материи, прямо раскрывая её сущность – объективность (самотождественность, самодостаточность) и реальность (существование, наличествование) — как всеобщее и наиболее абстрактное определение, одновременно вводит и ту форму материи, особенное, наличие которой и вызывает столько толков.¹ В ленинском определении связаны воедино два определения – определение не зависящей ни от чего материи как всеобщего и определение её формы, способной к самоосознанию, как особенного. Но если первое дано как непосредственное, то второе всецело определяется этим первым. Т.о. не материя определяется посредством сознания, а напротив, особенность сознания находит оправдание во всеобщности материи, налицо их тождественность, понимаемая как нераздельность.

Итак, из ленинского определения материи следует несколько выводов.

Материя *объективна* (самотождественна, самодостаточна), *реальна* (существует, наличествует), *непосредственна* (дана только себе и не различает себя, не отчуждает себя от себя).² Как таковая материя *естьствует*³ (наличествует, существует),

¹ Т.о. материя рассматривается и в онтологическом («объективная реальность»), и в гносеологическом («философская категория») представлении.

² Понятие материи нельзя редуцировать к представлениям, бытовавшим во времена Энгельса - «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие...» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 20, С. 550).

Материя – не абстракция из совокупного представления веществ, или вещественности как таковой – а всеобщее понятие, которое, напротив, в процессе конкретизации в форме особенного и единичного в рамках естественных наук оправдывает представления о вещественности и веществах.

³ Да простится мне ненормативная лексика.

но не бытийствует (не движется, не развивается).

Но в материи, как она определена выше, не раскрыта способность, причина, в соответствии с которой из всеобщности материи возникает её особенность и, далее, единичность как формы материи. Всеобщность материи и особенность её форм не соединены, не опосредствованы переходом одного в другое (говоря языком Гегеля отсутствует становление), поскольку нет даже указания на механизм такого перехода. Они просто поставлены рядом как результат эмпирического наблюдения, но оно должно быть объяснено гносеологически. Материя, рассматриваемая сама по себе, статична, она не обладает внутренним источником самодвижения (а внешних быть не может – мы остаёмся на позициях диалектики) поскольку ещё не различает сама себя. Такая материя ещё в себе, она не отчуждает себя от себя, не саморазличает своего иного и потому не имеет интенции к движению. Можно сказать, что материя сама по себе вообще не имеет бытия, ибо статичное существование, просто наличествование ещё не есть бытие, представляющее собой движение, жизнь.

Форм материи не только пока нет, но и не может быть, поскольку нет причины её движения – внутреннего противоречия – и, следовательно, самого движения как появления и развития форм. Материя как некая объективная реальность дана только себе, она непосредственна, т.к. пока нет отрицания, саморазличения. Материя – это предельная абстракция существования как такового, существования нечто, ещё совершенно не определённого, не поставленного в отрицание чему-то.

Возможно, поэтому Ленин уточняет: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции».¹

В ленинском представлении субстанция не равнозначна материи, хотя вне и без материи субстанции быть не может. Если следовать формулировке Ленина, то в самом общем абстрактном виде *субстанция есть материя плюс некая причина её движения*. Движение, осуществляемое таким образом, т.е. за счёт внутренней причины, есть не что иное, как *самодвижение, саморазвитие*.

¹ В.И. Ленин, ПСС, изд. 5, Т. 18, С. 142-143.

Диалектика рассматривает в качестве причины движения внутреннее противоречие, каковым (без Гегеля снова не обойтись) может быть только саморазличение как отчуждение себя от себя, как выявление себя и своего иного. Т.е. в материи предполагается имплицитное существование качества, которое делает материю потенциально способной к саморазличению и т.о. к самодвижению.

Не исключено, что подобными соображениями и вызвана весьма загадочная ремарка Ленина, что «...ощущение признается одним из свойств движущейся материи».¹

И ещё, «...ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением».²

Но что такое ощущение, как оно определено выше, в самой общей абстрактной форме, как не некое различие прежде единого на ощущающее и ощущаемое, т.е. возникновение взаимосвязанных противоположностей и дальнейшее их взаимодействие в форме противоречия. Если ощущающее, как это можно предположить, есть материя, ибо ничего другого в наличии нет, то что же такое ощущаемое? Материя, данная самой себе непосредственно, ощущаемым быть не может, поскольку в этом случае нет ощущаемого, иного, того, что должно ощущаться.

Но это иное не может быть и чем-то посторонним материи и совершенно независимым от неё. Материя и её иное с самого начала не могут не быть тождественными, т.е. нераздельными, но одновременно и отличными друг от друга. Как таковые они есть противоположности, представляющие стороны, моменты противоречия, являющегося интенцией движения. Так что же будет ощущаемым?

Вопрос движения есть вопрос поиска причины движения, понимаемый диалектически – как вопрос о движущем внутреннем противоречии. Такое противоречие может быть следствием только саморазличения материи, её самоотчуждения, самоотрицания и возникновения т.о. противоположности материи – её иного, являющегося моментом материи, её иной

¹ Там же, С. 41.

² Там же, С. 39-40.

стороной. Материя, отрицающая саму себя и становящаяся т.о. внутренне противоречивой,¹ превращается в субстанцию – саморазвивающуюся сущность.

На этом в отношении материи остановимся, поскольку вопрос о том, как отмеченная выше имплицитность, предполагающая наличие ощущения, становится действительностью и т.о. происходит образование (становление – помним Гегеля) *субстанции* как саморазвивающейся сущности, является совершенно другим вопросом.²

3. Материя плюс...

Совершенно очевидно, что «своё иное» материи не может не быть, также как и сама материя, объективным и реальным (действительным, существующим), ни о какой трансцендентальности своего иного материи не может быть и речи. Поскольку своё иное материи может быть только нераздельным с материей и одновременно отличным от неё, то это своё иное должно быть одновременно как производным материи (тождественным), так и не-материальным (отличным).

Но в чём же тогда может заключаться не-материальность этого иного, если оно объективно и реально подобно материи? Вспомним, что материя дана только самой себе и как таковая *непосредственна*. Следовательно, иное материи может быть представлено только *опосредствованно*, причём в

¹ Здесь же отметим, что до выяснения вопроса о причинах превращения материи в саморазвивающуюся субстанцию (или, другими словами, до выяснения механизма самоотрицания, самоотчуждения материи и появления т.о. внутреннего противоречия) объяснение феномена самоосознания материи только признанием такового реальностью будет не более чем эмпирическим наблюдением, не подтверждённым логическим анализом.

² Возможно, ключ к ответу следует искать в мысли Ленина, что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: ...исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»? (Там же, С. 151). Совершенно очевидно, что недостаточно всеу мимоходом поминать «относительность противоположения», как это происходит по сию пору, давно пора пресловутую относительность сделать предметом диалектического анализа.

качестве опосредующего может выступать только сама материя – ведь кроме материи ничего нет.

Итак, чтобы обрести причину движения — внутреннюю противоречивость — материя должна отделить себя от себя и выступать в двух ипостасях: материя как таковая, непосредственно себе данная, и материя как опосредствование, как представление своего иного – чего?

Материя, будучи сущей, существующей, не пребывает неизменной в этом состоянии – даже при внешней неизменчивости материя существует во времени и этот процесс существования во времени есть одновременно процесс возникновения истории материи, которая не исчезает бесследно, но остаётся в наличной материи как её «память» о предшествующем существовании. Эта история существования материи, запечатлённая, представленная в её наличном состоянии и есть то самое искомое своё иное материи.

Теперь материя способна отделить себя от себя – себя как наличное, актуальное от себя как предшествующего процесса существования, следствием которого и стало это наличное. Новое состояние, новое наличное (актуальное) дано как непосредственное, а завершённый процесс представлен в этом новом наличном как некое изменение прежнего наличного. Актуальное материальное отделяет себя от прошлого состояния (материального же), которое предстаёт в актуальном как его основание. Т.е. процесс изменения прежнего наличного представлен в новом наличном, в актуальном.

Материя как наличное, материальное, противопоставляет себя себе же, но в другой, не-материальной форме — как представлению в себе своего же процесса существования — своему иному. Материя теперь «ощущает» себя со стороны своего иного, она соотносится со своим собственным отрицанием, представленным в ней же. И поскольку это отрицание, своё иное, есть та же материя, но представленная со стороны не-материальности как «ощущение», как представление, то оба момента (материальное и не-материальное) составляют тождество в различии – внутреннее противоречие, становящееся источником дальнейшего самодвижения того нового объекта, в который превращается материя, получившая способность к самоотрицанию.

Материя, получив посредством саморазличения, самоотрицания, новое качество – противоречивость – приобретает

тем самым способность к самодвижению. Теперь это не прежняя непосредственная материя, а материя, обогащённая самоотрицанием и ставшая т.о. субъектом собственного движения – субстанцией.

В субстанции в одновременном тождестве и различии представлены две её стороны, момента – *непосредственно* данное материальное, наличное и *представленный* в этом материальном (*опосредствованный* этим материальным, наличным) процесс его возникновения, движения. При этом нематериальная сторона субстанции, представление (ещё раз вспомним – ощущение) в наличном материальном процесса его движения предстаёт как идеальное. В идеальном *снят* процесс движения материального и в таком снятом виде представлен в наличном, актуальном материальном как его иное.

Логическим путём мы пришли к выводу, что идеальное есть столь же объективное и реальное как и материальное, но, в отличие от *непосредственно* данного материального, объективность и реальность идеального представляются *посредством* этого же материального как идеальная сторона их противоречивого соотношения.

Т.о. *субстанция представляет собой единство материального и идеального, которые есть стороны, моменты субстанции*. Во избежание недоразумений следует сказать, что субстанция, о которой идёт речь, не есть нечто третье по отношению к своим сторонам, это они сами в тождестве, которое одновременно есть их единство и различие. Поэтому выражения «сторона», «момент» следует понимать так, что речь идёт не о чём-то внешнем предмету рассмотрения (субстанции), либо искусственно в нём выделяемом, а об его имманентном качестве, без которого субстанция невозможна. При этом стороны субстанции не изолированы друг от друга, но взаимодействуют и влияют друг на друга, определяют одна другую и перетекают друг в друга, поскольку в противном случае субстанция также существовать не может – ведь она есть тождество своих соотносящихся друг с другом сторон. И в этом отличие от субстанции Спинозы (Бога, Природы), которая вполне самостоятельна и независима по отношению к своим бесчисленным и совершенно изолированным друг от друга атрибутам.

Из застывшего в изолированности отношения атрибутов

Спинозы невозможно вывести все проявления необычайно подвижного материально-идеального мира реальности (и это постоянно показывает практика), обязательно наступает момент, когда мышление не в состоянии объяснить переход материального в идеальное (и наоборот), и тогда приходится обращаться к трансцендентальному — в идеализме, либо редуцировать непонятые материально-идеальные явления только к материальным феноменам и тем самым обеднять сущность реальности — в вульгарном материализме. В обоих случаях познание лишается полноты и истинности, либо остаётся в тисках неразрешимых в границах данных концепций противоречий.

4. Идеальное

Если обратиться к вопросу об истории понятия идеальное, то, не вдаваясь в пространный исторический экскурс, на основании сложившихся представлений можно сделать вывод, далёкий от оригинальности — идей об идее (и, следовательно, идеальности) всего две: первая — идеи объективны и обладают самостоятельным существованием либо наравне с материальным миром, либо предшествуя ему (объективный идеализм); вторая — идеи субъективны, есть порождение мышления и вне его не существуют. Второй взгляд на происхождение идей, в свою очередь, имеет две линии: идеи есть отражение материального мира (материализм); идеи есть исключительно продукт чистого мышления и не определяются внешним миром (субъективный идеализм).¹

В мысли, что идеи отражают реальный мир, явно видна попытка связать воедино материальное и идеальное, нащупать их средостение, но в итоге идеальное оказывается целиком заключённым внутри мышления, сознания, даже если это т.н. объективное (общественное) сознание. По сути, такое идеальное не всеобщее и не объективно. Не всеобщее, поскольку представляет собой продукт особенного и единичного, человеческого мышления, которое не становится всеобщим, да-

¹ Особо следует отметить, что речь шла, прежде всего и преимущественно, об идеях, но не об идеальности как таковой, которая далеко не тождественна идеям, как они представляли в толковании философов.

же будучи подано под видом мышления Природы в человеке. Такое гипостазирование частного в форму общего не проясняет существа вопроса, а напротив, возводя субъективность в степень всеобщности становится впоследствии источником новых неразрешимых противоречий. Как следствие же особенного это идеальное объективно ограничено — таковым оно является только по отношению к мыслящим индивидам как продукт их мыслительной деятельности, отчуждённый в общественном сознании.

Подход же, согласно которому идеальное субъективно и есть продукт мышления, независимого от внешнего мира, во-первых, также включает идеальное в рамки особенного и единичного (мышления), отчего оно не в состоянии вырваться на простор объективного и всеобщего, и, во-вторых, ограничивает идеальное потенциями исключительно самого мышления и, тем самым, обрекает его вращаться в кругу собственных определений, истинность которых релятивна. Это направление в силу указанных причин замкнуто в себе самом и потому бесперспективно.

Философское направление, исповедующее самостоятельность существования идеального наравне с материальным, также не даёт ответа о механизме их взаимодействия. Самостоятельные идеи, не взаимодействующие с материальным миром (трансцендентальные идеи), либо взаимодействующее формально, на основании схоластических утверждений, не раскрывающих механизма такого взаимодействия, есть пустая абстракция, как, впрочем, и противостоящий им столь же изолированный в себе материальный мир. Эти ничем не ограничиваемые и ни с чем не соотносящиеся идеи тем самым определены только через самих себя, замкнуты в себе, а это замкнутое определение есть тавтология, формальное ($A=A$), а не диалектическое тождество.

На таком основании их невозможно соотнести с иным, либо, что то же самое, можно соотнести с чем угодно, поскольку они замкнуты в себе, ни с чем не «соприкасаются», ни с чем не имеют общих границ. Но это соотнесение будет всецело формальным пустым противопоставлением, не имеющим в себе *внутренней* потенции развития.

Из философов материалистического диалектического направления наиболее детально исследовал категорию идеального советский философ Э.В. Ильенков. А потому в каче-

стве отправной точки рассмотрим определение идеального, данное Э.В. Ильенковым¹, поскольку, на наш взгляд, проблеме идеального, именно как *гносеологическую диалектическую* проблему, из всех исследователей новейшего времени наиболее глубоко видел именно он и достиг в её исследовании значительных результатов.

Согласно Э.В. Ильенкову «под «идеальностью» или «идеальным» материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта...».²

Заметим, что высказанное нами выше положение о том, что идеальное есть *снятое* материальное — это иная форма утверждения Э.В. Ильенкова, что идеальное есть *представление* одного материального объекта в другом. В данном случае в одном материальном объекте идеально снят другой материальный объект, т.е. представлена сущность, природа, закон существования этого другого объекта. Отметим, что Э.В. Ильенков ограничивает сферу действительности идеального тем, что оно может быть представлением одного материального объекта в другом, но не может быть представлением для материального объекта *своего* идеального *в себе* (а ведь любой материальный объект есть результат неких материальных процессов, которые запечатлены, закреплены в самом объекте – в его сущности, качестве, форме). Этим условием идеальное ограничивается процессами *взаимодействия* разных объектов и исключаются наличие идеального в процессах *саморазвития* объектов реальности, тем самым идеальность как феномен из сферы всеобщего низводится в сферу особенного и единичного, что самым негативным образом скажется на выводах Э.В. Ильенкова.

На первый взгляд идеальное как соотношение между разными материальными объектами должно быть столь же объективным, как и сами материальные объекты. Но условие, что

¹ Ильенков Э.В. Проблема идеального // «Вопросы философии», 1979. № 6, С. 128-140. № 7, С. 145-158.

² Там же, С. 131.

один объект может быть представлен только в другом (а себя в себе представлять не может), содержит потенциальную возможность, которая может воспрепятствовать утвердиться фундаментальному принципу объективности и всеобщности, поскольку даёт возможность предполагать наличие опосредствующего соотношения, некоего третьего объекта между представляемым и представляющим – ведь должен же быть механизм формирования представления и, следовательно, субъект этого действия. И здесь Э.В. Ильенков резко сужает статус идеального, вводя в качестве опосредствующего фактора человеческую деятельность.¹ Т.о. идеальное из сферы потенциальной объективности и всеобщности низводится в сферу особенности, субъективности, зависимости от деятельности человека.²

И потому утверждение Э.В. Ильенкова, что «...«идеальное», понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений...»³, т.е., другими словами, что идеальное всеобщее и объективно, повисает в воздухе. Этот вывод подтверждается последующим заявлением, что «...сфера явлений, коллективно создаваемый людьми мир духовной культуры, внутри себя организованный и расчленённый мир исторически складывающихся и социально зафиксированных («узаконенных») всеобщих представлений людей о «реальном» мире, и противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир,⁴ как «идеальный мир вообще», как «идеализированный мир».

¹ «Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определённости, а той определённости, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности». Там же, № 7, С. 157.

² Нельзя исключить предположения, что данный вывод, редуцирующий всеобщее к особенному и, тем самым, критически сужающий гносеологические потенции понятия идеального, сделан под давлением идеологической конъюнктуры того времени с сугубо прагматической целью избежать обструкции «коллег» и позитивистски мыслящих руководителей от философии - уж слишком резок контраст между всеобщностью и особенностью двух определений. Тем более, что даже такой паллиатив вызвал резкую критику.

³ Там же, № 6, С. 131.

⁴ Там же.

Т.е. идеальное есть результат деятельности людей и представляет собой «мир духовной культуры», что, несомненно, верно, но этим ограниченным определением Ильенков исключает деятельность природы, внешней людям и независимой от них и, соответственно, «соотношение между материальными объектами», о котором говорилось ранее. Всеобщность идеального растворяется в особенности человеческой деятельности.

Налицо два несовместимых утверждения: во-первых, идеальное это «всеобщая форма и закон существования», т.е. категория объективная и всеобщая; во-вторых, это «коллективно создаваемый людьми мир духовной культуры», который «противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как «идеальный мир вообще», как «идеализированный мир» — т.е. идеальное создано и ограничено миром людей, обществом, и, следовательно, категория особенная, субъективная (поскольку является результатом субъективной деятельности человека). Эти противоположные утверждения фактически отождествляются, — всеобщее (природное, объективное) формально ставится в соответствие особенному (человеческому, субъективному), — но, поскольку они не имеют внутреннего единства, отождествление носит чисто формальный характер. Субъективный мир людей не может быть тождествен миру в целом как равноправная категория. Это тождественность правомерна только в одном особенном отношении — при соотношении с объективным внешним миром субъективного мира людей как более или менее адекватного отражения первого, но это уже иная проблема — проблема истинности. В качестве объективного субъективный мир людей может выступать только по отношению к индивиду, а это значит, что идеальное, созданное человеком, не имеет значения объективности и всеобщности, но только субъективности. Такое идеальное объективно только по отношению к индивиду, но уже по отношению ко всему обществу (т.е. к самому себе) оно субъективно и, тем самым, в себе ограничено собой же, не имеет значения всеобщности и объективности.

Декларативное, не подтверждённое логическим выводом, заявление о том, что идеальное может быть представлением одной вещи в другой вещи, опосредствованным только человеческой деятельностью, оказалось логическим тупиком,

выйти из которого возможно только отвергнув данное утверждение и предположив, что идеальное всё-таки объективно и всеобще, т.е. актуально во всём сущем.

Идеальное же Э.В. Ильенкова двойственно и, тем самым, как всё дуалистичное, внутренне противоречиво, но это противоречие не диалектическое (не тождество отрицательностей), а формальное (противоречие разных сущностей). С одной стороны оно есть следствие материального процесса и в этом качестве вполне объективно (как бы не представлял это сам Э.В. Ильенков). Но с другой стороны эта объективность есть объективность не всеобщего, а особенного – человеческой деятельности. Это идеальное только ограниченно объективно – в пределах человеческого общества и объективно только по отношению к индивиду. В итоге получается, что нет общества — нет и идеального.

По поводу такого сугубо субъективного идеального возникают вопросы, на которые у Э.В. Ильенкова ответов не найти. Присутствует ли идеальное в продуктах труда человека при отсутствии самого человека? Например, в луноходе, находящемся на Луне, в станциях, опустившихся на Венеру и Марс, в космических аппаратах, летящих сейчас в пространстве (даже за пределами Солнечной системы). Можно, конечно, сказать, что пока человек живёт и помнит об этих механизмах они находятся, так сказать, в пределах общества и потому их идеальное актуально.¹ Проведём мысленный эксперимент — человечество исчезло (к сожалению, вполне вероятный исход). Так что же, также исчезнет идеальное этих аппаратов и, следовательно, их вещественная форма, которая «выросла» из идеального как формы «активной жизнедеятельности человека»? Мистика... Значит идеальное как застывшая в вещи «жизнедеятельность человека» сохранится?

К тому же сам Э.В. Ильенков говорит, что «деятельность человека представлена в форме вещей...». Но эта деятель-

¹ Критики могут сослаться на Маркса - «железная дорога, по которой не ездят — это не железная дорога». Но этот довод не способен изменить *сущности* железной дороги (её предназначения), которая (сущность) остаётся даже в том случае, когда дорогой не пользуются. Идеальное железной дороги, «вложенное» человеком (т.е. процесс создания дороги, результатом которого стала её вполне конкретная материальная форма), не исчезает бесследно, даже если человек не пользуется ею.

ность, представленная в форме вещи, останется в вещи и вне, и без человека. Деятельность, создавшая конечную вещь, тем самым уже закреплена в вещи, она теперь имманентна вещи, она её необходимый атрибут и как таковая присутствует уже независимо от человека. Получается, что Э.В. Ильенков противоречит сам себе, говоря, что вне человека идеальное не существует. Человек способен увидеть идеальное, заложенное в вещь другим человеком, только потому, что это идеальное принадлежит уже самой вещи и более не нуждается в присутствии человека.

Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели особенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность человека отличается от материальной деятельности природы? Тем, что она есть следствие мышления? Телеологичностью? И только? Почему эти сугубо субъективные факторы должны служить препятствием к признанию идеальности объективной и всеобщей действительностью всей природы? Ведь человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального, в данном случае человека, и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на *все* материальные процессы и, соответственно, на *всё* материальное?

Мы натолкнулись на логическое противоречие фундаментального характера – если не признать за природой существования идеального как «своего иного» материального, столь же объективного и всеобщего, то невозможно объяснить появление идеального в человеке и, следовательно, самого человека как активного актора идеального.¹

Из этого противоречия следует производное от него – если человеческая деятельность как объективный материальный процесс в состоянии произвести материальное, обладающее

¹ Это противоречие тогда же было отмечено М.А. Лифшицем – «...идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде». Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003, С. 74.

качествами объективности и всеобщности, понимаемых как сущность, как законы природы, представленные в продуктах труда, то почему следует отказать ей в возможности произвести тождественное этому материальному иное – объективное и всеобщее невещественное, идеальное (но только его частное подобие – субъективное невещественное, особенное и единичное).

Тем не менее, несмотря на отмеченную противоречивость и неполноту концепции идеального, выдвинутой Э.В. Ильенковым, следует отметить главное — его научную смелость в постановке и решении проблемы, а также глубину выдвинутых принципиальных положений (хотя и не выдержанных им последовательно):

- идеальное есть следствие вполне материальных процессов и представляет собой их иную, не-материальную, сторону и потому:

- идеальное так же объективно, как и материальное;
- идеальное столь же всеобще, как и материальное;
- как таковое оно тождественно материальному, т.е. материальное и идеальное едины, неотделимы друг от друга и одновременно отличны.

К проблеме идеального обращались многие философы, но почти все они рассматривали идеальное в несколько ином ракурсе – либо как идею, которая не только столь же самостоятельна, как и материя, но и довлеет над ней (эта трактовка соприкасается с поставленной проблемой, но довольно далека не только от её раскрытия, но и от намёка на предполагаемое решение), либо как нечто завершённое, как высшее воплощение сущего, идеальное как совершенство (что, скорее, следует считать частным случаем первого представления).

Но есть ещё одна трактовка идеального – это определение идеального Гегелем. Возьмём же, согласно совету М.А. Лифшица, у него урок.

«Снятие (*Aufheben*) и снятое (*идеальное* — *ideelle*¹) — одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл кото-

¹ Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как совершенное («*Ideale* имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем *Ideelle*...»). Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 168) и идеальное как снятое, смысл которого им далее разъясняется.

рого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. — Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. ... снятое ... есть нечто *опосредствованное*: оно не-сущее, но как *результат*, имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет в себе *определенность*, от которой оно *происходит*.

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*.

... Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

... Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлексированное, подходит название *момента*.¹

Переведём эти положения с идеального языка Гегеля на язык объективной реальности, держась в границах предложенной нами концепции идеального.

Материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как материальный процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и снятый в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, снятый (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального*, его противоположность. Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объ-*

¹ Там же. В качестве частного вывода можно отметить, что «идея» и «идеальность» для Гегеля понятия не вполне идентичные.

екте (в наличном, актуальном материальном).

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона конкретного материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно особенное и конечное (ограниченное в форме конкретного материального). И оно же есть сущность, принцип, понятие этого процесса и в таком качестве всеобщее и бесконечное. Такое идеальное столь же объективно и всеобщее, как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального.

Поскольку идеальное есть снятие процесса движения, то *в основании (источнике) идеального находятся не вещи, предметы, а процессы, действие. Основание идеального – это материальное, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а как движение, процесс.* Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь (предмет, объект) в данном случае можно назвать *основой (или материальной основой)* в которой представлено её собственное идеальное.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое».

В главном Э.В. Ильенков прав – «...«идеальное», понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений...», есть *представление* материального в материальном, *снятие* материального процесса в материальном объекте. При этом снимаемое и снимающее составляют тождество, единство при сохранении отличия, поэтому следует говорить не о материальных, а о материально-идеальных объектах. Этот феномен актуален для всей реальности, всех её процессов и объектов.

Резюмируя всё, что ранее было сказано об идеальном и идеальности, можно сделать следующие выводы.

Материальное ранее было определено совершенно абстрактно как объективное и реальное и в таком виде, данное только через самое себя, ещё не имеет качества как

соотнесённости с иным. Таким иным материальности может быть только отрицательность материальности – нематериальность, идеальность. Снятие этих сторон, моментов (материальности и идеальности) в их единстве имеет результатом новое состояние реальности, в которой представлены уже и материальное и его иное, но уже как тождественные, определяемые друг через друга и, т.о., придающие новой реальности качественную определённость, в которой материальное получает полноту выражения через свои свойства, являющиеся результатом процесса возникновения новой реальности.

Эта новая реальность в себе уже полностью определена как *единство противоположностей* (в отличие от исходной категории, материального, определённого только через себя) и, следовательно, несёт в себе потенциал развития. Эта реальность и есть *субстанция*, логическое определение которой было дано ранее, а подобный взгляд на субстанцию можно назвать *субстанциональным монизмом*.

Идеальное как иное материального есть снятие, представление материального процесса в его результате – наличном, актуальном материальном. Тождество материального и идеального при их одновременном различии есть сущность принципа субстанционального монизма, что в действительности проявляется как существование саморазвивающихся сущностей, субстанций, включая как природу в целом, так и все её бесчисленные формы.

На первый взгляд вышеизложенные рассуждения дают основание к утверждению, что вместо субстанционального монизма как тождественности материального и идеального мы снова пришли к дуализму – материальное первично, поскольку идеальное есть снятое материальное. Этот довод следует элиминировать как несущественный по той причине, что такая последовательность возникновения идеального из материального присутствует только в логических построениях, но никак не в реальном мире, где материальное и идеальное всегда и везде сосуществуют одновременно, в единстве.¹ Но

¹ У Гегеля: «Идеальность присуща прежде всего снятым определениям как отличным от того, в чем они сняты, каковое можно брать, напротив, как реальное. Но в таком случае идеальное оказывается опять одним из моментов, а реальное — другим; однако идеаль-

факт логической последовательности материального и идеального есть чрезвычайно важный гносеологический момент, поскольку такое их понятийное разделение даёт в наши руки инструмент исследования их взаимодействия в развитии.

Это противоречие между онтологическим монизмом и гносеологическим дуализмом (вернее, псевдодуализмом, поскольку материальное и идеальное, как увидим, перетекают друг в друга, меняются местами как активные стороны субстанции), является источником движения мышления, в котором гносеологический дуализм представляет активную сторону.

5. Субстанция

Логически выведенная тождественность материального и идеального, их конкретность как единство при сохранении отличия и представляет собой *субстанциональность* всего сущего, всего материально-идеального мира.

Мы подошли к принципиальной проблеме, взгляд на которую столь определённо, даже резко, выражен Спинозой¹ и с чем согласуются современные представления.² Речь идёт о

ность заключается в том, что оба определения одинаково *суть* только *для одного* и считаются лишь за *одно*, каковая, *одна* идеальность тем самым неразлично есть реальность». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 227. Другими словами – в реальном содержится идеальное как снятое, или – идеальное есть снятое материальное, процесс его движения, запечатлённый в материальном. Следует сказать вполне определённо, что идеализм Гегеля далеко не так прост, как это поверхностно представляется устоявшейся традицией. У умного материализма гораздо больше точек соприкосновения с гегелевским идеализмом, нежели с любой другой философской концепцией.

¹ «Одна субстанция не может производиться другой субстанцией». Спиноза Б. Избранные произведения, М., 1957, с. 364.

² «(лат. substantia – сущность; то, что лежит в основе), – объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей». Ильенков Э.В. Субстанция // Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, т. 5, с.151-154.

единственности формы существования субстанции в форме природы в целом. При таком взгляде на субстанцию многообразие природных форм объясняется бесчисленностью атрибутов и модусов субстанции.

Ранее уже говорилось, что попытка сочетания в одной субстанции её невзаимодействующих атрибутов лишает субстанцию источника движения, и, как следствие, возможности возникновения новых форм, модусов, которые, в итоге, есть следствие не внутреннего развития, но исключительно внешнего определения.

Спиноза вынужденно приписал субстанции бесчисленное множество атрибутов, не имея возможности отказаться от довлеющей идеи всемогущего бога-субстанции. Именно аксиоматическое, абстрактное представление о наличии всемогущего бога необходимо привело к принятию концепции о бесчисленности атрибутов, чтобы оправдать это поражающее воображение всемогущество.

Суждения, не подкреплённые анализом сущности субстанции, приводятся и в известной «Философской Энциклопедии»: «...субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как «субстанция-субъект», т.е. активная причина всех своих формообразований...».¹ Т.е. налицо декларирование, приписывание материи субстанциональных свойств, а материальных качеств — субстанции, но не исследование сущности собственно субстанции. Несмотря на использование дуалистической формы выражения – «с одной стороны, с другой стороны» — фактически приводится формально-логическая цепочка: субстанция есть материя, а материя есть субстанция-субъект. Из этой тавтологии мало что можно вывести.

Единственно правильным логическим выводом будет признание, что субстанцией является не только природа в целом, но и *любые* материально-идеальные объекты, *саморазвивающиеся* вследствие возникновения и разрешения внутреннего противоречия между сторонами (моментами) субстанции, которая, т.о., становится субъектом собственного движения. Форма возникновения, протекания и разрешения внутреннего

¹ Ильенков Э.В. Субстанция // Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, т. 5, с.151-154.

противоречия постоянно изменяется в новых формах субстанции по мере их появления. Многообразие мира объясняется существованием множества форм субстанций и законов их развития.

В мире нет ничего, кроме саморазвивающихся субстанций в их бесчисленных формах, вплоть до природы в целом как субстанции. С этой точки зрения все вещи (предметы, явления, системы, структуры и т.п.), фиксируемые мышлением, представляют собой не что иное, как мгновенные «снимки» названных процессов, предстающие перед нами как некие устойчивые образования. Именно такое понимание выражено в условии рассматривать категории как текущие, изменяющиеся в соответствии с изменениями вещей.

Итак, ранее логически выведенное условие признать субстанциональным качеством единство материального и идеального, которые есть стороны, моменты субстанции необходимо дополняется выводом, подкрепляемым всем действительным многообразием мира, что это многообразие возможно только в том случае, если рассматривать как субстанции *все саморазвивающиеся объекты природы.*

*Такая субстанция предстаёт как саморазвивающаяся сущность, представляющая единство своих сторон (моментов) – материального и идеального – тождество которых в единстве и различии предстаёт как противоречивость, являющаяся основанием движения субстанции.*¹

Следует признать несостоятельным возможное мнение, что в природе могут существовать объекты, хотя и обладающие качеством субстанциональности (тождеством материального и идеального), но, тем не менее, не являющиеся субстанциями, не имеющие внутреннего противоречия и не развивающиеся. Якобы, такая субстанциональность как простое пассивное тождество представляет собой всего лишь потенцию, возможность возникновения саморазвития путём перехода этого простого тождества материального и идеального в активную форму, во взаимодействие противоположностей, в противоречие. На самом деле *всё существующее всегда во-*

¹ Идея монистичности бытия звучит и у Гегеля - так рассуждение о двойственности бытия («истинно сущего») и его моментов он заканчивает следующим итогом - «на самом же деле имеется только единое конкретное целое, от которого моменты неотделимы». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 1, С. 222.

влечено в движение в той или иной форме в ту или иную субстанцию. В мире, где всё взаимосвязано и взаимозависимо невозможно существование изолированных объектов, не подчиняющихся общему порядку вещей. Что касается высказанного соображения о пассивной субстанциональности, то такая пассивность не более чем видимость, характерная для изолированно наблюдаемого объекта, за которой скрыто пока не определённое субстанциональное движение и которая свойственна медленно протекающим, либо масштабным процессам.

Логическим путём мы пришли к заключению, что действительность представляет собой бесконечное многообразие форм саморазвивающихся субстанций, которые есть тождество материального и идеального как их сторон, моментов и противоположность которых, переходящая в противоречие, составляет источник самодвижения субстанций. Разумеется, что субстанции в процессе своего движения взаимодействуют между собой и это взаимодействие тоже является источником противоречия особой формы, но об этих противоречиях речь пойдёт позже (глава «Противоречие»). Т.о., субстанциональна и природа в целом, и бесчисленные формы саморазвивающихся субстанциональных сущностей, находящихся в множестве форм взаимодействия. Субстанция всеобща как выражение принципа самодвижения и одновременно особенна и единична как воплощение этого принципа в бесчисленных субстанциональных формах.

Мы подошли к очень важному пункту в понимании сущности субстанции как всеобщего, целого. Все рассуждения строились исходя из признания всеобщности принципа саморазвития субстанции, т.е. определялись им как целым, детерминировались им. Это целое, всеобщее, тем самым, незримо, но существенно присутствовало во всех логических построениях, определяя развитие частного, ограничивая его собой, возможно, даже создавая впечатление некой целесообразности. Рассуждая таким образом мы не сформулировали, нет, мы следовали естественным образом естественному же принципу детерминации частей целым.

Очень хорошо об этом сказал Э.В. Ильенков (выделение текста Ильенкова): «...именно Спиноза раскрыл тайну ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ как простой факт ЦЕЛЮСООБРАЗНОСТИ, — как факт обусловленности частей со

стороны ЦЕЛОГО (а не "цели" в её спиритуалистически-идеалистическом толковании).

Иными словами, — всякий акт анализа, — то есть прослеживания отдельных цепочек причинно-следственных зависимостей, — должен исходить из предельно ясного и четкого представления о том ЦЕЛОМ, которое мы хотим в итоге дискурсивно-аналитического исследования получить.

... Спиноза, как известно, отвергает начисто представление о ЦЕЛЕВОЙ ПРИЧИНЕ, о "causa finalis", — но именно поэтому он вынужден сразу же приступить к преобразованию представления о "ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРИЧИНЕ, — о "causa efficiens".

Он решительно ломает представление о причинно-следственных отношениях как о цепи последовательных контактов-замыканий. Он просто замыкает эту цепь "на себя", смыкая "вход" и "выход"...

... И тогда здесь детерминация предстаёт не как цепь от А до Я, а как некоторое замкнутое на себя кольцо, где осуществляется не последовательное воздействие части на часть, а происходит нечто совсем другое, — а именно: ЦЕЛОЕ, как наличная совокупность всех возможных частей, детерминирует каждую свою собственную часть, каждый элемент, и посему — каждое отдельное звено, каждый отдельный контакт.

Отсюда и получается, что логика мышления Спинозы вообще — это Логика детерминации (определения) ЧАСТЕЙ СО СТОРОНЫ ЦЕЛОГО.¹

¹ Это не только логика мышления, но и логика действительности. Академик Н.Н. Моисеев, видный исследователь в области системологии, на основании анализа эмпирических данных утверждает, - «...система обладает особыми системными свойствами... Некоторые системы как бы определяют свойства своих элементов, элиминируют, исключают некоторые из них, если эти элементы оказываются неспособными выполнять некоторые функции, необходимые для существования (наверное, точнее — стабильности) системы... Другими словами, взаимосвязь свойств системы и ее элементов гораздо более глубокая, чем это принято думать: не только свойства системы зависят от свойств элементов, но и обратно — свойства элементов, составляющих систему, могут зависеть от свойств системы. И по мере восхождения по ступеням сложности эта взаимозависимость проявляется все более и более отчётливо. Особенно тогда, когда речь заходит об изучении систем общественной природы... Можно говорить о «целях» системы, какой бы природы она ни бы- 38

...Целое предполагается ДАННЫМ, а все исследование ведётся как АНАЛИЗ, — то есть как процедура выявления тех "частей", которые производит на свет именно данное целое, чтобы обеспечить своё самосохранение и самовоспроизведение.

Именно идея такого анализа, — исходящего из ясного представления о ЦЕЛОМ, и идущего последовательно по цепочке причинности, которая и воспроизводит это целое уже как результат АНАЛИЗА, — и заключена в логически-концентрированном виде в категории СУБСТАНЦИИ, как "causa sui", — как причины самой себя.

...Иными словами, именно Спиноза раскрыл тайну ЦЕЛЕ-СООБРАЗНОСТИ как простой факт ЦЕЛО-СООБРАЗНОСТИ, — как факт обусловленности частей со стороны ЦЕЛОГО».¹

Принцип детерминации частей целым предполагает, что субстанция как саморазвивающееся целое, всеобщее, в каждое мгновение актуально содержит в себе все свои различия, проявляющиеся как особенные и единичные субстанциональные формы движения, процессы и т.п., и не только различает, но и, в известных пределах, определяет направление и форму их развития. Именно принцип детерминации частей целым находит своё выражение в известном тезисе о всеобщей связи вещей, в этом принципе механизм такой связи просматривается совершенно отчётливо. Более того, принцип детерминации всеобщее развитие замыкает в круг – наличное целое детерминирует развитие частного, частное необходимо приходит к целому.

Принцип детерминации частей целым диалектически противоречив, – с одной стороны он ограничивает набор возможностей развития условием соответствия частей целому и играет роль механизма отбора (приспособления) и, с другой

ла. В неживых системах это стабильность и развитие, то есть непрерывное усложнение организационной структуры и многообразия элементов. В системах, принадлежащих миру живого, цель элемента — стабильность, которую принято называть гомеостазом. В системах общественной природы возникает целый спектр целей». Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., Устойчивый мир, 2001.

¹ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга - диалог). М., 1997, С. 174-175.

стороны, определяет порог, преодоление которого знаменует диалектический скачок (отрицание отрицания) и переход в новое качественное состояние, что обязательно происходит, если потенциал внутреннего противоречия достаточно высок.

Т.о., принцип саморазвития субстанции, дополненный принципом детерминированности частей целым, вместе составляют тождество, имеющее всеобще-конкретный характер и выполняющее функцию всеобщей связи – с одной стороны бесчисленные саморазвивающиеся субстанции представляющие движение от частного к целому, которое, с другой стороны, само есть субстанция и как таковое детерминирует свои части.¹

5.1. Логическое обобщение

Материя, пока она рассматривается как некое единое целое (объективная реальность), как ничем не ограниченное бытие, как существование само по себе, интенции к движению не имеет, поскольку такая материя однородна, тождественна самой себе. Для того, чтобы получить импульс к движению, материя должна быть определена как нечто конкретное, ограниченное, но определена не внешним образом, не через нечто иное, а исключительно через самое себя, внутри себя. Только различающее своё иное, отрицающее его, способно к взаимодействию своих взаимоотрицающих сторон в форме противоречия и созданию, таким образом, потенциала движения.

Существование материи есть не просто пребывание её в статичном состоянии, тождественном самому себе, но одновременно пребывание как таковое есть некий процесс существования. Этот процесс, будучи представлен в наличном, актуальном состоянии материи, есть идеальная сторона существования – т.о. материальное соотносится со своим отрицанием, идеальным, вследствие чего происходит становление противоречия и возникает причина самодвижения материи. Но, получив способность к самодвижению, материя переходит в новое качество — становится субъектом собственного движения — а как таковая она есть субстанция.

¹ «Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи etc.». Ленин В.И. ПСС 5 изд., Т. 29, С. 229.

Субстанция внутри себя различена как наличное состояние и как процесс возникновения этого состояния, снятый, представленный в наличном состоянии. Субстанция представлена своими материальными качествами, но эти качества представляют уже прошедший (т.е. актуально не существующий) материальный процесс и потому это представление идеально. Процесс становления, представленный в наличном состоянии, и есть идеальное субстанции.

Граница проходит уже внутри субстанции – между *материальным* как наличным состоянием и *идеальным* как снятием процесса становления этого состояния и представленным в субстанции же как её свойства. Саморазличение материи совершилось и проявляется как *единство и различие в субстанции её материальной и идеальной* сторон. Сущность материи как просто существования снята в новом состоянии, в субстанции, и теперь сущностью субстанции является не только существование, но и саморазличение, инициирующее процесс саморазвития и становление т.о. бытия как такового.

Причём единство и различие есть сущностное свойство субстанции как целого. Граница различия проходит внутри субстанции, и эта граница есть саморазличение субстанции на материальное (наличное, актуальное состояние) и на процесс, приведший к наличному состоянию и имманентно представленный в нём как свойства субстанции, определённые этим процессом (идеальное). В идеальном представлении субстанции наличная материальность ничтожна, существенной является прошлая материальность, снятая в наличном состоянии как свойства субстанции.

Материальная сторона субстанции как наличное состояние есть положительное снятие прошлого процесса, его фиксирование, и как таковое оно стабильность. Идеальное субстанции есть сущность наличного состояния, материального, проявляющаяся в его свойствах. Взаимное отрицание сторон, моментов субстанции приводит к становлению противоречия, побуждающего субстанцию к изменению, действию, отрицанию стабильности – т.е. к саморазвитию.

В таком монистическом рассмотрении единства и различия сторон внутри субстанции её стороны – материальное (наличное состояние) и идеальное (процесс, приведший к наличному состоянию) — есть противоположности, составляющие противоречие, являющееся причиной самодвижения субстанции.

Саморазличив себя материя превратилась в *саморазвивающуюся субстанцию*, в которой неразрывно связаны в своём единстве и одновременно различии её стороны, материальное и идеальное – это и есть принцип *субстанционального монизма*.

Материя, рассматриваемая сама по себе, как просто существование, самотождественна и стабильна, она не имеет внутренней причины к самодвижению. Субстанцией материя становится только в неразрывном единстве со своим идеальным. Сущность субстанционального монизма в единстве, неразрывности в ней материального и идеального при их различии. Такая субстанция едина как целое и множественна как саморазличающаяся внутри себя.

Саморазличающаяся субстанция способна к самодвижению, саморазвитию посредством перманентного возникновения, развития и разрешения противоречия между своими сторонам, моментами – материальным и идеальным – что имеет следствием снятие сторон противоречия в новом качестве и возникновение новых форм субстанции. При этом первоначальная сущность субстанции – существование и способность к самодвижению – снимается, и в каждом новом шаге к ней «добавляются» новые качества, конкретизирующие каждую новую форму субстанции со стороны её движения, истории. Сущность каждой формы субстанции, т.о., исторична, а умножению форм сопутствует умножение сущностей.

Обобщая, можно сказать, что сущность всех субстанциональных форм (вещей) – существование в самоопределённости и дальнейшем саморазвитии в конкретных субстанциональных формах. Как таковая сущность всегда конкретна, она представляет собой *снятие* процессов возникновения той или иной субстанциональной формы. Но не только снятие, а также и инициирование дальнейшего движения, поскольку представляет собой активность, изменчивость субстанции. Отсюда следует, что идеальное как сущность всегда является ведущей стороной субстанционального противоречия, но проявляется это в разных формах субстанционального движения по-разному, что будет рассмотрено далее.¹

¹ Здесь необходимо отметить также следующее. Сущность субстанции как природы в целом, так и частей этого целого, представленных разными субстанциональными формами, совершенно не зависит от конечной делимости частиц, гипотетически предполагаемых

На основании сказанного мы можем теперь уточнить понятие диалектичности, сформулированное выше.¹ Диалектичность:

- в широком смысле – *сущность* бытия как *саморазличение* материи на взаимоотрицающие стороны – материальное как наличное состояние и идеальное как представление в наличном состоянии процесса его становления – и возникновение т.о. противоречия, являющегося основанием дальнейшего *самодвижения* материи. Саморазличающаяся материя становится субъектом собственного движения и в этом новом качестве она – *субстанция*;

- в узком смысле – сущность высшей формы субстанции, достигшей в своём развитии способности к самоосознанию и к мышлению, диалектичных в своей основе (что будет рассмотрено позже).

Выведенное понятие субстанции даёт возможность ответить ещё на один принципиально очень важный, можно сказать, фундаментальный вопрос. Речь идёт о феномене отражения.

«...в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением».²

«Не в том состоят эти взгляды (взгляды материалистов – прим. моё), чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи».³

«...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения».⁴

в качестве основания материи. Это свойство частиц по отношению к принципу субстанционального монизма ничтожно, поскольку как таковая делимость частиц не определяет самой возможности существования и самодвижения материи в своих субстанциональных формах. Определённость размера и формы частиц не влияет на сам принцип субстанционального монизма и на возможность реализации этого принципа, который является сущностью всеобщего, бытия в целом.

¹ См. С. 14.

² Ленин В.И. ПСС, изд. 5-е, Т. 18, С. 40.

³ Там же, С. 42.

⁴ Там же, С. 91.

Это свойство «ощущения» и есть саморазличение материи, приводящее к появлению внутреннего противоречия как причины самодвижения. Материя «ощущает» своё прошлое, поскольку имеет его в себе и как таковая «ощущающая» материя в итоге становится субстанцией. Идеальное снимает процесс движения и представляет, «отражает» его в наличном результате, в наличном состоянии субстанции. Отражение есть атрибут сущностной способности материи к самоотрицанию, самоопределению и представлению т.о. себя в себе как своего иного, отрицаемого, рефлексированного, отражённого. В высшей форме субстанции эта способность развивается до уровня самосознания субстанции – субстанция мыслит.

5.2. Субстанциональные формы движения

Определившись с понятием субстанции мы получили возможность проанализировать, хотя бы в самых общих чертах, формы её движения.

5.2.1. *Первая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное нераздельны и непосредственны*

До сих пор мы имели дело с одной, самоочевидной формой – материальное и идеальное в своём тождестве *нераздельны*¹, а это значит, что их взаимодействие имеет *непосредственный* характер и осуществляется без промежуточных звеньев. Поэтому любое изменение материального влечёт за собой соответствующее ему изменение идеального как снятие процесса этого изменения. Казалось бы, здесь материальное является активной, ведущей стороной движения, всецело его опреде-

¹ Уточним дефиниции. Нераздельность – неявное саморазличение материального и идеального, поэтому внешне предстаёт только то, что может явить себя непосредственно – материальное. Идеальное здесь полностью скрыто в материальном – саморазличение ещё в себе, оно нераскрыто. Нераздельность есть внешнее представление непосредственности материального и идеального, отсутствие опосредствующих звеньев между ними, их видимая слитность. Разделённость – явное саморазличение материального и идеального, здесь они связаны не непосредственно, а через опосредствующее звено - здесь саморазличение уже для-себя, актуально, действительно.

ля. Но материальный, вещественный объект характеризуется не только количественно, он обладает определёнными свойствами, качествами, подчиняется внутреннему закону существования и изменения и как таковой этот объект субстанционален. Любое количественное изменение в таком объекте есть одновременно и качественное изменение, поскольку изменяется определённое количество определённых качеств, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на течение процесса.¹

Противоречие материального и идеального в этой форме движения глубоко скрыто внутри субъекта движения и внешне проявляется лишь как мера, как количественно-качественные соотношения взаимодействующих материальных (по видимости) объектов. Здесь нет видимого, фиксируемого противопоставления материального и идеального, что и создаёт видимость отсутствия противоречия между этими сторонами субстанции. В этой форме движения субстанции идеальное всецело *в-себе*, в потенции, оно имманентно субстанции и внешне не проявляется.

Поскольку в этой форме движения субстанции идеальное как таковое может быть определено только внешним по отношению к субстанции способом, мышлением, то стороннему наблюдателю дело представляется таким образом, что изменяется только одна сторона – материальное, и это обстоятельство является основанием для представлений механистического материализма.

В границах данной формы субстанции, представляющей нераздельное тождество материального и идеального, возможны многочисленные формы субстанций, движение которых определяется формами взаимодействия материального. Дело дальнейшего выделения этих форм в рамках данного субстанционального отношения материального и идеального относится к компетенции естественных наук, изучающих формы взаимодействия материальных объектов.²

В общем виде естественнонаучная точка зрения на процес-

¹ Выражением этих количественно-качественные изменений предстаёт закон перехода количества в качество и обратно.

² Сюда же следует отнести т.н. физическую и химическую формы движения, которые являются разными формами взаимодействия субстанциональных в своём существе объектов, но не формами движения субстанции.

сы самоорганизации материальных объектов представлена в работах И.Р. Пригожина,¹ которые позволили определить механизм, находящийся в основании движения этих субстанциональных форм. В кратком изложении выводы из его работ можно сформулировать следующим образом:

- равновесные состояния термодинамических систем² временны, переходящи;

- в результате флуктуаций равновесное состояние системы постоянно нарушается и возникают неравновесные состояния;

- при выходе неравновесности за определённые границы в системе начинаются процессы *самоорганизации*, которые приводят к возникновению нового *качественного* состояния системы (практически возникает другая система).

Выводы И.Р. Пригожина фиксируют обстоятельство, отмеченное выше – самодвижение этой формы субстанции по видимости предстаёт как процессы самоорганизации взаимодействующих материальных объектов, идеальное которых выражается только косвенно, через количественно-качественное соотношение материального.

Как видим, естественные науки со стороны эмпирии подтверждают всеобщность принципа диалектического развития, – самоорганизации естественных природных процессов, – который действует, начиная с самых основ природы. Работы И.Р. Пригожина подвели под этот фундаментальный принцип экспериментальное обоснование, полностью лишив тем самым актуальности креационистскую версию развития (на долю бога осталось лишь, разве что, создание первоначальной материи, после чего он может удовлетворённо удалиться на покой).

¹ Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., «Прогресс», 1986.

² Термодинамическая система - совокупность физических тел, которые могут: - энергетически взаимодействовать между собой и с другими телами; а также - обмениваться с ними веществом. Термодинамическая система: - состоит из большого количества частиц; и - подчиняется в своём поведении статистическим закономерностям, проявляющимся на всей совокупности частиц.

http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RSlwsukotgso.lxqol!xoxyls

5.2.2. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (начало)

Формы движения субстанций не исчерпываются рассмотренной формой, в которой материальное и идеальное нераздельны, непосредственны. Развитием этой формы, её диалектическим отрицанием будет субстанциональная форма, в которой материальное и идеальное существуют *раздельно*.

Совершенно ясно, что такое отдельное идеальное не может быть идеальным в той форме, о которой речь шла до сих пор, а именно — снятием в самой субстанции процесса её саморазвития, неотделяемой сущностью субстанции, поэтому прежде следует выяснить сущность этой формы идеального.

6. Идеальное (продолжение)

Идеальное, подлежащее теперь рассмотрению, есть более сложная форма идеального и является диалектическим развитием прежней формы, её отчуждением от себя как своего отрицания. Но, во-первых, идеального не может быть без материального, и, с другой стороны, одному материальному объекту не могут соответствовать *разные* идеальные представления *одного* процесса его *собственного* движения. Следовательно, идеальное, о котором здесь говорится, должно быть идеальным другого материального объекта.

Мы пришли к логическому противоречию – некое идеальное должно одновременно принадлежать двум разным вещам – одной вещи как её собственное идеальное и другой вещи как идеальное этой первой вещи.¹ Одновременно возникает и проблема механизма отрицания, отчуждения этого идеального и его присвоения другой вещью.

Очевидно, чтобы в какой-то вещи было представлено не только её собственное идеальное, но и идеальное другой вещи, они должны быть участниками одного процесса, т.е. взаимодействовать. Однако, одного этого условия недостаточно – факт взаимодействия как некий процесс будет просто пред-

¹ Категория «вещь» здесь и далее в зависимости от контекста имеет следующий смысл – субстанция, мгновенный «снимок» субстанции («остановленная» субстанция), материальная сторона субстанции (субстанция, рассматриваемая со своей материальной стороны).

ставлен в том самом своём собственном идеальном каждого из взаимодействующих объектов, которое нераздельно с материальным.

Значит, необходимо выполнение ещё одного условия – в той вещи, в которой мы предполагаем раздельное сосуществование материального и идеального, идеальное другой вещи должно быть представлено особо, именно как идеальное представление *другой* вещи. *Это вторая форма идеального – вещь, которая уже обладает собственным идеальным как снятием процесса её собственного развития, одновременно является представителем другой вещи и т.о. также представляет её в идеальной форме в самой себе.*

Следовательно, в вещи, которая способна представлять другую вещь, должна существовать особая материальная структура (ведь материальное и идеальное нераздельны), воспринимающая воздействие этой, другой, вещи и затем представляющая её идеально, т.е. как снятую, во второй вещи, в «своей» вещи.

Тем самым субстанция усложняется – кроме того, что она содержит внутреннее противоречие между собственными материальным и идеальным моментами, в ней происходит снятие процесса взаимодействия с внешней вещью, возникает идеальное представление внешней вещи, которое осуществляется особой материальной структурой. Эта вполне выраженная структура субстанции и выполняет вновь возникшую функцию – представление в идеальной (снятой) форме в «своей» субстанции другой, внешней ей вещи, субстанции.

7. Субстанция (продолжение)

7.1. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (продолжение)

Т.о., в рассматриваемой субстанции можно выделить *две формы идеального* – идеальное собственного процесса развития («*своё* идеальное»), и идеальное как представление внешней взаимодействующей субстанции, вещи (*идеальное «ино-го»*). Решающую роль здесь имеет факт возникновения особой материальной структуры, функциональным назначением которой является восприятие воздействия внешней субстан-

ции и представление её в идеальной (снятой) форме в своей субстанции. Разумеется, что идеальное представление другой вещи осуществляется не непосредственно в идеальной форме, а опосредствованно, в виде материального воздействия, как некие сигналы о внешнем раздражителе. Идеальность же заключается в том, что форма внешнего взаимодействия *снимается* и предстаёт в субстанции в совершенно ином виде, не в форме прямого, непосредственного контакта, а в форме отражения, сообщения о нём. Это восприятие и преобразование внешнего воздействия в другую форму осуществляется особой структурой субстанции, снимающей внешние воздействия и представляющее их в особой форме внутри субстанции. Теперь оба условия, сформулированные выше, выполнены.

В этой форме субстанции, являющейся диалектическим отрицанием первой формы, в которой материальное и идеальное нераздельны, представлены уже две формы идеального – та же, что и в первой форме субстанции, т.е. идеальное собственное процесса (своё идеальное, нераздельное) и идеальное другой вещи как её представление, снятие в этой вещи (идеальное иного, отдельное).

Мы в логической форме повторили эволюционный процесс возникновения жизни в природе. Материальная структура, эволюционно возникшая внутри некой субстанции на определённом этапе и выполняющая функцию опосредствования между субстанциями, есть особый орган живого организма, воспринимающий внешние материальные воздействия и представляющий их в организме уже в «обработанном» (снятом) виде, т.е. не как собственно воздействия (механические, физические, химические и т.п.), а как сигналы об этих воздействиях, их отражение, идеальное представление, на которые организм реагирует определённым образом.

Эти субстанции реагируют на внешние воздействия не как субстанции первого вида, т.е. непосредственным изменением своей вещественности, структуры (вплоть до разрушения), а

¹ Это переключается с ильенковским идеальным, о котором говорилось выше (См. стр. 25): «...один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта». Но есть и отличие – представителем другого является не весь объект, а его особая структура.

опосредствованно, реагируя на сигналы своего особого органа и приспособляясь, по возможности, к новой ситуации. Возникают новые природные феномены – *поведение и его форма, приспособление* и, как следствие, *телеологичность* в самой примитивной форме как стремление к самосохранению. Собственно эти феномены, как следствие появления особого органа и его функционального назначения – формирования идеального иного, и отличают «живые» субстанции от «неживых», косных.

Мы не касаемся здесь признаков, которые считаются основными для признания материальных образований живыми – т.н. биологичности и способности к самовоспроизводству. Первое характеризует их со стороны формы, но никак не сущности. Второе хотя и является весьма важным сущностным качеством живых организмов, но это пассивная сторона, определяющая количественные возможности, а не качественные, в то время как активность, ставшая возможной вследствие наличия указанного особого органа, является основным составляющим сущности как способности к движению, изменению.

В живой субстанции своё идеальное является пассивной формой, *определяемой* изменением материального тела. Идеальное же иного начинает играть активную роль в поведении субстанции как фактор, его инициирующий, *определяющий*. Оно становится явным и относительно независимым, это уже идеальное для-себя.

Возникающее противоречие между наличным состоянием субстанции и внешними объектами-раздражителями, которые внутри субстанции предстают как активная форма идеального, становится внутренним источником движения субстанции, её реакцией на внешнее воздействие, адаптацией к изменившимся условиям. Эта реакция может быть двоякого рода – внешнее изменение как изменение *формы взаимодействия* субстанции с другим объектом (поведенческая адаптация) и внутреннее изменение как изменение структуры, свойств, *сущности субстанции* (эволюционная адаптация).

Идеальное неживой природы нераздельно с материальным, непосредственно, оно в-себе, в возможности, в потенци, скрытое. Здесь, по видимости (но не по сущности), явная первичность материального как активного фактора.

Идеальное живой природы выходит из тени. Оно суще-

ствуется в двух формах — одновременно и в-себе как своё идеальное, и для-себя как идеальное отражение внешней вещи, как своё иное, вернее своё иного. Теперь идеальное не только представлено явно, наравне с материальным, но и выполняет ведущую роль как инициатор возникновения противоречия между материальным и идеальным.

В этой форме субстанционального движения мы можем определить не-материальность не абстрактно, как это было вначале, не как простое отрицание материального, а с учётом конкретного содержания не-материальности, идеальности.

Теперь *материальное одной вещи* опосредствованно представлено *материальным другой вещи* и в этом представлении материальное первой вещи предстаёт как *идеальное*, в отражённой, рефлексированной форме.

Фактически идеальное также материально, но это материальное, представляющее другое материальное, т.е. не себя, а иное и только как таковая (т.е. как представляющая иное, другое материальное) она идеальность. Собственная материальность представляющей вещи в этом представлении ничтожна (в гносеологическом, но не естественнонаучном отношении) — её основное предназначение быть представителем другой вещи, быть носителем идеального. Это идеальное иной вещи в отношении представляющей вещи есть идеальное для-себя.

Возвращаясь к феномену идеального в первой форме субстанционального движения, в которой материальное и идеальное нераздельны, можно видеть, что в этой нераздельности материального и идеального последнее находится в-себе, а материальное представляет *своё* идеальное *непосредственно*. Здесь наличное, актуальное материальное представляет «прошлого» материальное завершившегося материального же процесса, которое одновременно и не существует уже (процесс завершился), и существует как снятое в наличном материальном (поскольку налично вещественный результат процесса). «Прошлого» материальное рефлексировано в наличном материальном — и как таковое оно есть идеальное в-себе. Другими словами, «прошлая» материальность представлена в наличной материальности идеально, как закон возникновения и сущность наличной материальности.

Разделить неопосредствованное материальное и идеальное таких объектов возможно только представляя этот объект в

другом объекте и другом процессе – речь идёт о мышлении, но об этом будем говорить позже.

Можно ещё отметить, что в отличие от неживых субстанций, для процессов движения которых характерно соблюдение пропорционального соотношения веществ вступающих во взаимодействие объектов, все формы живых субстанций способны воспроизводить себя в возрастающих масштабах и вовлекают в процесс своей жизнедеятельности гораздо больше вещества, чем заключено в них самих. В основании отмеченного принципа расширенного воспроизводства находится активность в форме самовоспроизводящегося процесса отражения как двунаправленного процесса идеализации материального и материализации идеального, дополненная способностью к репродукции.

8. Отражение

Мы говорили об особой структуре субстанции, снимающей и преобразующей внешнее взаимодействие в форму внутреннего воздействия за которым следует реакция субстанции, которая, как было сказано, может быть двоякой. Этот процесс восприятия внешнего воздействия и его преобразования во внутреннее воздействия есть не что иное, как процесс *отражения*, в котором решающую роль играет особый орган, мы уже имеем право так сказать, *орган отражения* (или даже более определённо – *отражения и управления*, поскольку отражение внешнего имеет следствием некое внутреннее воздействие, управляющее последующим изменением субстанции).

Очевидно, что орган отражения представляет в субстанции в идеальной форме не только внешние воздействия, но и внутренние состояния собственной субстанции, и по этой причине становятся возможными отмеченные выше процессы поведенческой и эволюционной адаптации как следствие появления идеальных представлений в субстанции.

Процесс отражения не ограничивается только представлением внешнего воздействия во внутреннем восприятии субстанции, но завершается, и это естественно, обратным движением, той или иной реакцией субстанции. Процесс отражения не разомкнут в пространстве и времени, но замкнут в круг: это двунаправленное движение — превращение материально-

го в идеальное и обратное — идеального в материальное. По Гегелю это круговое движение есть качество бесконечности.

Т.о., результатом феномена субстанционального разделения материального и идеального, их раздельного представления, является возникновение в *явном* виде феномена отражения, имеющего две формы проявления. Отражение как восприятие – это идеализация материального процесса, объекта, осуществляемая особым органом субстанции, органом отражения.¹ Вслед за восприятием следует реакция на него – действие, превращение идеального импульса (т.е. представления внешнего объекта) во вполне материальные изменения субстанции, внешние — поведенческие, либо внутренние — сущностные.

Наличие феномена отражения, который имеет следствием появление способности у живых субстанций к изменениям, как поведенческим, так и сущностным, становится необходимым условием эволюции и приспособления видов.² Применительно к процессу отражения уже можно говорить о равнозначности материального и идеального, они равноправны и, взаимодействуя, перетекают друг в друга.

Т.о. отражение как общее есть форма опосредствования взаимодействия материального и идеального, и одновременно механизм разрешения противоречия между ними в живых субстанциях.

Отражение – основа движения субстанции на принципиально новой основе – опосредствовании раздельно существующих материального и его активного идеального, которое проявляется вначале случайно, робко, неуверенно и непостоянно, затем всё более уверенно и в человеке оно уже приоритетно, первично.

Вернёмся к вопросу об отражении в неживом мире.

Как ранее было сказано, идеальное в неживом мире – это

¹ Прослеживая по нисходящей эволюционной линии в качестве форм органа отражения можно назвать мозг, нервные узлы, нервные клетки и т.д. вплоть до, очевидно, некоего высокомолекулярного соединения в первых живых субстанциях.

² Очень осторожно можно предположить наличие особого органа отражения не только у живого организма в целом, но и в его генетическом основании – хромосоме, что эволюционно оправдано. Если это так, то мутации имеют основанием не только случайность, но и необходимость. Впрочем, это вопрос к генетикам.

прошедшие процессы движения субстанций, представленные в снятом виде, как «отпечатки» этих процессов. Оно присутствует неявно, в-себе, в потенции и потому не в состоянии самостоятельно инициировать материальные процессы, либо влиять на них.

Однако так дело выглядит только в том случае, если рассматривать процесс движения абстрактно, изолированно, только как идущий от простого к сложному, как ряд последовательных этапов, не связанных в целое общим.

Но действительный мир существует и развивается как целое, как взаимодействие всех своих частей. И в этом мире одновременно представлены все формы субстанций в своём саморазвитии и во всех своих межсубстанциональных взаимодействиях. Субстанции иерархически связаны между собой своими материальными и идеальными моментами. Субстанции высших форм одновременно и детерминированы субстанциями низших форм, как вышедшие из этих форм, и определяют движение субстанций низших форм через действие принципа детерминации частей целым — как закон их существования и развития, обобщивший их частные законы и накладывающий свои ограничения и дополнения на формы движения субстанций. Эта связь, прямая и обратная, и является формой отражения в неживом мире. Здесь нет особого органа отражения, отражение осуществляется непосредственно, в-себе, скрыто — в форме следования т.н. законам природы, общим всем субстанциям (Природе в целом как субстанции), либо определённым уровням субстанций (формам субстанций). По форме это двойственный процесс снятия-детерминации.¹

Т.о. отражение есть феномен всеобщего. Процесс отражения лежит в основании движения всех субстанциональных форм, а не исключительно живых форм, как мы ранее определили, но в разных формах движения субстанций он действует также в разных формах. В неживой субстанции неявно, как принципы снятия частного в целом и детерминации частей целым, в живой субстанции в явном виде, как идеализация материального и материализация идеального (заметим, что принципы снятия частного в целом и детерминации частей

¹ Говоря гегелевским языком, посредством процесса отражения субстанция отчуждает и затем присваивает себя, в итоге приходя в себе к истине.

целым как всеобщие распространяют своё действие и на живые субстанции).¹

Следует отметить также следующее – несмотря на наличие в живых организмах особо оформленного органа отражения в процессе отражения принимает участие не исключительно этот орган, а весь организм в целом, вне и без которого орган отражения существовать не может.

В широком смысле *отражение* есть:

- в неживых субстанциях – взаимосвязанные встречные процессы снятия движения частей в целом и детерминации частей целым;

- в живых субстанциях — процесс преобразования материального в идеальную форму посредством инструмента отражения, особого органа отражения и последующего преобразования идеального в материальную форму как реакция субстанции на воздействие.

В узком смысле отражение есть результат одного из этапов процесса — в форме полученного идеального или материального. В первом случае отражение лежит в основании процесса познания, во втором – практики.

Процесс эволюции живых субстанций необходимо развил орган отражения до его высшей формы – человеческого мозга, обладающего по своей сущности диалектическим мышлением.

9. Сознание, мышление

Орган отражения, как это теперь совершенно ясно видно, играет если не решающую, то огромную роль в эволюции живых субстанций и эта роль определяется его местом в процессе взаимодействия организма с внешней средой. Опосредствуя (снимая, представляя) влияние внешней среды на организм и, тем самым, вызывая реакцию организма, приспособление его к внешней среде, орган отражения находится в цен-

¹ «...в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением». Ленин В.И. ПСС, 5-е изд. Т. 18, С. 39-40.

«...ощущение признается одним из свойств движущейся материи». Там же, С. 41.

тре поведенческого и эволюционного процессов, более того, он их инициализирует.

В ходе эволюции этот орган усложняется и структурируется вплоть до появления нервных клеток и нервных узлов у сравнительно сложных живых организмов. Соответственно изменяется и форма отражения, она постоянно усложняется, следуя за усложнением органа отражения.

Развитие нервного узла в мозг вызывает появление новой формы отражения – образной. Вместе с развитием мозга развивается и это форма. Возникают феномены узнавания и запоминания, появляется способность связывания образов в последовательные цепочки, тем самым возникает мышление в простейшей форме. С развитием мозга развивается и мышление, появляется способность действовать не только со зрительными образами, но и со знаками этих образов (звуками, жестами) – а это уже основа абстрактного мышления. Мышление, способное последовательно связывать цепочки образов и их знаки, есть мышление формально-логическое, и оно присутствует у высших животных – это уже сознание как синкретичное, конкретное видение внешнего мира.¹

Предчеловек с таким сознанием уже может изготавливать простейшие орудия, но не в состоянии усложнять их и развивать далее, возможности органа отражения, мозга, ещё не позволяют свободно обращаться с его идеальным содержанием как не только относительно адекватным отражением внешнего мира, но и как *самостоятельным предметом* мышления, который мышление может *изменять, изучать*. Мышление человека ещё только образное, это непосредственное отражение внешнего мира и как таковое оно простое сознание.

Но узловый пункт эволюции человека уже пройден – процесс осознанной, целенаправленной материализации идеального в форме человеческой практики, пусть и в примитивной форме, начался. Состоялось отождествление материального и идеального в процессе отражения как взаимоопределяющих феноменов, они связываются во всё более прочный круг.

Наконец мозг развивается до такого уровня, что появляет-

¹ «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 93.

ся способность отражать содержание собственного, до сих пор образного, неразрывного с действительностью, мышления – появляется феномен отражения отражения. Возникает *самосознание*. Рождается *человек*. Отражение отражения, самоосознание субстанции — это последняя форма в развитии феномена отражения, сложнее которой быть не может.¹

Но что же лежит в основе самосознания, как оно возможно? Попробуем гносеологически разрешить этот вопрос, используя развитые выше понятия субстанции и идеального.

Наличное бытие сознания эволюционно, исторически, является как непосредственное, простое сознание, копирующее, отображающее внешнее ему. Это сознание есть инобытие иного, материального мира, внешнего человеку и как таковое есть его идеальное отражение, которое возникает через восприятие в форме представления. Представления такого сознания как идеальное непосредственны, образны. В своей непосредственности это ещё сознание в-себе. Оно не в состоянии подвергнуть анализу свои идеальные объекты и проникнуть в их сущность, поскольку не обладает ещё способностью внутренней рефлексии, внутренней отрицательностью. Как сознание оно ещё сугубо формальное – связи между объектами устанавливаются только на основании их непосредственного взаимодействия. Любое опосредствование представляет для простого сознания серьёзную, даже непреодолимую преграду. Максимально на что оно способно, это установление непосредственных причинно-следственных связей, хотя и этого вполне достаточно для совершения достаточно сложных мыслительных и, главное, практических действий.

Для того чтобы сознание могло совершенно свободно действовать со своими идеальными объектами, оно должно иметь возможность проникать в их сущность, в жизнь объектов. А это возможно только при рассмотрении их в движении, которое есть следствие возникновения противоположностей, их взаимодействия в противоречии и его последующего разрешения. Т.е. сознание должно обладать способностью к отрицанию своего идеального содержания и последующему снятию полученного противоречия.

В любой живой субстанции, как это выведено выше, пред-

¹ Этот вывод, к которому мы пришли положительно, Э.В. Ильенков сформулировал с отрицательной стороны. См. «Космология духа», <http://caute.tk/ilyenkov/texts/phc/cosmologia.html>.

ставлены две формы идеального: идеальное своё как представление процесса собственного развития, онтогенеза, и идеального иного как представление воздействия внешнего мира.

Второе идеальное в своём развитом виде у высших животных представлено в форме простого сознания, ограничивающегося исключительно внешними феноменами. Как такое ограниченное это идеальное не соотносится со *своим* идеальным – идеальным, представляющим процесс онтогенеза, индивидуального развития, и потому это мышление не «видит» себя, но только внешнее окружение, а поскольку оно способно только к построению цепочек из последовательных событий, т.е. формально-логическим действиям, то его можно назвать формально-логическим, ограниченным.

Дальнейшее развитие и усложнение органа отражения привело к способности противопоставления двух форм идеального, — идеального своего (идеального онтогенеза) и идеального иного (идеального внешнего мира), — в одном отношении как сторон противоречия, разрешением которого является снятие их в новом качестве – в непосредственном единстве, которое является положительным результатом процесса снятия.

Внутри этого отношения своё идеальное выступает как «Я», как неявное пока ещё (скрытое, в-себе) осознание себя («Я» в-себе), а идеальное иного предстаёт как «не-Я», как отражение внешнего мира, как *простое сознание* – оба идеальных представления соотносятся непосредственно и снимаются в новом качестве, в возникновении *самосознания* как *полного сознания*, в котором субъект саморазвития, человек, получает способность видеть не только внешний мир, но также себя, и, как следствие, себя в этом мире. Т.о. процесс соотношения, противопоставления двух форм идеального в одном органе отражения, мозге, завершается разрешением возникшего противоречия — снятием сторон в полном, истинном сознании. Возникает совершенно новый *природный* феномен – самосознание как полное, истинное сознание, в котором человек видит себя, мир и себя в мире.

Следствием этого феномена является появление возможности *внутренней рефлексии* сознания – способности рефлексировать самое себя, своё собственное содержание, что возможно только с возникновением полного сознания как противопоставления Я и не-Я. Теперь рефлектируется не только

внешний мир внутрь сознания, но становится возможным также рефлексия этого мира уже внутри полного, истинного, сознания как внутренняя рефлексия самосознания. Возникает новый идеальный объект, *внутренний* объект самосознания. Мышление как процесс, осуществляемый самосознанием получает идеальный предмет, с которым оно отныне может действовать совершенно свободно, независимо от отражения внешнего мира.

При этом процесс *возникновения* собственно самосознания как самостоятельного феномена не осознаётся человеком, поскольку простое сознание (не-Я) самостоятельно не в состоянии зафиксировать свою противоположность («Я» как отражение *своего* идеального, «Я» в-себе) – самосознание возникает только как снятие их противоречивого отношения. До тех пор в этой отрицательности простое сознание как сторона взаимной рефлексии ещё не перешло в непосредственное, положительное единство с «Я» в-себе. Эта взаимная отрицательность есть скрытая сторона процесса становления самосознания.

Отношение простого сознания и «Я» в-себе было до сих пор отношением, которое находилось в движении как отношение отрицательных сторон, противоположностей. Эта отрицательность есть потенциал дальнейшего движения, противоречие, которое находит разрешение в снятии обоих моментов, т.е. в становлении их единства и т.о. полного сознания, осознающего уже оба момента — внешний мир и своё Я, т.е. себя в мире. В полном сознании обе исходные стороны противоречия представлены как целое, снова непосредственное, но уже (в терминологии Гегеля) обогащённое отрицанием и, т.о., содержащее в своей полноте частичность, абстрактность обеих сторон.

Акт взаимной рефлексии «Я» в-себе и простого сознания (не-Я) есть преходящий момент процесса становления полного, истинного сознания, разума. «Я» в-себе как простая рефлексия, как осознание «себя» самостоятельного значения не имеет и противоположность простого сознания и его отрицающей стороны, «Я» в-себе, необходимо разрешается в движении их противоречия становлением полного, завершённого, истинного сознания, в котором они представлены как снятые моменты процесса развития сознания.

В этом процессе – возникновении отрицательностей, «Я»

в-себе и простого сознания, и последующем движении, отрицания отрицания — сознание пришло от своей абстрактной простоты как непосредственного, образного отражения внешнего мира к полному, истинному сознанию, осознающему и себя и мир в единстве, и, т.о. себя в объективном мире. Это уже сознание для-себя, самосознание – разум.¹

Такое истинное, полное сознание естественно диалектично, поскольку оно всецело определено как единство (тождество в различии) восприятия (простого сознания) и саморефлексии («Я» в-себе). Поэтому оно может активно действовать со своим содержанием, полученным извне – идеальными объектами, самостоятельно подвергая их процессам отрицания, рефлексии и возвращения к новому содержанию, обогащённому определениями. Процесс мышления как деятельность самосознания есть его действия с идеальными объектами. Мышление заключается в движении от первоначального представления как отражения внешнего мира к его отрицанию и получению, т.о., нового идеального объекта, противостоящего первоначальному и, затем, снятию полученного противоречия, его разрешению и переходу к новому идеальному объекту, обогащённому содержанием исходных объектов.²

¹ Интересен следующий факт. Палеонтологи отмечают, что неандертальцы, умевшие изготавливать довольно сложные орудия труда, тем не менее, по какой-то причине не создали ни одного произведения искусства, например, в виде наскальных рисунков, что учёные затрудняются объяснить. Очевидно, что причиной тому была неразвитость мышления неандертальцев – они не обладали самосознанием и, как следствие, полным сознанием. Существо, обладающее самосознанием, т.е. уже осознающее себя индивидуальностью, непременно попытается выразить это ощущение вовне себя, а это возможно созданием предметов, выражающих внутренний мир их создателя, его *личностное* видение реальности. Можно сказать, что истинный, полный человек начинается не столько с изготовления орудий труда, сколько с создания предметов, выражающих его личность – тогда это были украшения, наскальные рисунки и т.п. Отсутствие *самосознания* и, как следствие, диалектического мышления стало роковым для неандертальцев – они проиграли человеку и исчезли с исторической сцены, сила проиграла разуму, или, по-иному, формально-логическое уступило место диалектическому.

² Можно высказать предположение, что в отрицательной, скрытой от самого человека деятельности его самосознания, следует искать истоки феноменов подсознания и интуиции как процессов, прихо-

Процесс мышления в такой форме есть не что иное, как внутренне *диалектический* процесс приближения к истине, постижения понятия. *Полное, истинное сознание, самосознание, и его деятельность в форме мышления по своей природе внутренне диалектичны.* Но их обладателю это надо ещё осознать и, более того, научиться пользоваться этим даром природы.¹ Строго говоря, полное сознание настолько же дар природы, насколько и результат деятельности самого человека. Потенция к возникновению самосознания, появившаяся в ходе эволюции, могла быть реализована только в результате длительного развития отношений внутри человеческого общества – социальных отношений, вне которых никакие сознательные действия невозможны. Несомненно, что становление самосознания шло рука об руку со становлением языка (в самом широком смысле – как знаковой системы социального взаимодействия), который единственно может представить идеальные объекты мышления в форме, удобной для самостоятельных действий с ними. Проблески самосознания вывели язык в сферу необходимости, язык, в свою очередь, дал самосознанию основание для развития. Их взаимодействие и взаимовлияние в сфере практики привело к возникновению новой формы субстанционального движения – человека.

Как уже положительное, полное сознание получает возможность развиваться на собственной основе. Ему уже не нужно постоянно обращаться к отражению внешнего, оно способно, оттолкнувшись от рефлексии внешнего, от идеального образа, представления, создавать собственное идеальное, свой мир идеального как основу для его исследования и последующего практического воплощения.

В данной теме есть один очень важный момент, обойти который умолчанием невозможно. Ранее, начав с идеального как абстрактного отрицания материального, мы в итоге опре-

дящих в своём завершении к полному сознанию и имеющих результатом новое понятие о предмете мышления.

¹ «Люди мыслили диалектически задолго до того, как узнали, что такое диалектика, точно так же, как они говорили прозой задолго до того, как появилось слово «проза». Закон отрицания отрицания, который осуществляется бессознательно в природе и истории и, пока он не познан, бессознательно также и в наших головах, — этот закон был Гегелем лишь впервые резко сформулирован». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 20, С. 146.

делили идеальное как материальное, *представляющее* другое материальное. Т.е. как материальное, *собственная* материальность (вещественность) которой в процессе, в котором она представляет другое материальное, никакого значения не имеет, ничтожна, но которая актуальна исключительно в качестве представителя *другого* материального, его сущности.

В этом пункте мы вплотную подошли к чрезвычайно важной проблеме – проблеме соотнесения физиологических процессов мозга и идеальных представлений мышления. Эта проблема традиционно рассматривается как проблема взаимодействия в мышлении материальных процессов, протекающих в мозге человека и идеальных феноменов, вызванных этими процессами.

Попытки решения этой проблемы приводили либо к полной идентификации физиологических процессов и идеальных представлений мышления и обвинениям сторонников этого взгляда в физиологизме и механицизме, либо к разведению физиологических процессов и психических феноменов на противоположные полюсы, объявление их, соответственно, вещественными и невещественными (при этом невещественность могла быть понята только в духе Платона и иже с ним), что имело следствием не только полную невозможность объяснить их фактическое тождество, но и означало утрату способности материалистического видения мира.

Представляется, что дело в том, что в этом вопросе с самого начала предпринимались действия, которые и не могли привести к истинному пониманию, поскольку гносеологический инструментарий пытались применить к конкретному материальному объекту, мозгу, а естественно-научный инструментарий к гносеологическому объекту – мышлению. С инструментарием диалектики как метода, воплощающего общие принципы саморазвития как объективной реальности, так и отражающего его мышления, нельзя подходить к решению частных задач естественных наук, каждая из которых имеет свой предмет и соответствующий этому предмету метод. Эклектичное смешение как объектов исследования, так и применяемых методов изначально обрекало все попытки объяснения на неуспех.

Несмотря на то, что сознание (мышление) есть функция

мозга¹, сознание и мозг представляют собой совершенно разные феномены действительности и, соответственно, предметы исследования, каждый из которых требует *своего* метода исследования. Сознание есть сфера взаимодействия материального и идеального и с точки зрения его сущности совершенно безразлично, какие конкретные материальные объекты и процессы оно в себе снимает, представляет. Мозг же есть *инструмент, орган* преобразования материальных процессов, протекающих в нём, в свои же психические представления, которые имеют немедленной реакцией физиологические же процессы, правда иные, чем исходные.

Проблема, каким образом физиологические процессы *мозга* в конечном итоге «видятся» человеком как состояния его собственного тела в окружающем мире, это проблема естественных наук (физиологии, психологии и т.п.), но никак не гносеологии, которая решает проблему *взаимодействия в сознании материального и идеального как сторон субстанции* исключительно своим методом и языком. Вслед за Марксом процитируем Эзопа – «Здесь Родос...».

Повторим, гносеология разрешает свою проблему языком диалектики как проблему взаимодействия материального и идеального в сознании, но не как проблему физиологии мозговых процессов и их психических проявлений. Границу между гносеологическим и естественно-научным рассмотрением переходить ни в коем случае нельзя, в противном случае неизбежна вульгаризация и профанирование как диалектического, так и естественно-научного подхода и получение выводов сколь эклектичных, столь и ложных.

10. Идеальное (окончание)

В мышлении как процессе, протекающем в полном, истинном сознании, идеальное иного мышлением отчуждается и обособляется в форме идеального объекта мышления, и с этими, уже вполне независимыми идеальными объектами, мышление способно действовать по своим внутренним законам, как формально-логическим, так и диалектическим. Эта отчуждённая, превращённая форма идеального иного есть

¹ Вернее, человека в целом как социального существа, но мы здесь от этого абстрагируемся.

третья форма идеального – самостоятельное, отчуждённое от внешнего, содержание мышления, имеющее объективное основание как отражение реального мира, но всецело подверженное субъективным действиям мышления.

С этой третьей формой идеального мышление может свободно действовать как с независимыми идеальными объектами (этот феномен относительной самостоятельности мышления стал основанием концепции «чистого» мышления и всякого рода идеалистических теорий). Результатом такого «чистого» мышления могут быть самые разные человеческие представления – от математических абстракций (которые, тем не менее, применимы к описанию реальности) до не менее абстрактных иллюзий религиозных воззрений, от реалистичных художественных образов до ничем не ограничиваемых фантазмагорий.

Абстрактное мышление, мышление понятиями (но ещё не понятиями в философском смысле) в противоположность конкретному мышлению – образами, становится основной формой мышления. Именно диалектическое мышление стало основанием развития языка и, в последующем, письма как средств выражения идеального в материальной форме.

Постоянно сопоставляя своё идеальное, свои понятия с внешним миром, полное сознание способно достигать его истины. В этом сопоставлении опосредствующую роль играет практика и как такое опосредствование она становится ведущей стороной отношения, в котором разрешаются противоречия внешнего и внутреннего миров, материального и идеального, и, как следствие, возникает понимание движущего противоречия внешнего мира. Познание достигает истины.

Третья форма идеального в полноте истины есть знание. Именно материализуя в практике своё идеальное в форме знания человек осуществляет двоякую функцию:

- проверяет истинность своего знания;
- воплощает знание в материальной форме предметов, им создаваемых, предметов, которых нет в природе.

Знание, воплощённое, представленное в продуктах труда человека, составляет их идеальную сторону и может существовать в двух формах – *активной и пассивной.*

Продукты труда человека, предназначенные для производ-

ственной деятельности¹, т.е. орудия труда, в процессе труда играют активную роль в изменении вещественной формы предметов труда. Эта активность определена сущностью орудий труда, их идеальным, которое есть воплощённое знание как концентрированное выражение законов природы, их превращённая, очеловеченная форма. Знание как форма идеального, созданного человеком и воплощённого в орудиях труда, и определяет их функциональные возможности по участию в процессе труда. Потенция этой формы чрезвычайно велика — если с начала трудовой деятельности человека и по сию пору без его непосредственного участия орудия труда в процессе труда участвовать не могли, то сейчас уровень знаний позволяет создавать весьма сложные орудия труда, самостоятельно выполняющие полный цикл технологических операций, а в недалёкой перспективе автоматические системы и вовсе позволят вывести человека из процесса производства.² Теперь можно не только вполне уверенно, но и совершенно обоснованно повторить мысль Маркса о том, что *знание становится непосредственной производительной силой*. Следует ещё заметить, что этот момент, активность идеального орудий труда, нельзя не учитывать при анализе источников стоимости, создаваемой в капиталистическом производстве и об этом разговор впереди.

Пассивная форма идеального как знания представлена в продуктах труда, предназначенных для потребления и выполнения непроеизводственных функций, т.е. эти предметы не участвуют в создании других продуктов труда. Идеальное этой формы, не принимая непосредственного участия в про-

¹ Сюда же следует отнести и познавательную деятельность, производящую знание.

² Человек, т.о., выйдет из процесса производства как его объект, как необходимая технологическая процедура, как дополнение к машинам, которые без его участия действовать не в состоянии (тот факт, что человек по отношению к машинам выполняет управляющую роль не изменяет его функционального предназначения как части машины, как её органа управления). Теперь человек становится *над* процессом производства как его *субъект*. Возникают условия для ликвидации отчуждения деятельных способностей человека, превращающего его в объект внешних сил, и их полного присвоения как собственных творческих способностей и свободного распоряжения ими.

цессе труда, обеспечивает саму возможность человеческой деятельности.

Идеальное как процесс получения знания (этого результата процесса отражения), как постоянный переход от материального к идеальному и обратно, от полученного идеального в форме знания к материальному в форме создаваемых человеком предметов и обратно к идеальному, *по своей сути бесконечно как постоянный выход за свои собственные границы.*

Идеальное же как знание, воплощённое трудом человека в веществе природы, есть превращённая форма идеального, оно находится в застывшей, конкретной опредмеченной форме и потому конечно.

Однако и знание не является окончательной формой идеального. Здесь можно только кратко отметить, что в процессе жизнедеятельности человек создаёт исключительно человеческую форму идеального – идеальное идеального – мораль и всё то, что относится к аксиологической сфере. Собственно именно это идеальное и делает, в конце концов, человека Человеком, превращает его из очередного звена эволюции в её вершину. Эта форма идеального, возникнув, во всё большей мере начинает детерминировать поступки человека и направление его дальнейшего развития.

11. Субстанция (окончание)

11.1. Третья форма субстанционального движения

Логически определив ранее две формы субстанционального движения — первую как форму, в которой материальное и идеальное нераздельны, непосредственны, а вторую как форму, в которой материальное и идеальное разделены и опосредствованы — следует решить вопрос и о форме субстанции, в которой материальное и идеальное не только разделены, но которая способна отчуждать идеальное от непосредственного отражения внешнего объекта и действовать с этим идеальным самостоятельно.

Сущность субстанций второй субстанциональной формы движения заключается в том, что, не имея возможности самостоятельных действий с идеальным иного, они реагируют исключительно на это идеальное и, т.о., их реакция будет приспособительной реакцией, поведенческой ли, эволюционной

ли, но приспособительной. Эти субстанции в своих действиях всецело детерминированы внешним миром, поскольку не в состоянии отчуждать идеальное в форме самостоятельного объекта, и могут реагировать на идеальное отражение внешнего мира только непосредственной реакцией, поведенческой либо эволюционной. Такие субстанции *приспосабливаются к внешнему миру*.

Субстанция же, обладающая полным сознанием, т.е. способностью отчуждать непосредственно данное идеальное в самостоятельный объект мышления и действовать с ним в соответствии с законами диалектики (т.е. рассматривать свой идеальный объект в его самодвижении) получает, т.о., новое идеальное, и, как следствие, имеет потенциальную возможность реагировать именно на это новое, полученное как результат мышления идеальное. Реакция субстанции, направленная вовне, это уже не *непосредственное* действие в ответ на внешнее воздействие, а действие, *опосредствованное* процессом мышления, вернее, его результатом, неким знанием. Такая субстанция в состоянии уже не только приспособляться к внешнему миру, но и изменять внешние условия своего существования. В своём историческом развитии субстанция, обладающая полным мышлением, в итоге приходит к новой форме взаимодействия с внешней средой – она начинает *приспосабливать внешний мир к себе, а затем создавать свой собственный искусственный мир*.

Налицо принципиальное изменение сущности и, как следствие, формы субстанционального движения, на основании чего субстанцию, способную в мышлении отчуждать идеальное и самостоятельно преобразовывать его, а затем действовать на основании полученного нового идеального (знания), следует признать самостоятельной, третьей формой субстанционального движения. Такая субстанция известна только одна, человек.

11.2. Четвёртая форма субстанционального движения

С соединением в человеческой практике материального природы и его собственного идеального в форме знания возникает новый природный феномен.

Человек, отчуждая от себя в процессе деятельности, прак-

тики, идеальное в форме знания и воплощая его в продуктах труда, создаёт новый мир. Знание, воплощённое человеком в веществе природы, в продуктах труда как их идеальное содержание, порождает новую субстанциональную форму. Возникает *форма субстанции, внешне совпадающая с первой формой субстанционального движения, в которой материальное и идеальное нераздельны*. Но эту форму субстанционального движения следует признать вполне самостоятельной формой, поскольку идеального, воплощённого человеком в продуктах труда, т.е. знания как концентрированного и одновременно избирательного и комбинированного выражения законов природы, в природных вещах не существует. Это искусственное идеальное, существующее только в «человеческой» форме и являющееся результатом жизнедеятельности человека, придаёт продуктам труда форму и качества, которых нет в природе, заставляет их действовать по своим имманентным законам, определяемым их очеловеченным идеальным. Эта, по сути, иная, новая природа (вторая природа по Энгельсу), обладает, как уже говорилось, принципиально новым субстанциональным качеством.

Человек, помещая идеальное в форме знания в материальное, создаёт новую форму движения субстанции. Пока эта форма субстанции всецело несамостоятельна и полностью зависит от человека не только как определяемая им, но и потому, что ещё совершенно не развита. Её предназначение до сих пор, в основном, узко специфично – обеспечение жизнедеятельности человека, причём жизнедеятельности в буквальном смысле, как его самосохранения, выживания, хотя потенция этой формы субстанции безгранична, как безгранична Природа и её законы. Нет принципиальных ограничений на создание с использованием познанных природных законов любых объектов и процессов (в т.ч. и саморазвивающихся), сколь бы сложны и масштабны они не были.¹

Применительно к производственной деятельности человека в этой форме субстанции можно выделить пассивные объекты, которые не используются для создания других объек-

¹ С созданием *саморазвивающихся* объектов, т.е. таких, развитие которые не требуют дальнейшего вмешательства человека, четвёртая форма субстанционального движения отождествляется, смыкается с первой формой, всё субстанциональное движения замыкается в круговое движение.

тов, не включены в процессы производства как средства изменения формы предметов труда, как орудия труда, и активные объекты, используемые в качестве орудий труда для создания продуктов труда. Именно с помощью активных орудий труда создаётся всё материальное богатство сферы жизнедеятельности человека и осуществляется расширенное воспроизводство.

Активность и высокая производительность орудий труда всецело определяется тем «человеченным» идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы (но не в природной, а в «человеченной» форме) позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление. Последнее есть следствие того, что в *каждом* производственном цикле ими производится больше в количественном и качественном отношении продукта труда, чем воплощено в них самих применительно к этому циклу. Таков результат того, что природные закономерности, вскрытые человеком, воплощены им в орудиях труда и использованы в концентрированной форме в целенаправленном производительном процессе.

Эта их способность к расширенному воспроизводству материальных благ является следствием их субстанциональности, в которой материальное и идеальное представлены в «человеченной» форме. Здесь законы природы, воплощённые в концентрированном, сжатом виде в веществе и форме орудий труда и, соответственно, в производственных процессах, воздействуют в этих процессах непосредственно на предмет труда, усиливая способности и возможности человека (в т.ч. и его производительную силу) до невероятных размеров.

12. Противоречие

Определив выше диалектичность как саморазвитие объективной реальности посредством саморазличения и возникновения т.о. противоречия, а саморазвивающиеся объекты как субстанции, представляющие тождество материального и

идеального как своих сторон, мы тем самым одновременно обозначили и источник самодвижения субстанции – противоречие, поскольку стороны (моменты) субстанции, материальное и идеальное, в своём тождестве одновременно являются, как отрицающие друг друга, противоположностями, а как таковые — сторонами противоречия. Субстанциональные формы как самодвижущиеся реальности всегда внутренне противоречивы и находятся в постоянном движении, изменении, и этот феномен мышления должно уметь видеть, рефлексировать.

Т.о. субстанция, представляющая единство материального и идеального, является перманентной основой возникновения внутренних движущих противоречий, их развития и разрешения и, как следствие, собственного самодвижения, которое осуществляется через "...взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности...".¹ Это следует понимать не как доведение до крайности собственно *сторон* противоречия (обеих сразу, либо какой-то одной), хотя они, несомненно, не статичны, а как крайность, предел, завершённость их *взаимоотношения*, невозможность дальнейшего сосуществования в прежней субстанциональной форме, что очень ясно выражено Гегелем.² Беременность новым содержанием диктует необходимость смены формы. Противоречие разрешается, рождается другая субстанция, сам факт появления которой знаменует одновременное рождение нового внутреннего противоречия, неразрывно связанного с субстанциональностью.

Очевидно, что особо следует сказать о таком явлении в противоречии, как «перетекание» его сторон друг в друга. Догматически мыслящие «диалектики» трактуют его чисто механически, представляя перетекание периодическим процессом изменения сторон противоречия на свои противоположности и затем возвращением на круги своя. Ничего нет ошибочней такого мнения.

Перетекание, говоря языком Гегеля (а иным в доме диа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 20, С. 343.

² «Лишь доведённые до крайней степени противоречия, многообразные [моменты] становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 68.

лектики говорить весьма трудно, если вообще возможно) будет взаимным отражением, рефлексией сторонами противоречия своей противоположности (а не механическим переходом одного в другое) и наполнением т.о. каждой стороны противоречия новым содержанием, новым определением, обогащённым отрицанием – т.е. новым качеством. Противоположные стороны противоречия, взаимно рефлексировав, обогащая своё содержание («перетекая» друг в друга) тем самым развивают противоречие, движут его к «крайней степени» и, в итоге, к своему разрешению.

Очевидно, что рассматривая движущее субстанциональное противоречие как внутреннее, невозможно обойти умолчанием и иную форму противоречия – внешнее противоречие.

В работах диалектиков материалистического направления проблема противоречия затрагивается часто и, казалось бы, подробно, но, странное дело, признавая движущее противоречие диалектическим, внутренним, практически никто из них не говорит о противоречии внешнем, даже, хотя бы, в плане его отрицания, непризнания. В лучшем случае обсуждаются противоречия антагонистические и неантагонистические, но и те, и другие признаются проявлениями диалектического, т.е. внутреннего противоречия.

Очевидно, эта лакуна вызвана тем, что практически все высказывания по поводу противоречия вращаются вокруг его абстрактных представлений, вокруг понятий, отвлечённых от реальности. При этом как-то незаметно уходит из виду, что бытие и мышление, его выражающее в собственной имманентной форме знания, понятий, есть разные формы существования одного и того же – объективной реальности. В первом случае, бытия – в явной, субстанциональной форме, во втором случае, мышления – в снятой, идеальной. А из этого следует, что понятие противоречия не абстрактно и безотносительно, а конкретно, прочно привязано к форме движения субстанции, неотрывно от неё. Категория противоречия всеобща как принцип, как механизм самодвижения, общий всем формам субстанциональности, но в своей особенности, применительно к каждой форме движения субстанции, она конкретна

Споры в лагере диалектиков по поводу природы и сущности противоречия велись и ведутся только применительно ко второй сфере (мышления, идеального, понятий), предполагая

молчаливый консенсус относительно реальности и объективности противоречий в эмпирии, но не обсуждая сущность этих противоречий. По этой причине все определения противоречия замкнуты в мышлении (в котором, как мы уже говорили, можно совершать с идеальным всё, что угодно) и часто не соотносятся с иной стороной идеального – с материальным, реальностью, формам которой должны сопоставляться соответствующие мыслительные, идеальные формы.

Незамеченными прошли достаточно ясные высказывания Маркса: «Действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они *противоположны друг другу по своей сущности* (выделено мной). Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга...

...северный полюс и южный являются одинаково полюсами, их сущность тождественна... Север и юг — противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности... Они суть то, что они суть, лишь как различённое определение, и именно как это различённое определение сущности. Истинными, действительными крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. В одном случае различие есть различие существования, в другом — различие между сущностями, различие двух сущностей».¹

Один их немногих диалектиков, кто понял мысль Маркса, был В.А. Босенко, который недвусмысленно говорит о существовании наряду с внутренними также и внешних противоречий.

«Противоположности, составляющие внутреннюю противоречивость, выступают как одно в другом, через другое и для другого. Но не в рядоположенности, а во взаимопроникновении, и не в смысле взаимной инфильтрации внешних различных сущностей, а как внутреннее раздвоение единого».²

«Если внутреннюю противоречивость составляют противоположности одной и той же сущности, предполагающие друг друга и тяготеющие друг к другу, то противоположно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т.1, С. 321.

² Босенко В.А. Всеобщая теория развития. Киев, 2001, С. 28.

стями внешней противоречивости выступают различные сущности (внутренне противоречивые каждая), являющиеся безразличными по отношению друг к другу и в этом смысле — крайностями, которые не стремятся друг к другу, не предусматривают друг друга».¹

Несмотря на то, что В.А. Босенко говорит о противоречивости также отвлечённо, в общем смысле, не исследуя категорию субстанциональности, он весьма точно и тонко определяет ту грань, которая разделяет внутреннее и внешнее противоречия. Внутренние противоречия возникают в «одной и той же сущности», в то время как «различные сущности» вступают во внешние противоречия, причём, и это глубокая мысль, эти различные сущности внутренне также противоречивы.

Применительно к рассматриваемой концепции субстанциональности вывод таков — внутренние противоречия постоянно существуют в субстанциях, являясь их внутренним двигателем и вызывая их изменения и превращения. Внешние же противоречия есть противоречия межсубстанциональные, они есть следствие контакта субстанций, «безразличных» друг к другу.

Отсюда следует, что внутренние противоречия, отражая соотношение и взаимозависимость в субстанции материального и идеального, могут развиваться в разных направлениях, как в прогрессивном, так и регрессивном и даже некоторое время сохранять стабильность, но не в состоянии «уничтожить» субстанцию, сущностью которой они являются. Итогом развития внутренних противоречий может быть только переход субстанции в другую форму.

Внешние же противоречия как результат взаимодействия разных субстанций, могут как инициировать возникновение внутренних противоречий в этих субстанциях, вызывая появление нового идеального (рефлексии иного), так и оказывать на внутренние противоречия деформирующее действие, что может даже иметь следствием разрушение одной, либо обеих контактирующих субстанций. Деформирующее действие внешнего противоречия на внутренние проявляется в том, что нарушается процесс развития и разрешения внутренних противоречий вследствие реакции на внешнее воздействие. Вопрос о возможности перехода внешнего противоречия во

¹ Там же, С. 59.

внутреннее следует рассмотреть при анализе противоречий форм движения субстанций.

Поскольку форма возникновения, развития и разрешения *внутреннего движущего субстанционального противоречия* специфична в каждой из рассмотренных форм движения субстанций, то обратимся последовательно к каждой из них.

12.1. Противоречие первой формы субстанционального движения

В этой форме движения субстанции, где, напомним, материальное и идеальное непосредственны, идеальное находится в-себе, в потенции и, т.о., субстанциональное противоречие не может проявиться в явном виде как чётко оформленные противоположности материального и идеального («своего иного»). Здесь противоречие, так же как и идеальное, скрыто внутри материального, оно в-себе, но внешне противоречие проявляется как изменение материального.

Именно характер этого движения, изменение материального и есть внешняя сторона развития и разрешения внутреннего скрытого противоречия, что фиксируется как количественно-качественные изменения, происходящие вследствие взаимодействия материальных объектов. Здесь формой возникновения, развития и разрешения внутреннего субстанционального противоречия выступают разного вида и форм *взаимодействия* между материальными по видимости, но материально-идеальными по сущности, субстанциональными объектами, вносящими в процесс взаимодействия разные количества разных качеств, изменяющих их соотношение, меру. Этот процесс завершается возникновением нового объекта с иными количественно-качественными характеристиками, чем у объектов, вступивших во взаимодействие.

За внешней формой – видимым изменением материального – глубоко скрыто содержание, возникновение новой сущности как закона существования и движения уже нового, изменённого объекта (субстанции).

Здесь «свое иное» проявляется не как некая структура (материальная либо идеальная), более или менее отчётливо оформленная, а в форме обоюдного «отклика» взаимодействующих материальных объектов, в форме взаимного соответствия количественно-качественных и сущностных харак-

теристик взаимодействующих объектов. Т.о. «своё иное» как способность к взаимодействию имманентно присутствует в каждом таком объекте. И это «своё иное» определяется характером внутреннего тождества материального и идеального, внешне выступающего как функционирование материального, вещественного объекта по определённым, свойственным только ему, правилам, законам.

В этой форме субстанционального движения, где внутреннее противоречие проявляется как одна из форм взаимодействия, внешнее противоречие тем более проявляется как взаимодействие, контакт, и отличить эти виды противоречий-взаимодействий можно только по результатам – в первом случае необходимо возникает качественно новый субстанциональный объект, во втором взаимодействующие объекты не образуют *качественно* нового объекта (объектов).¹

Поскольку в этой форме субстанционального движения материальное и идеальное непосредственны, то и внутреннее противоречие, сторонами которого они являются, явно не проявляется, оно также в-себе. По этой причине все взаимодействия предстают как внешние взаимодействия (внешние противоречия) материальных объектов. Но эта форма, как видим, совершенно не отражает сущности происходящих процессов.

Можно ещё отметить, что здесь видимое полное доминирование материального создаёт иллюзию отсутствия идеального, на основании чего оно вовсе отрицается, а материальное абсолютизируется. В гносеологическом отношении такая трактовка, в свою очередь, необходимо имеет следствием попытки объяснить действительность с сугубо механистических позиций.

¹ Поскольку оба вида противоречий в рассматриваемой форме субстанционального движения проявляются как взаимодействия, исходным пунктом которых являются количественные изменения (а в случае внутреннего противоречия конечным результатом будут также и качественные изменения), то совершенно понятно, что методологии естественных наук не используют диалектической категории «противоречие», она здесь по понятным причинам неприменима, продуктивным же будет формально-логический метод, фиксирующий количественные изменения, приводящие, в свою очередь, к качественным изменениям.

12.2. Противоречие второй формы субстанционального движения

В этой субстанциональной форме движения одному и тому же материальному основанию соответствуют две формы идеального – своё идеальное как снятие процесса собственного развития и существования и идеальное иного как снятие, представление внешнего воздействия (и, соответственно, внешнего объекта) в форме внутреннего «сообщения» о нём. Функцию представления (снятия) внешнего объекта и соотношения этого представления с наличным состоянием субстанции выполняет особый орган субстанции – орган отражения.

В связи с наличием двух форм идеального в живой субстанции её внутренняя противоречивость усложняется и характеризуется одновременным протеканием двух процессов:

1. Противоречие между своим материальным и своим идеальным (это противоречие первой формы субстанционального движения, которое в снятом виде присутствует во всех формах субстанционального движения), скрыто, в-себе, и внешне проявляется как соответствие формы и сущности субстанции, т.е. как индикатор её приспособленности к внешней среде (либо несоответствия, неприспособленности, что влечёт за собой деградацию субстанции).

2. Противоречие между своим материальным и идеальным иного (т.е. идеальным представлением в субстанции иного объекта). Здесь идеальное иного (внешнего) представлено как его отражение, рефлексия и сторонами субстанционального противоречия выступают своё материальное и идеальное, представляющее иное, внешнее субстанции. По форме это также можно назвать своим идеальным, но по сути оно есть идеальное иного, внешнего. Вовне это противоречие проявляется как приспособление субстанции к внешним условиям.

Т.о. это субстанциональное противоречие есть противоречие между внешним, представленным идеально в субстанции и внутренним, материальным, и необходимо имеет следствием два процесса – изменение характера взаимодействия субстанции и внешнего мира (поведенческое приспособление, этогенез) и изменение сущности (формы и содержания) субстанции (эволюционное приспособление, онтогенез¹). След-

¹ До сих пор нет однозначного мнения относительно основания процесса мутагенеза – имеет ли он необходимый или случайный

ствием первого процесса является изменение условий взаимодействия с внешней средой, но не путём изменения внешней среды, а путём изменения реакции субстанции на внешнюю среду без изменения сущности субстанции. Следствием второго – изменение сущности субстанции и, т.о., характера взаимодействия со средой. Оба процесса выражают одну суть — *приспособление субстанции к среде обитания, но не среды обитания к субстанции.*

Если рассматривать эту форму противоречия со стороны процесса отражения, то его первая часть, возникновение идеального иного (идеализация материального), имеет активный характер, субстанция самостоятельно создаёт в себе образ внешнего мира, основываясь на взаимодействии с ним. Вторая часть процесса отражения – реакция субстанции на сформированное идеального иного — всецело пассивна в отношении внешней среды, изменяется субстанция применительно к среде, но не наоборот, и активна по отношению к самой субстанции, поскольку субстанция изменяет (самоизменяет) своё состояние.¹

Такой механизм разрешения противоречия детерминруется тем обстоятельством, что идеальное иное представляет только внешнюю сторону другой, внешней, субстанции, совершенно не проникая в её сущность, и реакция субстанции, соответственно, направлена исключительно на приспособление к внешним условиям, поскольку невозможно адекватно изменить внешние условия, не понимая их сути.

В этой субстанциональной форме движения внешние противоречия (взаимодействие с внешней средой) формируют их идеальное представление в субстанции *непосредственно*. По этой причине субстанция реагирует на внешнее воздействие непосредственным же образом и т.о. вследствие этого возникает видимость того, что внутреннее противоречие равнозначно внешнему. Но по сути субстанция реагирует не на

характер (ламаркизм и дарвинизм). Субстанциональный подход недвусмысленно решает вопрос в пользу необходимого характера генетических изменений, не отрицая при этом и возможности случайных процессов.

¹ Форма этого образа-отражения-рефлексии, учитывая многообразие живых субстанций, столь же многообразна – от сигнала в химической (либо даже механической) форме, до сложной картины окружающей действительности.

внешнее воздействие, а на его рефлексию, на его идеальное представление в себе.

Однако, поскольку идеальное представление внутри субстанции формируется непосредственно, то и внутреннее противоречие, разрешаясь, имеет следствием непосредственную реакцию субстанции на них в форме адекватного приспособления к внешним условиям (либо, в случае неадекватной реакции, разрушение субстанции).

Можно сказать, что внешние воздействия (противоречия) переходят во внутренние противоречия субстанции как их рефлексия в идеальной форме, как их представление посредством особого материального органа субстанции, органа отражения. По этой причине существование, бытие живой субстанции представляет собой гомеостаз с внешней средой, в которую она встроена и от которой неотделима.

Во второй форме субстанционального движения идеальное выходит, как уже говорилось, из тени материального и становится явным, действительным, более того, активным. Идеальное теперь способно влиять на материальное, хотя и ограниченно, только на «свое» материальное. Активность идеального, пусть даже ограниченная, ставит его в однозначное соответствие материальному. Здесь материальное первично в момент возникновения противоречия и вторично при его разрешении, где уже идеальное определяет новое состояние «своего» материального.

12.3. Противоречие третьей формы субстанционального движения

С появлением высшей формы живой субстанции, в которой формируется полное сознание как следствие возникновения самосознания и, т.о., реализована способность свободного обращения с идеальным, противоречия претерпевают принципиальное изменение. Теперь идеальное иного, рефлексированное мышлением (и дополненное проверкой в практике), в конечном итоге предстаёт не как отражение внешней стороны объектов действительности, а в виде понятий о них, т.е. понимания их сущности в форме знания. По сути это идеальное внешнего представляет его (внешнее) в субстанции не в форме некоего обезличенного воздействия, не как внешнюю вещь-в-себе, но как понимание сущности происходящих про-

цессов, как вещь-для-субстанции, что имеет следствие возможность влияния со стороны субстанции, обладающей полным сознанием, на внешнее окружение, изменение его.

На этом основании появляется возможность не только приспособливаться к внешним условиям, диктуемым внешними же объектами, но и изменять эти объекты на основании знания их сущности, приспособлявая уже их к потребностям существования мыслящей субстанции, что она и начинает делать, создавая свой собственный, искусственный мир из объектов внешнего мира. *Теперь приспособливается среда к субстанции, а не наоборот.* Здесь обе стороны процесса отражения активны – и идеализация материального и, тем более, материализация нового, преобразованного идеального, практика. (Подробнее – в главе «Человек, общество»).

Т.о. противоречие между субстанцией-природой (внешним миром) и мыслящей субстанцией разрешается выходом последней из гомеостаза с природой и переходом противоречия из формы внутреннего (как в случае со второй формой субстанционального движения) во внешнее. Это *третья форма субстанционального движения*, представленная только одной субстанцией – человеком.

Здесь внешнее противоречие не переходит во внутреннее противоречие, поскольку они имеют разную сущность – внешнее противоречие есть межсубстанциональное противоречие (между субстанциями), а внутреннее противоречие представляет собой внутрисубстанциональное противоречие (между материальным и идеальным внутри субстанции).

Но внешнее противоречие может инициировать возникновение внутреннего противоречия, поскольку человек, рефлексируя внешнее противоречие, способен сделать рефлексию внутренним идеальным объектом мышления с последующим воплощением идеального в своей практике.

Внешнее противоречие может также оказать на внутреннее противоречие такое воздействие, которое изменяет характер движения и разрешения имеющегося внутреннего противоречия, т.е. деформирует его, но не в состоянии полностью отменить.

В целом же процесс перехода противоречия между человеком как субстанцией и внешним миром из формы внутреннего (характерного для второй формы субстанционального движения) в форму внешнего полностью ещё не завершён, но

потенциал его далеко не исчерпан и безграничен, как безгранична действительность.

Следует заметить, что активная роль идеального в движении противоречия в рассматриваемой форме субстанционального движения является исходным пунктом для возникновения и оправдания идеализма всех мастей.

12.4. Противоречие четвертой формы субстанционального движения

Субстанция третьей формы субстанционального движения, обладающая полным сознанием, создавая собственный материальный мир, помещает своё идеальное в форме знания в искусственные предметы как уже их идеальное.

С одной стороны это идеальное есть непосредственное идеальное искусственных объектов, нераздельное с материальным подобно первой форме субстанционального движения. Но, с другой стороны, искусственные объекты самостоятельного существования как саморазвития не имеют и, казалось бы, на этом основании не могут представлять отдельной формы субстанционального движения.

Отметим, что в этой форме субстанции противоречие двойственно: 1. с одной стороны это противоречие между материальным и идеальным как снятым процессом создания объекта; 2. но, с другой стороны, идеальное является особенным идеальным – это идеальное в форме знания, помещённое человеком в созданные им искусственные объекты. Такое идеальное представляет собой не просто сущность природных процессов, но их концентрированное и избирательное выражение, которого не существует в природе.

Это идеальное уже не идеальное *иного*, хотя и имеет стороннее происхождение, а *своё иное* идеальное вещей, созданных человеком, поскольку представляет собой, по сути, не идеальное мыслящей субстанции, а сжатое выражение законов природы, т.е. субстанции внешней по отношению к мыслящей субстанции, на основании которых (законов) созданы и существуют искусственные объекты. «Очеловеченные» вещи существуют уже не по собственно природным, а по метаприродным законам, вложенным в них человеком как их идеальное и представляющим модифицированные законы природы в самой природе в этой форме не встречающиеся.

Такие объекты представлены как бы в двух ипостасях – как вещи, существующие в соответствии с противоречием первой формы субстанционального движения (и как таковые они просто вещи, подверженные всем законам реальности), и как предметы, созданные человеком для своих собственных нужд в процессе разрешения противоречия третьей формы субстанционального движения. В этом последнем качестве они полностью определяются тем идеальным, которое вложено в них человеком и которое может иметь как пассивный, так и активный характер. Соответственно роли идеального предметы этой субстанциональной формы могут выступать: 1. либо как объекты, обеспечивающие жизнедеятельность человека, т.е. пассивно участвовать в процессе их потребления; 2. либо как своеобразные «субъекты»¹, идеальное которых в форме знания полностью определяет их функции в процессе труда человека и которые участвуют совместно с ним в создании продуктов труда. Участие искусственных объектов в человеческой деятельности с развитием сферы знания и усложнением орудий труда существенно меняет характер – из полностью подчинённой человеку формы оно со временем становится доминирующим, а ныне, на наших глазах, полностью самостоятельным, выводящим человека из процесса производства.

Как видим, противоречие между материальным и идеальным в форме знания есть превращённая форма противоречия (и одновременно возможность его разрешения) между первой и третьей формами движения субстанции, а по сути – между природой и человеком.

Дальнейшее развитие человека своими способностями по созданию искусственной природы необходимо приведёт к появлению искусственных объектов (не исключено, что и космического масштаба), самостоятельно существующих по законам природы, но уже «вложенным» в них человеком как его идеальное в форме знания, т.е. *саморазвивающихся*. Несмотря на свою искусственность, такие объекты будут полностью идентичны природным, тем самым все формы движения субстанции в деятельности человека отождествляются, суб-

¹ Речь идёт об орудиях труда, субъектность которых заключается в том, что их идеальное в форме знания позволяет им выполнять активные действия, хотя и под управлением человека (в современном производстве уже всё чаще и без него), в создании продуктов труда.

станциональное движение, пройдя ряд форм, замыкается в круг. На этом основании целесообразно выделить искусственные объекты, созданные человеком, в *четвёртую форму субстанционального движения*, имманентно содержащую потенцию перехода в любую из исследованных форм субстанционального движения.

12.5. О соотношении сторон противоречия (уточнение)

В свете принципа субстанционального монизма вопрос о первичности материального либо идеального лишён смысла – материальное и идеальное как стороны субстанции неразрывны, одно не существует без другого, в своём единстве они тождественны. Но можно и нужно ставить вопрос о ведущей, активной стороне их противоречивого единства. Рассмотрим его более подробно, на основании принципа субстанционального монизма и сущности противоречия.

В первой форме субстанционального движения мы вначале пришли к выводу об активности материального и, на этом основании, его первичности.

Вглядимся в реальность более пристально. Материальное – это наличное, актуальное состояние субстанции, её вещественное наличное представление, которое является результатом предыдущего движения, процесса, приведшего к наличному результату.

Этот процесс движения и детерминировал наличное состояние – материальное, являющееся мгновенным снимком, застывшей картиной, содержанием которой является процесс возникновения материального, представленный в материальном же как его идеальное.

Т.о. мы имеем материальное как наличное вещественное состояние и идеальное как процесс, приведший к наличному состоянию. Но этот процесс есть не что иное, как вполне определённая последовательность становления наличного материального, т.е. как таковой является законом, детерминирующим наличное состояние и одновременно той деятельностной основой, которая, постоянно присутствуя в наличном материальном, побуждает это материальное к дальнейшему изменению. Будучи таковым идеальное является активной стороной противоречия между материальным и идеальным во всех формах субстанционального движения.

Идеальное «заставляет» материальное преодолевать себя, выходить за свою границу, отталкиваться от себя, отрицать себя (своё идеальное представление), вечно продолжать движение через постоянно становящееся противоречие между материальным и идеальным.

Но и материальное, в свою очередь, не является просто пассивным объектом – оно как результат, итог прошедшего процесса оказывает воздействие на форму возникновения, развития и разрешения противоречия между идеальным и материальным в ходе перманентного становления внутрисубстанционального противоречия. Материальное также деятельно, оно основание, которое изменяется в соответствии с неким законом.

Идеальное активно как закон, как побуждение к изменению, как целое, общее, детерминирующее движение наличного материального, толкающее его за свою границу.

Материальное же как результат, наличное, мгновенное, преходящее, частное, есть сторона субстанции, являющаяся основанием становящегося противоречия и определяющая его форму.

13. Краткие выводы

Резюмируя всё, что ранее было сказано о субстанциональности, можно сделать следующие выводы.

Субстанция есть саморазвивающаяся объективная реальность, сущностью которой является тождество (единство в различии) материальной и идеальной сторон (моментов), противоречие которых как взаимодействие отрицающих друг друга противоположностей является основанием движения субстанции. Субстанция не есть нечто третье по отношению к своим сторонам – она есть их соотношение, взаимосвязь и взаимозависимость. При этом объективность и реальность материального представлены непосредственно, а объективность и реальность идеального представляются опосредствованно, через материальное.¹

¹ Следует сказать и о понимании идеального как совершенного. Такое идеальное в разных ипостасях есть полное развитие процесса, вещи, завершённость развития, соответствие понятию по Гегелю. Это идеальное *не* психологическое идеальное, не релятивное, зависящее от субъективных представлений, а такое же объективное, как

Не-материальность, идеальность есть представление одной материальностью (наличным, актуальным) другой материальности (процесса возникновения этого наличного, актуального) и только как такое представление она идеальность. Можно сказать, что результат идеального в материальном, но истина материального — в идеальном. Идеальное умирает (завершается) в материальном, материальное живёт в идеальном.

Субстанциональна как Природа в целом, так и любые её саморазвивающиеся объекты, т.е. объекты-субстанции, движение которых происходит на основании возникновения и разрешения внутренних противоречий между сторонами субстанций – их материальным и идеальным моментами. Из этого следует критерий для нахождения и исследования субстанциональных форм – надо выделять объекты реальности, обладающие самодвижением, и определять их конкретные противоречивые моменты, рассматривая их в движении.

Принцип саморазвития субстанции дополняется принципом детерминированности частей целым, которые вместе составляют тождество, выполняющее функцию всеобщей связи: бесчисленные саморазвивающиеся субстанции осуществляют движение в пределах природы как целого, определяя его содержание (частное определяет целое); целое, само будучи субстанцией, детерминирует свои части.

В зависимости от соотношения материальной и идеальной сторон субстанций можно выделить следующие формы субстанционального движения (и, соответственно, субстанций), каждой из которых присущи свои формы внутрисубстанциональных противоречий.

Первая форма – материальное и идеальное непосредственны и нераздельны. В этой форме субстанции нет опосредствования между материальным и идеальным моментами, поэтому идеальное явно не представлено, оно в-себе, в потенции. В своём соотношении материальное и идеальное проявляются как количественно-качественные характеристики субстанции.

Вторая форма – материальное и идеальное раздельны и потому их отношение опосредствовано особым органом суб-

и идеальное, в качестве стороны субстанции противостоящее материальному. Другими словами идеальное как совершенное есть совершённое (завершённое) в полном соответствии внутреннему противоречию без деформирующего влияния внешних противоречий.

станции, органом отражения. Соответственно, наряду с идеальным как снятием собственного процесса движения субстанции, возникает вторая форма идеального – представление внешних объектов, идеальное иного.

Противоречие второй формы между своим материальным и идеальным иного разрешается как приспособление субстанции к условиям среды, осуществляющееся в двух формах – поведенческое приспособление (изменение «поведения», этогенез) и эволюционное приспособление (изменение сущности, онтогенез). Как реагирующие на внешние условия и приспосабливающиеся к ним субстанции этой формы движения есть живые субстанции, а процесс идеального представления в субстанции внешних условий и последующего приспособления к ним есть не что иное, как процесс отражения.

В развитых формах живой субстанции в процессе эволюции орган отражения развивается в мозг, соответственно возникают сложные формы отражения. В высшей форме живой субстанции, человеке, появляется самосознание и как следствие полное сознание – осознание себя, мира и себя в мире. Такое сознание способно отчуждать идеальное иного и действовать с ним вполне самостоятельно как с собственными идеальными объектами, создавая сферу знания. Обратный процесс, практика как материализация полученного идеального, знания, не только является критерием истины знания, но становится источником создания искусственной, очеловеченной природы.

Субстанция, обладающая самосознанием и, как следствие, полным сознанием есть третья форма субстанционального движения, которая уже не приспосабливается к внешнему миру, а, начиная с приспособления внешнего мира к себе, в процессе развития переходит к созданию своей искусственной природы.

Мыслящая субстанция, человек, создавая с использованием полученного знания продукты труда, тем самым создаёт искусственный мир, противостоящий природному. В создаваемой человеком искусственной природе и материальное, и идеальное существуют в формах, определяемых не собственно природой, а опосредствующей деятельностью человека (законами природы, «очеловеченными» человеком). Это четвёртая форма субстанционального движения, полностью определяемая человеком (но на основе познания законов при-

роды) и пока ещё всецело зависящая от него и способная функционировать только при участии человека. Но потенции этой формы чрезвычайно велики.

Можно предположить (по крайней мере, субстанциональная сущность этому не противоречит), что возможности разумной субстанции в создании искусственных объектов простираются вплоть до космических масштабов. Тем самым четвёртая форма субстанционального движения имеет потенциальную возможность перейти в первую форму, и всё движение тем самым приобретает характер цикличности, замкнутости – движение, вернее самодвижение субстанциональных форм становится поистине бесконечным.

Следует заметить, что каждая из последующих форм субстанционального движения содержит в себе в снятом виде сущностные характеристики предыдущих форм.

Ранее были сделаны выводы, что «в отличие от неживых субстанций, для процессов движения которых характерно соблюдение пропорционального соотношения веществ вступающих во взаимодействие объектов, все формы живых субстанций способны воспроизводить себя в возрастающих масштабах и вовлекают в процесс своей жизнедеятельности гораздо больше вещества, чем заключено в них самих»¹ и что «активность и высокая производительность орудий труда всецело определяется тем «очеловеченным» идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление».² Иными словами, вторая, третья и четвёртая субстанциональные формы, создавая больше субстанциональной массы, чем представляют они сами, осуществляют негэнтропийный процесс, который в деятельности человека потенциально способен стать равнозначным по масштабу природным (и даже космическим) процессам.

¹ См. с. 52.

² См. с. 69.

14. Человек, общество

Взгляд на человека как на саморазвивающуюся субстанцию даёт возможность выяснить его сущность как сущность этой субстанции, не прибегая к рассмотрению всех его особенных качеств с последующим выделением некоего общего качества, которое и будет, якобы, сутью человека.

Субстанциональность всех живых субстанций, заключается в нераздельности материального и идеального как сторон субстанции и их опосредствованности через особый орган субстанции – орган отражения. Но этого общего абстрактного положения явно недостаточно для характеристики человека, обладающего к тому же ещё и собственными, родовыми качествами, особенным.

Мы уже выяснили, что таким особенным субстанциональным качеством в отношении человека является наличие самосознания и соответствующей ему формы мышления – диалектического мышления – выделяющей человека в особую форму субстанционального движения, поскольку только человек способен отчуждать в мышлении идеальное природы, внешнее ему, и свободно действовать с ним соответственно всеобщему принципу диалектичности, даже не осознавая этого. Результатом внутренне диалектического процесса действий с идеальными объектами мышления является постижение сущности явлений природы (пусть даже неполное, внешнее, но и это уже огромное достижение) и появление, т.о., возможности обращаться с природными процессами и вещами сообразно их сущности и, действуя таким образом, применять их к собственным потребностям, создавать искусственное внешнее окружение.

Мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей.

Человек как субстанция существует только в единстве этих сторон, их непрерывном взаимодействии, переходе друг в друга, в их противоречии и снятии этого противоречия — т.е. только в движении. Суть этого процесса заключается в движении от отражения внешнего мира и представления его в форме идеального содержания сознания и последующих действий мышления со своими идеальными объектами (процесс

познания) — к его практическому воплощению, материализации (процесс практики) — и затем снова к отражению в сознании полученного практического результата и дальнейшей работы с новыми идеальными объектами. В целом – это активная, *преобразующая* внешний мир, деятельность, конечным результатом которой является *создание искусственного мира*, приспособленного к человеку.

Т.о. сущность человека как субстанции (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, — идеализации материального и материализации идеального, — которая предстаёт как единство взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, — единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального), — имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку. Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек создаёт условия своего дальнейшего развития.

Исходя из определённой выше сущности человека можно сделать самый общий вывод: *полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии таких условий, которые позволяют раскрыть все потенции человека как саморазвивающейся субстанции – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Т.е. необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из указанных сторон развитие человека, но и способствующих такому развитию. Эти условия может создать только сам человек и только сознательной деятельностью, спонтанно они не возникнут. Отсюда следует вывод – на каком-то уровне своего развития человек должен перейти к управляемому саморазвитию. И ещё один вывод — при полном удовлетворении материальных потребностей человека целью его деятельности становится он сам и развитие сферы идеального, полное познание природы. Постигание истины и есть познание необходимости и переход к полностью управляемому развитию.*

Процессы познания и практики могут существовать только в единстве как их тождестве и различии. В основании этого

единого движения находится феномен отражения, проявляющийся: в узком смысле как познание (снятие материального в идеальном, идеализация материального); в широком смысле — это весь процесс как повторяющаяся циклическая деятельность познания-практики, их взаимовлияния и перетекания друг в друга, взаимодополняющие друг друга процессы идеализации материального и материализации идеального, являющиеся сторонами целостного движения субстанции человек.

Отсюда ещё один вывод, уже по отношению к собственно человеку: чтобы соответствовать своей субстанциональной сущности человек *должен* (даже более резко – *обязан*) непрерывно осуществлять полный цикл отражения, иначе он перестаёт быть Человеком и переходит в разряд обычного биологического организма.

Человек как субстанция существует в двух формах – как индивид и как объединение индивидов, сообщество, только внутри которого индивид и может развиваться в собственной форме. В этих внешних формах он по видимости ничем не отличается от других живых субстанций, кроме отмеченной особенности – наличия самосознания и, как следствие, диалектического, по сути, мышления. Но именно эта особенность выводит человека на совершенно иной тип развития: способность осознавать внешний мир и постигать сущность природных явлений имеет необходимым следствием практическое применение полученного знания и, тем самым, изменение внешнего мира, приспособление этого мира к человеку, а не наоборот. Сам же человек, создавая искусственный мир, теперь одновременно приспосабливается уже к этому сотворённому им самим искусственному миру.

Приспосабливая природные процессы к своим нуждам человек создаёт собственный мир, мир «очеловеченных» вещей, продуктов своего труда, помещая в них в качестве *их* идеального *своё* идеальное в форме знания, т.е. концентрированное выражение законов природы. Т.о. процесс отражения как идеализации внешнего материального мира и последующего приспособления к внешней природе (чем характеризуются все формы живых субстанций) меняет свою форму, переходя на качественно иной уровень – к изменению внешних условий применительно к сущностным потребностям человека. Соответственно, противоречие между природой и человеком, бывшее ранее внутренним движущим противоречием, по-

сколькo человек находился в гомеостазе с природой, также меняет форму и становится внешним противоречием.

Разрешение противоречия между человеком и условиями его жизнедеятельности, которые создаются уже им самим, осуществляется в форме двух внутренне противоречивых и взаимосвязанных процессов вместе составляющих, как уже говорилось, синкретичный процесс отражения. Первый процесс представляет собой идеализацию материального (внешнего мира) и последующую деятельность мышления с идеальными объектами. В качестве необходимого завершения выступает второй процесс, материализация идеального содержания мышления, знания, в практике, которая и является синтезом противостоящих элементов противоречия (отрицанием отрицания внешней человеку субстанции, снятием её и возвратом к ней на новом уровне, уже как к искусственной, рукотворной природе), тождеством, достигаемым сторонами противоречия в каждом акте деятельности (как материальной, так и идеальной) с тем, чтобы достигнутое тождество стало новым противоречием внутри себя и, тем самым, очередным актом развития. Поскольку жизнедеятельность человека осуществляется, с одной стороны, во взаимодействии с внешней природой (внешнее противоречие), с другой же стороны, как развитие искусственной природы (внутреннее, движущее противоречие), то человек в значительной мере зависим от внешней природы и потому процессы, определяемые внешним и внутренним противоречиями, не существуют в чистом виде, они переплетены, постоянно пересекаются и оказывают сильнейшее влияние друг на друга.

Тем не менее, с возникновением диалектического мышления и реализацией его результатов в практике человек выходит как компонент из субстанции природы, с которой он находился в гомеостазе, и становится *самостоятельной субстанцией*, развивающейся на основе *внутреннего* противоречия, сторонами которого являются материальный и идеальный моменты его жизнедеятельности. В процессе разрешения этого противоречия человек вместо приспособления к природе стал *приспосабливать природу* к себе, создавая искусственную природу (вторую природу по Энгельсу, ноосферу по Шардену и Вернадскому). Противоречие с природой из формы *внутреннего* противоречия перешло в форму *внешнего*

противоречия¹, т.е. из формы *гомеостаза*, встроенности в природу, подчинённости ей, перешло в форму *симбиоза*, т.е. как минимум равноправия с ней, а в перспективе и полной независимости.

К сожалению, в этом симбиозе человек до сих пор действует необдуманно, более разрушая противостоящую сторону, нежели действуя в согласии с ней, не отдавая себе отчёта в том, что с деградацией природы ниже определённого уровня его существование станет проблематичным. Как мы помним, при определённом стечении обстоятельств внешние противоречия могут закончиться деградацией или даже разрушением одной, либо обеих своих сторон. Процесс выхода из природы не закончен до сих пор (да и вряд ли возможен полностью в принципиальной чистоте), т.к. человек всё ещё зависим от природы и потому уязвим, причём эта зависимость при определённых условиях может привести к фатальному исходу.

Определив человека как саморазвивающуюся субстанцию, мы сделали это пока абстрактно, в общем, не рассматривая форм, в которых эта субстанция существует. Но ведь «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».² Следовательно, следует определить субстанциональные формы, которые характеризуют субстанцию человек, исходя из исследования общественных форм, образуемых человеком.

Процесс создания человеком искусственной природы с самого начала зависел исключительно от внешних, географических и климатических условий, поэтому первые земледельческие и скотоводческие оазисы появились там, где они только и могли появиться – в наиболее благоприятных для этого местах. И только с укреплением материальных возможностей человека началось расширение зон земледелия и скотовод-

¹ Учитывая незавершённость процесса смены форм противоречия и их переплетённость будет более правильным говорить о преимущественно внешнем, либо преимущественно внутреннем противоречии в зависимости от доминирующего процесса. Т.о. жизнедеятельность человека не только чрезвычайно противоречива, но и предельно сложна, зачастую очень непросто отделить процессы, определяемые внутренним и внешним противоречиями друг от друга, выделить их в чистом виде.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 3, С. 3.

ства, их конвергенция, возникновение и развитие ремёсел.

Создание этих первичных рукотворных зон сопровождалось формированием общностей людей, связанных в целостный организм общей жизнедеятельностью и проживавших на определённой территории – начался интенсивный процесс этногенеза. На формирование этносов и их качеств существенное влияние оказывали внешние условия (условия первой природы), географические и климатические.

Затухающий процесс филогенеза¹, который был разрешением предыдущего внутреннего противоречия природа-человек, оставил своим следствием расовые различия, возникшие у популяций, проживавших в разных географо-климатических зонах, как результат эволюционного *приспособления к среде*.

Начавшийся процесс создания искусственной природы также происходил под сильным давлением природно-климатических условий и в значительной, если не решающей, мере детерминировался ими – это проявилось в форме возникновения у человеческих сообществ, обитавших в разных географо-климатических зонах, различных форм общественно-хозяйственных отношений, а также разных качеств, как индивидуальных, так и коллективных, т.н. этнических признаков. Расовые признаки т.о. есть результат приспособления человека к природе, а первоначальные социально-хозяйственные отношения и этнические качества – следствие процесса приспособления природы к человеку, результат саморазвития субстанции человек в процессе создания им искусственной среды.

Как следствие, филогенез в биологической форме прекратился, имея своим результатом появление и закрепление расовых морфологических признаков. (Остаётся открытым вопрос о возможных генетических изменениях человека в новых условиях – в условиях созданной им искусственной природы. Отрицать возможность таких изменений, значит сойти с позиций диалектики, поскольку искусственная среда также непостоянна, она изменяется, приспособливается человеком к своим нуждам. Очевидно, что такие изменения, облегчая жизнь человека, тем самым элиминируют необходимость в некоторых защитных и приспособительных механизмах, по-

¹ Филогенез – историческое развитие организмов как видов.

явившихся в результате предшествующей эволюции. Одновременно возникают условия, с которыми человек не сталкивался в своём «природном» развитии. Как это скажется на человеке — вопрос дополнительных исследований).

С началом создания искусственной природы развитие человека из сферы филогенеза перешло в сферу социогенеза, поскольку небольшие кровно-родственные общности были уже не в состоянии производить приспособительные изменения природы, масштаб которых постоянно возрастал. Такая смена основания развития, от филогенеза к социогенезу, является убедительным подтверждением перехода прежнего внутреннего противоречия с природой (результатом которого было изменение физиологии человека), в другое внутреннее движущее противоречие — с создаваемой человеком искусственной средой обитания и формами его жизнедеятельности, которые теперь выступают как социальные формы.

Т.о. анализ приводит к естественному выводу, что с субстанциональной точки зрения человек как субстанция развивается посредством двух взаимосвязанных процессов:

- изменения внешнего окружения, развития искусственной природы. Главным содержанием этого материального процесса является всемерное развитие производительных сил человека и удовлетворение его потребностей, как материальных, так и идеальных;

- одновременным приспособлением к создаваемой искусственной природе посредством внутренних изменений субстанции, что выражается, прежде всего, в общественном, социальном движении посредством саморазвивающихся общностей.¹ Главную роль в возникновении и развитии общностей людей играют связи между людьми, которые, в свою очередь, определяются отражением внешнего мира в общественном и индивидуальном сознании, т.е. и общественным, и индивидуальным идеальным.

Во взаимодействии и взаимовлиянии этих двух процессов и происходит развитие субстанции «человек», которая на разных исторических этапах предстаёт в формах, соответствующих уровню развития процесса. С гносеологической точки зрения это есть развитие противоречия между материальным

¹ Среди этих форм в качестве опорных можно отметить род, племя, этнос, нацию, человечество.

(развитием искусственной природы) и идеальным (отношениями между людьми, общественными отношениями, которые единственно определяют социальные изменения, т.е. движение общества), которое периодически разрешается в смене общественных форм, приходящих в соответствие с актуальными материальными возможностями и потребностями человека. В развитии и разрешении отмеченного противоречия нельзя однозначно выделить доминирующую сторону, оба момента активно влияют друг на друга, рассмотрение должно быть конкретным. Но бесспорно, что в активной, революционной фазе изменения общественных отношений, идеальное как понимание, осознание новых целей и видение путей их достижения, играет решающую роль. Овладевая массами это идеальное становится материальной силой. Указанное противоречие, рассматриваемое с деятельностной стороны, в марксизме предстаёт как противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Человеческие общности, развивающиеся как самостоятельные организмы, тем самым предстают как субстанциональные сущности, развивающиеся на собственной основе и способные выживать вне взаимодействия с другими общностями. Историческими формами таких субстанциональных общностей, как уже отмечено, являются семья, род, племя, этнос, нация, человечество. Разумеется, что существуют и переходные формы.

Единого взгляда в науке на сущность и генезис названных общественных форм не существует, поскольку подходы к решению данного вопроса осуществляются во многом с позиций позитивистского мышления – найти нечто общее в человеческих сообществах и подвести их под определение одной из форм. Совершенно ясно, что в обществах, материально-идеальные основы развития которых отличны, поскольку различны условия их развития, невозможно найти общее определяющее основание, но только частные признаки. Отражением этого факта и является многоголосица в этнологии, что проявляется в существовании разных направлений — этносоциальных, биосоциальных, конструктивистских и инструменталистских.

Принцип субстанционального монизма настоятельно требует рассматривать человеческие сообщества как субстанции – саморазвивающиеся структуры, принципом движения кото-

рых является постоянное возникновение, развитие и разрешение противоречий между материальной и идеальной сторонами субстанции, между материальными условиями её жизнедеятельности и идеальным отражением этих условий в отношениях и мышлении людей, что проявляется в возникновении объективного идеального, т.н. общественного сознания, и формирования общественных отношений (которые должны соответствовать материальным условиям жизнедеятельности) в соответствии с этим идеальным.

Здесь мы подошли к проблеме активности человека, к форме его деятельности, которая является источником всех изменений человеческих сообществ, их субстанциональных форм.

Поскольку, как мы выяснили, с выходом человека из гомеостаза с природой его биологическая эволюция прекратилась (или, говоря осторожнее, почти прекратилась), то объяснения повышенной активности человека следует искать не в физиологических факторах, а в процессах, протекающих в человеческих сообществах, т.е. разрешающихся в их внутренних противоречиях.

По высказанной причине основание процессов изменения человеческих отношений и их реализации в практике следует искать в человеческих же отношениях. Совершенно очевидно, что повышенная активность играет роль движителя изменений в сообществах, но вот управляет этим движителем не физиология, а представления о внешнем мире (неотъемлемым условием которого являются также отношения между людьми), которые и заставляют одних приспосабливаться к нему, а других — приспосабливать внешние условия к своим представлениям.

Мы вновь подошли к тем субстанциональным принципам развития, о которых уже говорили — частное (единичное и особенное) в своём движении вносит новое качество в имеющееся целое; целое, существующее как данность, в свою очередь детерминирует частное, влияет на него.

Идеальное активных людей есть не что иное, как новый взгляд на мир, новые идеи о мире, которые они всей силой своей повышенной активности стараются донести до других людей, заставить их поверить в свою правоту. При *определённых* условиях, что являются очень важным фактором, эти идеи начинают разделять всё большее количество людей, и

идея, «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».¹ Идея же, овладевшая массами, представляет собой уже новое идеальное целое, которое инициирует и детерминирует процесс реализации этого идеального в общественной практике, но только по достижении определённых материальных условий. Таков механизм детерминации идеальным вполне материальных процессов.

Объективное идеальное как существующее в человеческом сообществе идеальное представление о мире есть отражение внешнего мира, но это объективное идеальное не есть нечто застывшее, неизменное. Как определяемое относительно стабильными внешними материальными условиями оно сравнительно устойчиво и это есть консервативная, инерционная сторона объективного идеального.

Но объективное идеальное одновременно растворено в субъективном идеальном – как таковое оно есть представления индивидов о мире. Это индивидуальное идеальное, с которым мышление может обращаться вполне самостоятельно, изменчиво, пластично, относительно независимо от бытия. Это субъективное идеальное есть, т.о., одновременно динамичная форма объективного идеального.

Субъективное идеальное, транслируемое вовне активными индивидами, при благоприятных условиях становится собственным идеальным других людей и, в конце концов, объективным идеальным как его динамичная сторона. Новое целое существует, т.о., вначале только идеально (как динамичная сторона объективного идеального), но это идеальное целое детерминирует процесс собственной реализации в человеческой практике.

Материальное и идеальное субстанции человек взаимно определяют друг друга. Но соотношение этих сторон субстанции может быть различным. Идеальное, как объективное, так и субъективное, может адекватно отражать материальное, но также может отставать в его адекватном представлении (не достигать истины бытия), либо опережать наличное бытие в своих прогностических представлениях (это следствие самостоятельности мышления).

Решающее значение в процессах идеализации материального и материализации идеального в человеческой практике

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 1, С. 422.

имеют условия этих процессов – наличие действительной возможности их осуществления. В первом случае, идеализации, это гносеологические потенции мышления в виде его соответствующих форм и методов, во втором случае, материализации, – наличие материальных возможностей воплощения идеальных представлений.

Значение идеальных представлений, проявляющихся во вполне материальных отношениях между людьми, в человеческом сообществе огромно, можно уже уверенно сказать – решающе. Как саморазвивающиеся сущности и один человек – субъект, и человеческое сообщество – субъект. Что же делает сообщество людей единством, конкретностью? Нет сомнений, что это адекватное соотношение между материальным (условиями жизнедеятельности) и идеальным (их отражением в индивидуальном и общественном сознании). Как только адекватность материального и идеального нарушается, то общество становится неустойчивым вплоть до изменения своей формы.

Подтверждается общий принцип – любому материальному соответствует своё идеальное и наоборот. Здесь идеальное часто первично – именно идеальные представления вызывают материальные потребности, которые затем реализуются.¹ И наоборот – появление новых материальных возможностей влечёт за собой возникновение новых идеальных представлений, которые материализуются во вполне материальных действиях людей. Значение идеальных связей, которые потенциально способны материализоваться в деятельности, в человеческом обществе огромно и с развитием сферы идеального будет только возрастать. Действуя самостоятельно со своим идеальным, изменяя его, человек меняет своё отношение к миру, побуждая себя тем самым к его преобразованию.

Повторим вывод, сделанный ранее — развитие человеком искусственной природы и общественное развитие самого человека соответствуют друг другу. Но развитие способов изменения природы, внешнего окружения человека, требует определённого уровня отношений между людьми, общественных отношений, соответствующих сложности искус-

¹ Здесь мы абстрагируемся от первичных жизненных потребностей в виде пищи, жилища и т.п. – предполагается, что они в самом необходимом объёме обеспечены, иначе мы возвращаемся ко второй форме субстанционального движения.

ственной природы и возрастающим потребностям человека. На некотором уровне происходит их изменение, скачок. До сих пор этот процесс – осуществление взаимного соответствия материальных возможностей человека и соответствующих им общественных отношений – идёт стихийно, без осознания его сущности и, тем более, сознательного воздействия на него. Сейчас человек подошёл к критическому рубежу – развитие его материальных возможностей вышло на такой уровень, что дальнейшее непонимание того, к каким последствиям приведёт его воздействие на природу и самого себя, поставит под вопрос и само существование человека. Назрел переход к управляемому развитию (точнее, *самоуправляемому саморазвитию*). Альтернатив только три – либо уход человека с исторической сцены, либо к управлению обществом придут немногие, стремясь демпфировать действие законов субстанционального развития, что на некоторое время отодвинет развязку, либо это станет общим делом свободно развивающихся людей, управляющих общественным развитием на основе познания действительности.

В заключение нельзя не сказать о следующем эмпирическом наблюдении. Эмпирия, без постоянного обращения к которой и без подтверждения которой любые аналитические выводы будут всего лишь предположением, а не приближением к пониманию сущности происходящих процессов, предоставляет нашему вниманию две формы развития сообществ живых субстанций с точки зрения наличия у этих сообществ органа отражения, т.е., собственно, органа управления.

Одна из этих форм представлена скоплением особей, не имеющих общего всем им органа, координирующего их жизнедеятельность. В свою очередь внутри этой формы можно выделить два вида сообществ: 1. атомизированные гомогенные сообщества — скопления индивидуализированных особей, ничем не отличающихся друг от друга, (как пример – бактерии, простейшие и т.п.); 2. структурированные сообщества, в которых группы особей выполняют жёстко закреплённые за ними функции, обеспечивая тем самым существование сообщества в целом (некоторые виды насекомых).

Другая форма представлена сообществами, в которых такой орган не только довольно отчётливо выделяется как особая структура сообщества, но и является необходимым усло-

вием их существования. Функции этого органа выполняют особи (группы особей), являющиеся лидерами в своих сообществах. Но даже в этих субстанциональных формах при достаточно большом их количественном составе общий орган отражения-управления отсутствует. Например, очень крупные скопления животных и даже человечество в целом (пока).

Нетрудно увидеть, что отмеченные формы сообществ как бы повторяют в себе (снимают) две формы субстанционального движения – первую форму, развивающуюся непосредственно, и вторую форму, имеющую опосредствующий орган, орган отражения.

Анализ отмеченных феноменов может дать весьма интересные результаты, но он не является целью данной работы. Можно только заметить, что т.н. глобализация, о которой столь много говорится, ведёт к возникновению в человечестве как целом единого органа отражения-управления и что это неизбежное следствие становления единого материального основания и соответствующего этому процессу возникновения новых общественных связей, отношений. Развитие субстанции «человек» идёт именно в этом направлении, но содержание процесса будет всецело зависеть от доминирующих принципов, определяющих его материальную и идеальную стороны.

Другими словами от того, какое общественное устройство (и, соответственно, мировоззрение), — индивидуалистическое с его формой неэквивалентного и насильственного либо императивного отчуждения-присвоения продукта труда и деятельности человека, либо коллективистское с добровольным эквивалентным отчуждением и присвоением, — сумеет обеспечить наиболее эффективное развитие общественного человека с учётом всех факторов, как материальных, так и идеальных. После гибели русского советского социализма, геополитическая мощь которого единственно могла способствовать движению человечества по второму пути (даже при всех его исторически обусловленных недостатках), возможность развития мирового сообщества в этом направлении стала более чем проблематичной.

15. О некоторых диалектических категориях

Ниже рассмотрены некоторые категории диалектики,

представленные в свете принципа субстанционального монизма. Обращение именно к этим категориям вызвано тем, что они применены при анализе некоторых проблемных вопросов политэкономии в главе «Практика».

15.1. Всеобщее, особенное, единичное

Начнём с рассмотрения видения всеобщего, особенного и единичного знаменитой «Философской Энциклопедией».¹

«ВСЕОБЩЕЕ. В истории философии термин "В." служил для выражения двух различных понятий в зависимости от того, как понималась проблема отношения В. (общего) к единичному и особенному.

1) В. как сходное, как абстрактно-отвлечённое от всех единичных и особенных явлений свойство, как абстрактное тождество всех или многих вещей, явлений друг другу в том или ином отношении, как свойственный всем им признак, на основании которого они мысленно объединяются в тот или иной класс, множество, вид или род...²

2) В. как закон существования, изменения и развития особенных и единичных явлений в их связи, взаимодействии и единстве. В. в этом значении выступает как синоним "единства в многообразии" и осуществляется в действительности в виде закона, связующего многообразие явлений в единое це-

¹ Обращение к «Философской Энциклопедии» (Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970) объясняется тем, что в ней представлены взгляды советских учёных периода некоторого оживления философских исканий, даже определённого «вольногодумства», когда ещё пробивались родники свежей диалектической мысли. Обращение в последующем к «Новой философской энциклопедии» (Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010) интересно сравнением уровня осмысления проблем философии советскими философами-марксистами и современными представителями философии, некоторым из которых ранее было выгодно представлять себя марксистами.

² Здесь следует отметить, что «Новая философская энциклопедия» (в 4 т., М., Мысль, 2010), авторы которой претендуют на преемственность по отношению к «Философской Энциклопедии», ограничивается только этим определением всеобщего, что значительно снижает уровень объективности соответствующей статьи и её научную ценность.

лое, в систему».¹

«ОСОБЕННОЕ — филос. категория, соотносительная с категориями всеобщего и единичного. В диалектич. логике последние две категории рассматриваются как одна из форм раздвоения единого (предмета) на противоположные определения, условием познания к-рых является исследование единства этих противоположностей. В категории же О. фиксируется момент именно этого единства всеобщего и единичного, и О. выступает как такой член отношения единичное — всеобщее — О., в к-ром снимается односторонность двух первых определений».²

«ЕДИНИЧНОЕ (отдельное, индивидуальное) — определённое, ограниченное в пространстве и времени тело, вещь, система вещей данного качества, рассматриваемые в их отношении как к самим себе, так и к миру в целом по их качеств. определённости; предел количеств. деления данного качества. Е. есть определённое качество внутри него самого, т.е. его однородность с вещами того же качества, служащая объективным основанием для его количеств. математич. выражения».³

Отметим три момента, характеризующие приведенные дефиниции. Во-первых, всеобщее дано как некая абсолютная высшая сила, однонаправленно определяющая особенное и единичное (мы рассматриваем только второе определение всеобщего, поскольку в отношении первой формулировки диалектики давно сказали своё отрицающее слово), тогда как всеобщее не только определяет единичное и особенное, но и определяется ими, вырастает из них.

Во-вторых, если всеобщее и особенное даны как *отношения*, то единичное дано как *вещь* (система вещей), а это уже делает эти категории несопоставимыми, чуждыми друг другу (безразличными на языке Гегеля). Единичное как вещь здесь есть категория количества. В то время как особенное и, тем более, всеобщее как закон есть категории качества. Любители словесной эквилибристики на этом основании начнут жонглировать пресловутым переходом количества в качество и обратно, совершенно упуская из виду, что всякое рассмотре-

¹ Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 1, С. 301.

² Там же, Т. 4, С. 173.

³ Там же, Т. 2, С. 102.

ние должно быть конкретным, и что количественно-качественные соотношения могут быть применимы только к субстанциональным взаимосвязям как единству материального и идеального, но никак не к категориям как понятиям, которые существуют только в идеальной форме и количественному определению не поддаются. Редуцирование отношения (движения) к вещи (объекту) элиминирует из рассмотрения сущность, заменяя её явлением, тем самым затрудняя понимание истины, если вообще это возможно в такой форме.

В-третьих, несмотря на то, что всеобщее в приведенном определении заявлено как связанное с особенным и единичным, а особенное с всеобщим и единичным – эта связь сугубо формальна, декларативна, эклектична, она не следует из внутренних сущностей единичного, всеобщего и особенного, тем более что единичное здесь представлено как существующее само по себе, вне связи с особенным и всеобщим.

Очевидно, стоит прислушаться к мнению основателя диалектического метода, Гегелю.

«...абсолютная субстанция, отличая себя от себя как абсолютная форма, уже не отталкивает себя от себя как необходимость, равно как и не распадается как случайность на безразличные, внешние друг другу субстанции, а *разделяет* себя, с *одной стороны*, на такую целокупность, которая (то, что прежде было пассивной субстанцией) есть нечто первоначальное как рефлексия в себя из определённости, как простое целое, содержащее внутри самого себя свою *положенность* и *положенное в этой положенности* как *тождественное с самим собой*, — на *всеобщее*, а с *другой стороны*, на целокупность (то, что прежде было причинной субстанцией) как на рефлексию в себя точно так же из определённости к отрицательной определённости, которая, таким образом, как *тождественная с собой определённости* также есть целое, но положена как *тождественная с собой отрицательность*, — на *единичное*. ... их простое тождество есть *особенность*, которая от единичного содержит момент *определённости*, а от всеобщего — момент *рефлексии-в-себя*, содержит их в непосредственном единстве».¹

Другими словами: всеобщее — это абсолютная субстанция, рассматриваемая как целокупность со стороны *результата* предыдущего движения, как снятие («рефлексия в се-

¹ Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 224.

бя») определённости. Целокупность как всеобщее положена (т.е. полностью определена, сформирована) этим движением, она «простое целое», завершённое. Всеобщее как положенность есть связь снятых определённостей и как таковая некий закон. Но всеобщее как такое завершённое простое целое, как результат, как наличное бытие, как «тождественное с самим собой», *пассивно*, ибо не имеет в себе отрицательности и, т.о., интенции движения.

Единичное — это та же абсолютная субстанция, целокупность, но рассматриваемая со стороны *движения* (возникновения, перехода, становления) и содержащая все свои определённости, отрицательности как совокупность единичностей, как итог — тождественная с собой отрицательность. Как отрицательность она активна и есть причина наличного бытия.

Особенное — та же целокупность, рассматриваемая как опосредствование всеобщего и единичного. Особенное есть связь всеобщего и единичного, прочно соединяющая их в единстве, тождестве. Со стороны единичного это отрицательность, т.е. активность, начало движения. Со стороны всеобщего — результат движения, некий закон, объединяющий части в целое. Особенное есть одновременно и причина и результат и как таковое — движение, переход, становление, итог. Особенное как опосредствование снимает в себе активность единичного и пассивность всеобщего, отождествляет их, делая возможным как движение от единичного к общему, так и детерминацию частей целым.

Единство всеобщего, особенного и единичного делает в итоге возможной всеобщую связь вещей, осуществляемую как развитие единичного через особенное к общему, но развитие, определяемое общим как принципом детерминации частей целым.

Всеобщее, единичное и особенное у Гегеля существуют как разные представления одной субстанции, которая рассматривается и со стороны причины, движения, и со стороны результата, итога движения. Они неразрывно связаны крепчайшими отношениями, движутся друг вместе с другом, перетекают друг в друга, т.е. живут. Гегелевские всеобщее, единичное и особенное невозможны друг без друга и определяют друг друга, в своей противоречивости они составляют целое.

С учётом гегелевских идей в рамках принципа субстанционального монизма всеобщее, особенное и единичное пред-

стают в следующей трактовке.

Всеобщее – принципы, отношения, закономерности, детерминирующие процессы самодвижения всех форм субстанции, их взаимосвязь и проявляющиеся в них в общей всем им форме. Общее аналогично всеобщему, но в своих проявлениях ограничено — действует в пределах определённой сферы субстанциональных форм.

Единичное – принципы, отношения, закономерности, реализующиеся в процессах самодвижения субстанций в индивидуальных формах, которые (принципы и т.д.) имеют результатом своего осуществления с одной стороны — возникновение единичных субстанциональных процессов (объектов), с другой стороны (посредством особенного) – вхождение этих процессов (объектов) в субстанциональные процессы более высокого уровня. Не существует единичного вне всеобщего (общего) и нет всеобщего (общего) без единичного.

Особенное – принципы, отношения, закономерности, реализующиеся в субстанциональных процессах в промежуточных формах между всеобщим и единичным. Особенное, осуществляя связь между единичным и всеобщим, опосредствуя их, актуализирует тем самым принцип всеобщей связи всего сущего, который предстаёт в двух формах: как принцип развития от частей к целому (от единичного к всеобщему); как принцип детерминации частей целым (от всеобщего к единичному).

Отсюда ясно, что в иерархии субстанциональных форм *всегда* можно определить категории общего, особенного и единичного, которые, в зависимости от иерархического уровня меняют свою форму – из общих становятся особенными, из особенных единичными и наоборот.

Как пример: общее – то, что для обеспечения своей жизнедеятельности человек должен производить; особенное – законы общественного производства на разных уровнях развития общества (например, закон капиталистического производства — извлечение прибавочной стоимости); единичное – проявление этого закона на разных стадиях производства и потребления.

Но для собственно капиталистического способа производства закон извлечения прибавочной стоимости является уже общим законом, т.е. меняет свою категориальную форму – из

особенного становится общим. Особенным же будет его действие на разных стадиях движения продукта производства (товара), что проявляется в смене форм прибавочной стоимости (прибыль, процент, рента). Единичным – действие этого закона в отдельной сфере движения товара, на отдельном предприятии, в отдельном акте обмена.

Если говорить об абстрактности и конкретности категорий всеобщего (общего) и особенного, то совершенно ясно, что правильно определённые всеобщее (общее) и особенное (адекватно выражающие сущность субстанциональных процессов) *всегда* конкретны, т.к. необходимо существуют соответствующие субстанциональные формы, для которых они являются таковыми, и которые в форме единичного своим наличным бытием делают конкретность фактом действительности.

15.2. Необходимость, закономерность, случайность, свобода

15.2.1. Необходимость

Категория необходимости в «Философской Энциклопедии» определяется как «тип связи явлений, определяемый их устойчивой внутренней основой и совокупностью условий их возникновения, существования и развития. Категория необходимости соотносительна с категорией случайности».¹

Важно отметить, что категория необходимости здесь представлена как объективная и определяемая *внутренним* основанием, сущностью явлений.

Отмеченная объективность категории необходимости принципиально отличает её от трактовки, предлагаемой «Новой философской энциклопедией», — «Необходимость и случайность — соотносительные философские понятия; необходимым называют явление, однозначно детерминированное определённой областью действительности, предсказуемое на основе знания о ней и неустраняемое в её границах... «Необходимость» и «случайность» — относительные понятия. Они имеют смысл, если указана область их определения...»², —

¹ Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 4, С. 35.

² Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, Т. 3, С.

которая недвусмысленно и прочно связывает необходимость со сферой знания, тем самым ставя её в зависимость от субъективных представлений человека, а не от условий объективной реальности, ссыла на которые в этом случае не более чем ритуальное заклинание.

Но и «Философская Энциклопедия» даёт предельно абстрактное определение необходимости, отделяясь общими фразами – «тип связи», «внутренняя основа», «совокупность условий», которые можно приложить к чему угодно.

Не остаётся ничего иного, как спросить «стариков» —
Спинозу и
Гегеля.

По Спинозе «*Необходимой* же или, лучше сказать, *принуждённой* называется такая (вещь), которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определённом образу».¹ Т.е. необходимость Спинозы находится *вне* вещи, вне её сущности, но, тем не менее, она детерминирует действие вещи «по известному и определённом образу». Налицо явное противоречие – хотя причина действия вещи внешня ей, и, значит, случайна, но вещь почему-то должна действовать по некоему определённому образу, сиречь закону. Т.о. *внешний* случай действует по какому-то закону и тем самым он закономерен и как таковой выступает в роли той самой причины движения вещи (она ведь «принуждается»), которая одновременно, как утверждалось в п. 1 определений о боге², есть сущностная, т.е. *внутренняя* причина и потому иной быть не может. Противоречие следует за противоречием.

Послушаем Гегеля: «...действительность как само *непосредственное* формальное единство внутреннего и внешнего обладает определением *непосредственности*, противоположным определению рефлексии в себя; иначе говоря, она некая *действительность в противоположность некоей возможности*. Соотношение обеих — это *третье*: действительное, определённое также как рефлексированное в себя бытие, и бытие, определённое в то же время как непосредственно существующее. Это *третье* — *необходимость*».³

53.

¹ Спиноза Б. Избр. произведения в 2 томах, М., 1957, Т. 1, С. 362.

² Там же, С. 361.

³ Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 187.

Необходимость здесь есть отношение действительности и возможности как актуальности и перспективы, где возможность, перспектива как отрицательность действительности есть потенциал движения. Необходимость предстаёт в форме *внутреннего* противоречия, саморефлексии как отношения себя («действительности») и отражения себя в себе («рефлексии в себя»). Т.о. необходимость предстаёт как некий толчок к движению, как реакция на возникновение возможности, как интенция действительности.

Но одновременно «так как действительное и возможное — это *формальные различия*, то их соотношение также лишь *формально* и состоит только в том, что как одно, так и другое есть *положенность*, иначе говоря, состоит в *случайности*».¹ Другими словами, необходимость состоит в *обязательности* движения, случайность же есть одна из возможных форм его реализации, объективации.

Необходимость есть рефлексия принципа самодвижения субстанции в саму себя, в которой (в рефлексии) это принцип предстаёт как интенция и есть потенция субстанции к возникновению и завершению движения, инициируемого внутренним противоречием, причём к *определённому* завершению – в соответствии с соотношением противоположных сторон противоречия. Т.о. *необходимость всецело детерминирована противоречивостью субстанции, неразрывна с ней и определяется ею.*

Необходимость состоит в интенциональности как обязательности реализации потенции перехода актуальной действительности в возможность как новую действительность, это потенция движения, движение в себе. Необходимость диктует обязательность движения, границы которого как некий коридор возможностей определяются конкретным отношением противоположных сторон противоречия.

Другими словами, *необходимость — это потенция и интенция субстанции, определяемая внутренним противоречием, но интенция не безразличная, а обязательная к реализации в наличное состояние.* Именно как таковая она – необходимость. И как таковая она всеобща и абсолютна, как всеобщее и абсолютно движение, основанное на противоречивости. Необходимость как интенция не есть жёстко определённая

¹ Там же.

заданность как конкретная направленность, но только указание на обязательность (необходимость) движения.

Реализация необходимости осуществляется, в свою очередь, определённой последовательностью, алгоритмом разрешения движущего противоречия. Эта последовательность, алгоритм есть закономерность.

15.2.2. Закономерность

Закономерность как способ субстанционального движения, т.о., полностью определяется характером внутренней противоречивости субстанции.

Закономерность как алгоритм реализации необходимости относительно независима от неё, но одновременно и определяется необходимостью, ограничивается ею через форму возникновения и разрешения внутреннего противоречия. Закономерность существует внутри необходимости, а не рядом с нею.

Как видим, закономерность как закон субстанционального движения всецело определяется формой внутреннего противоречия и потому, так же как и противоречие, в каждой форме движения субстанции реализуется в форме особенного и единичного.

Т.о. *закономерность можно определить как способ осуществления необходимости в соответствии с формой развития и разрешения внутреннего субстанционального противоречия*. Это — путь необходимости, способ, алгоритм её воплощения. Закономерность объективна, как объективно определяющее его противоречие. Закономерность есть выражение сущности субстанциональных процессов как законов, детерминирующих их возникновение и развитие.

Данный взгляд расходится с трактовкой закономерности уже цитированными изданиями: «Закономерность общественная — объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений обществ, жизни, выражающая поступательное развитие истории»¹; «Закономерности — относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями и объектами реальности, обнаруживающиеся в процессах изменения и развития... Различают зако-

¹ Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 2, С. 153.

номерности эмпирические и теоретические. Первые представляют собой непосредственное обобщение опытных фактов, вторые характеризуют более глубокое проникновение в основания исследуемых процессов, и их теоретическое воспроизведение опирается на систему понятий высокой степени общности.»¹

Первое издание вообще не даёт толкования категории «закономерность» самой по себе, но только применительно к общественным явлениям, тем самым полностью субъективизируя её, делая достоянием исключительно человека. Закономерностей природы вне человеческого общества, т.о., как бы и не существует.

Второе издание, формально признавая закономерность объективной категорией, во-первых, даёт сугубо внешнее описание, совершенно не раскрывающее сущности этой категории и, во-вторых, в конце концов, также субъективизирует её, делая зависимой от представлений человека.

Надо ли говорить об абстрактности и неполноте этих определений категории закономерности.

Поскольку развитие и разрешение противоречия зависят, как было ранее выяснено, как от внутренних условий соотношения противоположностей, так и от внешних факторов, определяемых внешними противоречиями, то эти условия, в свою очередь, определяют вероятность той или иной формы развития противоречия и, следовательно, влияют на форму закономерности. Это влияние внутренних и внешних факторов и есть основание случайности, как условия реализации закономерности.

(В отношении человека следует отметить, что он сам *создаёт* новые закономерности, изменяя и приспособлявая законы природы к своим потребностям).

15.2.3. Случайность

Противоречие — это основание саморазвития — порождает не только необходимость как всеобщность, обязательность, императивность, тотальность движения, но и случайность как следствие существования конкретных форм противоречия, постоянного изменения условий его развития, влияющее на

¹ Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, Т. 2, С. 38.

форму осуществления закономерности.

Случайность есть результат влияния внешних, либо внутренних условий субстанционального движения на характер реализации закономерности этого движения и тем самым столь же объективна, как и определяющие её внутренние и внешние противоречия. Постоянно изменяющиеся условия (как внутренние, так и внешние) разрешения противоречий вызывают к жизни случайность как отклонение от нормы, попытку нарушения закономерности, субстанционального закона, выхода за пределы «дозволенного». Т.о. случайность выводит необходимость из состояния жёсткой, однозначной предопределённости и предоставляет ей набор вариантов её осуществления, создавая определённый коридор возможностей и придавая тем самым движению субстанции гибкость и многозначность. Случайность дополняет и расширяет императивность необходимости вариативностью.

Поскольку закономерность реализуется в некоем коридоре возможностей, определяемых необходимостью и направляется случайностью, то конкретный результат разрешения противоречия зависит от стечения конкретных же обстоятельств и, т.о., является относительно случайным.

Влияние случайности деформирует действие закономерности, вызывая к жизни новые формы её проявления. Действие принципа детерминации частного целым корректирует либо величину случайного отклонения (в случае внутренней причины случайного), либо жизнеспособность получившегося результата (в случае внешней причины случайности). Если отклонение, либо результат, реальностью принимается, то новые формы актуализируются, становятся действительностью, возникают новые субстанциональные формы и новые возможности развития. Такой механизм действия случайности делает её необходимой процедурой в развитии как возникновении новых субстанциональных форм.

Т.о. случайность как форма осуществления закономерности необходима. Именно наличие случайности порождает все те бесконечные формы субстанций, которые наблюдаются в бытии. Абсолютность же необходимости состоит в том, что движение субстанций, смена их форм возникают снова и снова – субстанциональность и движение не уничтожимы. В этом постоянно возобновляющемся движении случайность, возникающая необходимо в каждом конкретном случае, имеет сво-

им итогом, результатом становление некоторой, уже конкретной, необходимости.¹ Но результат необходимости в своём становлении, тем самым, так же случаен, как и необходима случайность. Таковая случайность результата необходимости есть, в конечном итоге, следствие действия самой необходимости как тотальности.

В этом диалектическом переливе друг в друга и сосуществовают необходимость и случайность, но каждая в своём своеобразном проявлении – необходимость развития есть интенция противоречия, которое также детерминирует случайность как конкретную форму влияния на закономерность внутренних и внешних факторов. Случайность снимается в закономерности особенного и единичного и потому необходимость предстаёт в итоге как превращённая форма, как действительность, перешедшая в возможность и, далее, в новую действительность как реализованная случайность. Однако, как детерминирующая тотальность необходимость в своей абсолютности всеобща, случайность же в своей подчинённости, относительности, особенна и единична.

Можно сказать, что принципы (законы) диалектического развития необходимы, формы же их осуществления случайны, вернее, необходимо-случайны. Противоречия и их разрешение необходимы, развитие противоречий и форма их разрешения случайны, вернее, необходимо-случайны.

Хотя необходимость, закономерность и случайность соотносительные категории, но далеко не равноправные. Необходимость охватывает закономерность и случайность, доминирует над ними, последние дополняют необходимость и есть путь к её завершению в действительности. Необходимость абсолютна и самодовлеюща, закономерность и случайность относительны. Необходимость представлена во всех формах движения субстанции в одной всеобщей форме как обязательность движения. Закономерность и случайность, зависящие от формы противоречия, в каждой форме движения суб-

¹ «...абсолютная необходимость — это истина, в которую возвращаются действительность и возможность вообще». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 200.

Т.е. это осуществлённая необходимость, вернее, необходимость, которая вкупе с закономерностью и случайностью влечёт действительность к осуществлению возможности и, т.о., к новой действительности.

станции предстают в индивидуальной форме как особенное и единичное.

Т.о. случайность есть проявление влияния внешних, либо внутренних условий субстанционального движения на характер осуществления закономерности этого движения, она есть источник вариативности необходимости, создающая коридор возможностей, в результате чего итогом взаимодействия необходимости, закономерности и случайности становится всё многообразие форм действительности.¹

Такое определение случайности не противоречит абстрактному гегелевскому определению² и конкретизирует его, связывая с необходимостью и закономерностью. Спиноза же вообще не допускает возможным существование случайности – «В природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и действию по известному образу из необходимости божественной природы».³

Необходимость определяется внутренним противоречием. Случайность, формирующая границы необходимости, – внутренним и внешним противоречиями. Но в целом необходимость и случайность есть разные формы проявления одного и того же – противоречивости как принципа саморазвития. Необходимость проявляется как всеобщее, объемлющее все формы движения субстанции – как обязательность, императивность движения. Случайность проявляется как особенное

¹ Иллюстрацией соотношения необходимости, закономерности и случайности может служить, в некотором роде, метафора движения предмета, плывущего в реке. Сама река в целом (берега и течение как таковое) есть необходимость. Течение, характеризуемое направлением, скоростью и иными факторами, есть закономерность. Представлением о случайности могут служить: завихрение струй воды (внутренние противоречия) и посторонние влияния (внешние противоречия) – ветер, острова, другие плывущие предметы и т.п. Какие бы случайные факторы ни воздействовали на предмет, он закономерно будет перемещаться по течению, то задерживаясь, то ускоряясь, то перемещаясь в сторону, однако, совершенно необходимо следуя течению реки, ограниченному берегами.

² «...единство возможности и действительности есть случайность. — Случайное — это нечто действительное, определённое в то же время лишь как возможное, иное которого или противоположность которого также *есть*». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 191.

³ Спиноза Б. Избр. произведения в 2 томах, М., 1957, Т. 1, С. 387.

и единичное, определяемые формами развития противоречий – как возможные варианты осуществления закономерности. Как таковые необходимость и случайность представляют собой превращённые формы, в которых развивается противоречие, они одновременно и отрицающие, и дополняющие друг друга неразрывные категории, диалектическое единство. Необходимость и случайность отождествляются в конкретных формах уже реализованного движения.

Обращаясь к закономерности можно сказать, что необходимость детерминирует существование закона движения субстанции, закономерности, как общего условия развития. Случайность определяет условия осуществления закономерности, формы её воплощения в особенном и единичном.

Мы снова резко разошлись с энциклопедиями теперь уже в определении случайности.

«Случайность — тип связи, определяемый внешними, побочными для данного явления, процесса, причинами. Случайные связи характеризуются неустойчивым, временным характером, относит. безразличием к форме своего проявления, неопределённостью возникновения в пространстве и времени».¹

Здесь случайность есть следствие только внешнего воздействия, стало быть, всё, что развивается согласно внутренним противоречиям, развивается без участия случайности и абсолютно детерминировано, инвариантно. Другой стороной этого утверждения является вывод, что противоположности как стороны противоречия неизменны, стабильны, устойчивы, тем самым косвенно утверждается стабильность противоречия и его абсолютная предопределённость при отсутствии внешнего воздействия. Но противоречие, стороны которого не изменяются, не может быть источником движения, т.к. внутренней потенцией не обладает.

«Случайность — философская категория, выражающая один из предельных видов (классов) взаимосвязей и взаимоотношений в мире, характеризующийся отсутствием прямых закономерных связей в поведении и функционировании объектов и систем. В основе случайности лежат представления о независимости, что ведёт к непредсказуемости соответствующих явлений и процессов. Другим предельным видом вза-

¹ Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 5, С. 33.

имосвязей в мире выступает необходимость».¹

Т.е. случайность, с одной стороны, есть отсутствие закономерности – а это тавтология, пустое выражение, не более того. С другой стороны, случайность идентична независимости, т.е. никак и ничем не определяется, ни от чего не зависит, что противоречит первой фразе о том, что случайность это «один из ...видов взаимосвязей». В итоге имеем не только бессодержательное, но и отягощённое внутренним противоречием утверждение.

Мы вплотную подошли к рассмотрению категории, соотносимой в философской литературе с категориями необходимости и случайности.

15.2.4. Свобода

Случайность, как мы выяснили, детерминирует определённый коридор возможностей необходимости, что, в свою очередь, предполагает вариативность закономерности — вероятность реализации какого-то одного из многих вариантов осуществления закономерности. Эта вариативность как относительная самостоятельность воплощения закономерности и есть свобода как возможность реализации любого из вариантов закономерности, определяемого случайностью.

Необходимость, действующая в коридоре возможности, не только создаёт для свободы возможность реализации случайности, но и вызывает к жизни иную, отрицающую, сторону свободы, не-свободу, постоянно воспроизводит диалектическое противоречие между ними. Но эта не-свобода не есть сама необходимость, которая абсолютна, не-свобода это иная, отрицающая, сторона свободы, столь же относительная, как и свобода. Не-свобода для всех субстанциональных состояний есть не что иное, как невозможность выхода за очерченные необходимостью границы, детерминированность границ развития. Необходимость есть обязательность движения, не-свобода — это ограничение вариантов уже предопределённого движения. Противоположность свободы и не-свободы снимается в осуществлении закономерности.

Случайность определяет весь спектр возможностей, свобода же определяет единичную реализованную случайность.

¹ Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, Т. 3, С. 569.

Т.е. случайность содержит свободу в потенции, в себе. Можно сказать, что свобода это превращённая форма случайности. Реализованная свобода (осуществлённая в единичной случайности), исчерпывает себя и сливается со случайностью в конкретности — актуализированная случайность есть истина свободы.

Т.о. свобода – это процесс актуализации случайности, реализация единичной случайности из всего спектра возможностей, направляемый необходимостью в соответствии с закономерностью. Категория свободы столь же объективна, как и категория случайности и, следовательно, необходимости и закономерности.¹

На взаимосвязь необходимости, случайности и свободы указывал Гегель — «Необходимость становится свободой не оттого, что она исчезает, а оттого только, что лишь её внутреннее ещё тождество обнаруживает себя, и это обнаружение себя есть тождественное движение различённого внутрь себя самого, рефлексия в себя видимости как видимости. ...случайность благодаря этому становится свободой, так как стороны необходимости (бытие и видимость, действительность и возможность. Прим. автора)... теперь положены как тождество (т.е. как действительность, уже реализованная из возможности. Прим. автора)».²

Несколько иную трактовку свободы находим у Спинозы — «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой».³ Свобода Спинозы – в действовании в пределах необходимости исходя из внутренней природы вещи, иными словами – сущности. Казалось бы, верно, но далее следует — «Необходимой же или, лучше сказать, *принуждённой* называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определённому образу». Противоречивость этого определения рассмотрена ранее, можно только добавить, что такая *внешняя* необходимость не может определять действие вещи исходя из её, вещи, «собственной природы» — налицо

¹ Можно сказать, что случайность – это неосознанная необходимость, дополнение свободы, а не антитеза ей. Свобода - форма, способ реализации случайности.

² ». Гегель Г. Наука логики. «Мысль», М., 1970, Т. 2, С. 224.

³ Спиноза Б. Избр. произведения в 2 томах, М., 1957, Т. 1, С. 361.

два исключают друг друга определения.

Свобода в очерченных необходимостью и случайностью границах проявляется по-разному в различных формах субстанционального движения.

В сфере косной, неживой субстанции противоречие проявляется «как количественно-качественные соотношения взаимодействующих материальных (по видимости) объектов» т.е. всецело есть результат случайных связей объектов. В этой абсолютной, ничем не управляемой случайности свобода ничем не ограничивается и не определяется, она полностью совпадает со случайностью, тождественна ей, может быть реализован любой из вариантов возможности. Свобода косной, неживой субстанции – есть чистая, ни от каких внутренних субстанциональных факторов не зависящая, случайность, полная свобода тождественна здесь полной случайности.

В сфере живой субстанции, где противоречие проявляется в форме противоположности материального и идеального как отражения внешнего мира органом отражения, из всего спектра случайности субстанция *выбирает* те возможности, которые наилучшим образом способствуют её выживаемости и репродуктивности. Т.о. из всего спектра возможностей живая субстанция выбирает для реализации ограниченный набор возможностей, и свобода выбора осуществляется уже в нём. Орган отражения является своеобразным инструментом отбора возможностей, ситом случайности. Свобода живой субстанции – в ограничении всего спектра случайного и последующем выборе возможности, определяемой с помощью органа отражения в соответствии с наличными условиями.

Мыслящая субстанция в идеальной форме способна обладать истиной как пониманием сущности происходящих процессов, которая предстает в форме познания необходимости, закономерности и случайности в их взаимосвязи.

Свобода мыслящей субстанции – в действовании в соответствии с познанными необходимостью, закономерностью и случайностью.¹ Недостаточно познать необходимость как неотвратимость движения, изменения, надо понять его сущность как закономерность во всех случайных проявлениях этой закономерности. Только тогда можно быть истинно сво-

¹ Именно познанными, т.е. представленными в истинных понятиях, а не просто осознанными. Осознание реальности только часть дела, надо её познать, чтобы действовать с открытыми глазами разума.

бодным в действии. Такое действие есть переход к качественно новому способу развития – управляемому, а значит свободному развитию. Мыслящая субстанция, действуя в соответствии с познанной истиной, становится истинно свободной. Противоречие разрешается выходом на высший уровень развития.¹

Человек, отказываясь от познания истины как единства необходимости, закономерности и случайности и императивного следования ей, погружает себя в хаос случайности, становится игрушкой неизвестных ему сил, вместо обретения свободы разума попадает в рабство случаю, что в условиях разрастающейся и неизмеримо усложняющейся искусственной природы может привести к катастрофическим последствиям.

Как видим, только мыслящая субстанция потенциально способна *управлять* собственным развитием, избавив себя от мучительных и бесплодных метаний от случайности к случайности, что чревато не только потрясениями, но и гибелью.

Можно ли, познав необходимость, действовать вопреки ей, а значит абсолютно «свободно»? Можно, но только в ответственных необходимости границах, т.е. в обнимку со случайностью. Вас устраивает этот суррогат свободы — псевдосвобода, свобода слепца в ночи? Ради бога, радуйтесь ей, наслаждайтесь ею, купайтесь в ней, но в итоге, после всех развлечений со случайностью вы окажетесь там, где и должны быть – в пункте, назначенном необходимостью. А там обнаружится, что «не-свободные», те, которые шли к цели напрямую, по пути, освещённому необходимостью, уже далеко впереди, догоняй, «свободный» индивид...

Границы возможностей развития человека как общности и как личности, детерминируемые необходимостью и случайностью, по сути, не очерчены до сих пор, поскольку коридор возможностей для развития мыслящей субстанции, человека, чрезвычайно широк и, действуя осознанно (а именно — познав истину как единство необходимости, закономерности и случайности) в безграничном пространстве бытия, человек

¹ «Так, например, если мы рассматриваем понятие свободы как абстрактную противоположность необходимости, то это только рассудочное понятие свободы; истинное же и разумное понятие свободы содержит внутри себя необходимость как снятую». Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., Мысль, 1974, Т. 1, С. 368.

становится абсолютно свободным. Вот где ключ к пониманию глубочайшей мысли Маркса, что действительность должна быть взята «как *человеческая чувственная деятельность, практика*»¹, т.е. субъективно. *Субъектность* человека как субстанции должна быть дополнена *субъективностью*, т.е. *осознанной деятельностью в соответствии с познанной необходимостью*. Идеальное как истинно познанное материальное должно полностью определять практику человека, в которой материализуется это идеальное. Только такое идеальное, неразрывное с материальным, становится ведущей, определяющей, доминирующей стороной противоречия с материальным. Только теперь человек может подняться над бытием в случайности, занять своё родовое (по Марксу) место, в противном случае он будет, как это до сих пор имеет место, игрушкой случайности, что для него равнозначно не-свободе.

И пусть невероятно тяжёлый путь из рабства случайности к свободе необходимости, тем не менее – только вперёд, к истине и свободе, иначе — гибель...

По сложившейся традиции обратимся к энциклопедиям.

«Свобода — осознанная необходимость и действия человека в соответствии со своими знаниями, возможность и способность выбора в своих действиях. На познании и использовании объективных законов покоится и свобода людей по отношению к природе, возрастающая по мере научного и технического прогресса. Проблема свободы традиционно сводилась к вопросу, обладает ли человек свободой воли».²

Здесь свобода вначале трактуется как осознанная необходимость, а этого, во-первых, как уже было сказано, явно недостаточно, необходимость надо познать, т.е. понять сущность явлений, императивность законов действительности, чтобы действовать свободно, и, во-вторых, свобода идентифицируется с необходимостью, т.е. с предписанием, ограничением — с не-свободой, а это уже формальное противоречие. И хотя затем следует правильное понимание свободы как *действия* человека в соответствии с императивностью законов природы, в итоге свобода сводится к свободе воли, объективность бытия снова полностью растворена в субъективности его представления.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, изд. 2-е. Т. 3, с. 1.

² Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 4, С. 559.

«Свобода — одна из основополагающих для европейской культуры идей, отражающая такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами».¹

Здесь категория свободы изначально представлена как абсолютно субъективная, полностью определяемая способностями и волей человека, нет даже попытки указать на объективные источники свободы. Надо ли говорить об ограниченности, не сказать примитивности, такого понимания свободы.

15.3. Телеологичность

С познанием необходимости и обретением свободы человек одновременно приобретает способность в явном виде ставить перед собой цель. Значит ли это, что телеологичность есть исключительное качество человека, причём только человека, достигшего истины?

Как мы видели, необходимость, по сути, есть предопределение процесса движения любого противоречия его внутренними особенностями в направлении закономерности и в коридоре случайности, ограниченного необходимостью же.

Тем самым взаимосвязь необходимости, закономерности и случайности как рефлексия противоречия имманентно содержит не только указание на обязательность и потенциальную направленность движения, но и на возможные формы его реализации через случайность. Вернее сказать, что указанная взаимосвязь содержит не указание, а самим фактом своего возникновения из противоречия *создаёт* интенцию движения к результату, который определяется этой взаимосвязью как некий набор возможностей и который (результат) реализуется как одна из них. Общность этих факторов предопределяет, т.о., результат в самом общем виде как весь набор потенциальных возможностей, из которых в действительности реализуется только одна.

Эта имманентно содержащаяся в противоречии в скрытом виде, в себе, потенция как некая предопределённость и

¹ Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, Т. 3, С. 501.

есть телеологичность. Телеологичность внутренне диалектична — всеобща как движение в направлении, определяемом необходимостью, но особенно и единична как актуализация случайности в пределах необходимости, точнее, как реализация закономерности, направляемой случайностью. Телеологичность ещё не-свободна в случайности, здесь она в себе, но полностью освобождается, поскольку реализуется в осуществлённой возможности и становится для себя. В телеологичности, ставшей для себя, т.е. вернувшейся в себя, причина действующая (становящееся и разрешающееся противоречие) совпадает, отождествляется с причиной целевой (разрешённое противоречие). Так понимаемая *телеологичность актуальна* — она не существует без и вне противоречия, в отсутствие внутреннего движущего противоречия бессмысленно говорить о телеологичности.

Как такая незримо присутствующая обязательность, интенция, телеологичность налична во *всех* движущих (внутренних) противоречиях и, т.о., является постоянно присутствующим фактором во *всех* формах субстанционального движения. Можно сказать, что телеологичность есть своё иное противоречия, обратное ему. С возникновением противоречия возникает и телеологичность, но противоречие явно, а телеологичность скрыто, в себе. По мере развития противоречия телеологичность начинает проявляться в форме некой возможности, как видимость возможного результата. С разрешением и, т.о., исчезновением противоречия, становлением нового качества, переходом субстанции в новое состояние телеологичность становится уже для себя, явно, как реализованная возможность. Ретроспективный диалектический взгляд (и не только диалектический) совершенно ясно увидит в исходном противоречии телеологичность как один из возможных результатов, который по мере развития противоречия становится всё более вероятным и, в итоге, в разрешении противоречия, достоверным. (Отсюда и берёт исток постоянно довлеющая над сознанием (тем сознанием, которое определялось Кантом и другими как рассудок в отличие от разума) мысль о наличии кого-то (чего-то) надо всем мирозданием как некоего направляющего и управляющего одухотворённого начала, что и служит поводом для возникновения разного рода фидеистских спекуляций). Так что же мешает сделать это в самом начале? Только неразвитость и робость мышле-

ния, которое, в свою очередь, неотделимо от практики. Эти две стороны отражения, взаимно определяя друг друга, с ростом знания и развития форм его воплощения в материальном мире всё более приближают человека к пониманию того факта, что телеологичность в деятельности человека не только может, но и должна стать основой его развития. В человеке телеологичность природы потенциально способна достичь абсолюта, т.е. отождествиться с необходимостью, закономерностью и случайностью — субстанциональное развитие становится управляемым и направляемым.

Заканчивая рассуждения о телеологичности зададимся вопросом — объективна или субъективна цель, ставящаяся человеком?

Совершенно ясно, что это зависит от того, насколько точно соответствует цель той объективной действительности, в которой действует человек, её условиям, характеру противоречивых процессов, закономерностям их протекания, влиянию внешних условий и т.п. Цель, поставленная без исследования всех этих факторов, будет не просто субъективной, она будет волюнтаристской. Чем более точно и глубоко учтены и исследованы все обстоятельства реальности, чем глубже понята необходимость, закономерность и случайность, тем более объективный характер приобретают субъективные устремления человека, которые потенциально способны достичь в познании истины объективности действительности.

15.4. Пространство, время, etc...

Пространство и время – феномены объективной реальности, сущность которых столь по-разному предстаёт в категориях мышления в разных его формах, от философии до естественных наук. Обратимся сначала к широко известным определениям.

«...обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове».¹

«...пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 20, С. 550.

... наши развивающиеся понятия времени и пространства *отражают* объективно-реальное время и пространство». ¹

«ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ - общие формы существования материи, а именно формы координации материальных объектов и явлений. Диалектич. материализм и совр. наука показывают, что П. и в. не могут существовать вне материи и независимо от нее. Отличие этих форм друг от друга состоит в том, что пространство есть всеобщая форма сосуществования тел, время - всеобщая форма смены явлений... Пространство есть форма координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающаяся в том, что последние определ. образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или др. системы, находятся в определ. количеств. отношениях друг к другу. Время есть общая форма координации явлений, сменяющих друг друга состояний материальных объектов, заключающаяся в том, что каждое явление (состояние), составляя ту или иную часть процесса, совершающегося в объекте, находится в определ. количеств. отношениях к др. явлениям (состояниям)». ²

(По понятной причине мы не обращаемся к нематериалистическим философским направлениям, трактующим понятия пространства и времени с субъективистских точек зрения).

Классики говорят о пространстве и времени исключительно в самой абстрактной форме, не обращаясь к сущности этих феноменов. Философы нашего времени пытаются конкретизировать пространственно-временную абстракцию понятием координации, т.е. связи материальных объектов. Но координация, связь есть нечто внешнее по отношению к координируемым материальным объектам, пространство же и время неотрывны от материи и как таковые есть её сущностная принадлежность.

Так что же пространство и время представляют собой «изнутри», какова их сущность, в какой форме существуют, как соотносятся с материей и друг с другом? Рассмотрим в них с точки зрения субстанционального монизма.

Поскольку кроме движущейся материи ничего нет (а материалисты сойти с этой позиции не могут), то, следовательно, пространство и время есть какие-то формы её существования,

¹ Ленин В.И. ПСС, изд. 5-е, Т. 18, С. 181 и 183.

² Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 4, С. 392.

проявления, по-иному трактовать их невозможно.

Можно, вслед за Декартом, сказать, что материя протяжённа и как таковая образует пространство. Но это будет не объяснением сущности пространства, а названием его другим термином, который всё равно требует сущностного наполнения. Совершенно очевидно, что сущность пространства (и времени) неотделима от сущности материи. По этой причине пространство (и время) может рассматриваться только как сторона материи, как какое-то её качество.

Пространство обычно понимается как то, во что материя погружена, в чём она движется, причём это движение понимается преимущественно механистически. Но такая пространственность будет чем-то отличным от материи и претендующим на равноправность с нею. Остаётся либо признать наличие равноправных материи и пространства как двух оснований реальности и окончательно запутаться в их дуализме, либо считать пространство той же природы, что и материя и, т.о., вернуться к исходному положению, с которого начинались рассуждения.

Значит, в реальности пространство находится не вне материи, а в ней самой, вернее, сама материя есть также и пространство. Такая пространственность не может быть связана ни с чем иным, как с материальностью, представленной не абстрактно, в целом, а какими-то своими уже вполне определёнными сторонами. Определённость есть ограниченность, и эта ограниченность указывает на какие-то формы материи, выявляет эти формы в их актуальности, действительности. Эта определённость уже не всеобща, а особенна, конкретна. Но материя, актуализируясь в своих конкретных формах, тем самым конкретизирует и способ своего существования. И это уже не способ существования материи вообще, *бытия вообще*, а способ существования конкретных форм материи, *наличное бытие*. Материя, представленная в своих конкретных формах, отрицает себя как всеобщее, неограниченное и предстаёт во вполне определённых, ограниченных, особенных формах. Конкретные ограниченные особенные формы материи предстают в новом качестве – как *пространственные* формы. Пространственность характеризует материю со стороны её оформленности, конкретности, особенности.

Материя, существующая в своих бесчисленных формах, т.е. всегда имеющая конкретную форму, предъявляет себя т.о.

со стороны пространственности. Т.о. *пространственность – это оформленная материальность.*

Движение материи представляет собой процессы, происходящие между материальными объектами, имеющими определённую форму, опространствленными. И ничем иным быть не может: *движение материи в пространстве — это движени-е пространственных, т.е. конкретизированных, обособлен-ных форм материи.*

Есть соблазн заявить, что пространство это то нечто, что находится вне материальных объектов и, следовательно, материя движется в этом нематериальном нечто-пространстве. Рассмотрим это предположение более подробно.

Единственно возможным вариантом будет признание за этим нечто сущности, подобной сущности гегелевского ничто, т.е. полного отрицания, противоположности материи как её полного отсутствия, но ни в коем случае не некоего континуума, обладающего какими-либо качествами (этот вариант уже рассмотрен выше). Указанная противоположность материи и ничто не есть та противоположность, в которой стороны взаимно определяют друг друга. Это безразличная противоположность, в которой ничто не может быть границей материи, поскольку таковой границей может быть только внутренняя определённость материи, создающая её пространственные формы. Т.о., даже если ничто признать наличным, материя и ничто будут совершенно безразличны друг другу, не имеют ничего общего, не определяют друг друга и не влияют друг на друга. Ничто как абсолютное отрицание всего сущего не может быть рефлексировано ничем сущим и потому не может быть источником «своего иного» в сущем. Поскольку материя не может быть определена со стороны ничто, то такое внешнее ограничение не создаёт *саморазличения* материи, т.е. не даёт возможности возникновения внутреннего противоречия как потенциала самодвижения. Ограничение со стороны ничто ничего не добавляет к определению материи внутри себя – эта граница внешня материи и не изменяет сущности материи как объективной реальности.

Резюмируя можно сказать, что пространство одновременно и есть, и его нет. Как оформленность материи, как её движение в конкретных формах пространственность есть, но как самостоятельного, независимого от материи, объекта реальности пространства нет, оно есть атрибут материи, проявля-

ющийся в её формах и вне и без материи невозможно.

То же, что подразумевается под понятием времени, есть движение материи, рассматриваемое со стороны его последовательности, процессуальности как возникновение и смена форм материи. Т.о. время это не нечто отличное от материи, не некий самостоятельный феномен, отличный от материи и взаимодействующий с ней, и даже, как это иногда представляют, довлеющий над ней, а сама материя, рассматриваемая со стороны движения, предстающего как смена её пространственных форм.

Как атрибуты объективного процесса движения материи и пространство, и время объективны и реальны. Но если пространственность может явить себя непосредственно, в форме материальных объектов, то время такой непосредственностью не обладает и может быть представлено только опосредствовано, через эти материальные объекты как одна из сторон их сущности, выражающая последовательность (длительность) процесса их возникновения и существования.

Если ранее мы априори говорили о пространстве и времени как атрибутах *материи*, то теперь стало ясно, что поскольку возникновение новых форм материи есть не что иное, как её движение, которое возможно только как самодвижение субстанции, саморазличающей себя и своё иное, то и пространство, и время есть атрибуты саморазвивающейся *субстанции*.

Пространство как атрибут субстанции характеризует её со стороны материального — существования, наличности, актуальности, оформленности, количественности.

Время как атрибут субстанции характеризует её со стороны идеального — движения, развития, изменчивости, процессуальности, содержательности, качественности.

Время есть абстракция движения, абстрактное, одностороннее выражение движения. Движения, понимаемого в самом широком смысле как изменение вообще. *Движение как таковое предстаёт как постоянный переход актуального в идеальное (которое одновременно имманентно актуальному, реальному и есть его иная сторона) и обратно.* Движение — это кипение мгновения, непрерывное снятие актуальности в себе самой, перманентное становление новой актуальности.

Подобно материальному и идеальному их атрибуты — про-

странство и время – представляют собой противоречивое отношение, характеризующее субстанциональное движение. Пространство – со стороны материальности, видимости, времени – со стороны идеальности, содержательности.

Что касается предположений о возможности перемещения во времени, в т.ч. и в обратном направлении, то на это следует сказать следующее. Можно перемещаться в сфере материального, но невозможно в сфере идеального, которое есть представление «прошлого» материального в актуальном материальном. Поскольку временной процесс (то, что называют перемещением во времени) представлен в актуальном материальном как его идеальное, то время как атрибут сферы идеального самостоятельно не может изменяться, но только вследствие изменения материального. Другими словами – причина и следствие есть материальное прошлое и материальное актуальное, отражённые в идеальном как процесс перехода одного в другое, и обратно перейти от следствия к причине в сфере идеального невозможно, не изменив материального. Но любое изменение материального есть одновременно возникновение нового идеального, т.е. новой причины и нового следствия.

Впрочем, существует природный феномен, позволяющий совершать путешествия во времени – самосознание человека. Именно его способность обращаться с идеальным совершенно свободно как объектом мышления и даёт возможность совершать движение в сфере идеального в любых направлениях.

В мышлении время (как исторически сложилось под влиянием требований практики) может быть представлено количественно (например, в форме отрезков, непосредственно связанных с конкретными природными циклами — от длительности оборота Земли вокруг Солнца до колебательного процесса в атоме цезия, принятого за эталон единицы времени). Именно практическая необходимость исследования форм движения материальных объектов привела к такой форме учёта времени в естественных науках, которая представляет его самостоятельным фактором, независимым от пространства и собственно материи. Это естественное следствие абстрактного представления реальности в идеальных формах мышления, в которых время, в действительности объективное свойство субстанции как выражение её движения, выступает как самостоятельная форма идеального представления одной

из сторон реальности. Обратное движение мышления – проекция идеального представления на реальный мир может привести к ошибочному выводу о самостоятельности времени и в реальности. Здесь налицо часто повторяющаяся аберрация мышления – наложение идеальных представлений мышления на явления реального мира без попытки практической проверки этих представлений, материализации идеального.

Аналогичное можно сказать и о таких категориях, как энергия, сила и т.п., которые представляют собой отражение интенсивности процессов движения субстанции и не являются сами по себе самостоятельными объектами реальности, но лишь выражением этих процессов, опосредствованным материальной стороной субстанции. Это внешняя сторона субстанционального движения, которая, тем не менее, представляет глубинные внутренние процессы развития субстанции.

Именно относительная самостоятельность мышления, о которой говорилось выше, и которая позволяет действовать с идеальными объектами мышления совершенно свободно, абстрагируясь от действительности, явилась основанием создания категорий мышления подобных т.н. пространственно-временному континууму, не имеющих адекватных *самостоятельных* объектов в реальности. Рассуждения о сжатии, растяжении и искривлении т.н. пространства-времени не имеют под собой основы в форме реально существующих адекватных самостоятельных объектов. Вернее, они не что иное, как абстрактные представления в мышлении реальных *материальных* процессов и для приближения к истине это представление должно быть дополнено адекватной картиной материальных (физических) процессов, протекающих в реальности, тем, что называется физической интерпретацией, т.е. практикой.

Метафоры «пространства-времени», «искривлённых пространств» и т.п. могут иметь место, но только как метафоры, как абстракции реальности, как категории естественных наук, идеально представляющие реальность в мышлении, а не в качестве реально существующих объектов материального мира. Эти категории есть идеальное представление в мышлении материального мира вне его – не более того. Без обратного движения – от идеального к материальному, от теории к материальной (физической) модели истины не достичь.

Важно отметить, что естественно-научные, позитивистские

формы мышления, предстающие в виде категорий пространственно-временного континуума как неразрывности пространства и времени, со стороны естественных наук подтверждают субстанциональность мира как тождество, неразрывность его материальной и идеальной сторон.

Очевидно, здесь следует упомянуть также о т.н. мерности пространства. Поскольку мышление относительно самостоятельно, то пространству в мышлении можно приписать любое количество измерений, что и делается в разнообразных гипотезах. В рамках мышления это вполне обоснованная процедура, помогающая разрешить некоторые проблемные вопросы существующих теорий. Что же касается трёхмерности реального мира, видимого человеком, то такое восприятие его есть результат эволюционного развития человека, приобретение способности видеть глубину, перспективу, взаимная адаптация глаз (бинокулярное зрение), мозга и жизненных потребностей, практики. Нет сомнений в том, что имея человек глаза, например, насекомого, фасеточные, то и картина мира, и его мерность представлялись бы ему по-другому. Как видим некорректно, более того, недопустимо распространять абстрактные представления мышления на реальный мир, некритически идентифицируя его с идеальными представлениями мышления, приписывать ему отсутствующие качества, гипостазирова и фетишизируя их. Без обратного движения – материализации идеальных представлений, воплощения их в практике, проверке практикой – истина недостижима.

Ремарка.

Все диалектические определения, рассмотренные выше, в мышлении предстают как категории. Но одновременно в объективной реальности это есть феномены действительности и в таком качестве они предстают как атрибуты (неотъемлемые свойства) субстанции.

Разумеется, что рассмотренными категориями субстанциональные атрибуты не исчерпываются, есть ещё многие другие (например, бесконечность-конечность, абсолютное-относительное, неделимость-делимость и т.д.).

15.5. Отчуждение и овещнение

Феномены отчуждения и овещнения, столь явственно про-

являющиеся в человеческом обществе, оказывают огромное влияние на отношения между людьми и, как следствие, на общественные формы и вряд ли можно глубоко понять процессы, протекающие в обществе, не понимая сущности отмеченных явлений.

Исторически так сложилось в философии, что категория отчуждения рассматривается исключительно с негативной стороны, чем демонстрируется совершенно недиалектическое её толкование. Такой односторонний подход, абстрагирующий понятие отчуждения, исключает возможность увидеть в отчуждении также и положительный потенциал, более того, созидающее начало.

«ОТЧУЖДЕНИЕ — филос.-социологич. категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоят. силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект обществ. процесса. О. характеризует как исторически определ. характер деятельности человека, отношение его к продуктам деятельности и к обществу, так и разрушающее влияние социальной жизни антагонистич. формаций на личность человека. О. является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистич. обществе».¹

Положительным здесь является признание объективности феномена отчуждения, естественности, эволюционности его происхождения. Но объективность предполагает всестороннее исследование предмета, здесь же отчуждение рассмотрено только с негативной стороны, отрицающей индивидуальность, субъектность человека, тогда как в отчуждении есть и положительная сторона, утверждающая человека.

От внимания философов ускользнула мысль Маркса, правда высказанная им не явно, но достаточно отчётливо, чтобы увидеть в ней зерно истины.

«Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как родовое существо, племенное существо, стадное животное — хотя отнюдь не как *zoon politicon* (политическое животное) в поли-

¹ Философская Энциклопедия: в 5-х т. М., Изд-во "БСЭ", 1960-1970, Т. 4, С. 189. Близкое по сути определение даёт и «Новая философская энциклопедия» (Т. 4, С. 181).

тическом смысле. Сам обмен является одним из главных средств этого обособления индивидов. Он делает стадное существование ненужным и разлагает его. Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только самому себе, средства же для утверждения его как обособленного индивида состоят, однако, в том, что он себя делает всеобщим и коллективным существом. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника, к примеру скажем, земельного собственника, и притом при определённых условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, образуют звено в этой цепи».¹

Маркс описывает процесс разложения человеческого стада и возникновения общества. Как видим, во-первых, общество может возникнуть только из индивидов, т.е. людей отделяющих себя от всех других, от массы. И хотя Маркс этого не указывает, но без возникновения самосознания, т.е. способности к самоопределению, отделения личности от массы произойти не может, самосознание основа обособления индивида от сообщества. Во-вторых, обособление внешне проявляется как присвоение человеком продуктов собственной деятельности и последующий обмен ими. Но этим самым человек «себя делает всеобщим и коллективным существом». Когда все члены сообщества становятся всеобщими и коллективными, взаимосвязанными, то это и есть не что иное, как возникновение общества. Становление индивида и становление общества идут рука об руку, это взаимозависимые неотделимые друг от друга процессы.

Т.о. сущность возникновения общества заключается во взаимодействии и взаимопроникновении двух процессов: идеального — возникновения самосознания (и как следствие полного сознания); и материального — обмена продуктами индивидуальной деятельности.

Но обмен продуктами деятельности и есть не что иное, как отчуждение их. Т.о. в основании процесса становления и развития общества лежит отчуждение. (Если быть точным, то в основании этого процесса находятся два взаимосвязанных процесса — присвоение как присвоение идеального, самосознания и отчуждение как отчуждение материального, продук-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 46-1, С. 486.

тов деятельности. Но мы здесь от первого абстрагируемся). Феномен отчуждения, как видим, проявляется в двух формах: негативной — как отрицание, как отчуждение продуктов человеческой деятельности, труда, как индивидуализация; и в позитивной — как утверждение, как возникновение новых форм связей между людьми, как возникновение общества, как интеграция. Негативный момент олицетворяет атомизацию массы и появление индивидов. Позитивный момент отражает возникновение сущностно новых связей между людьми — именно *общественных, осознанных* связей. Происходит качественный скачок в развитии человека — возникает не только новая форма сообщества как союза обособленных, осознающих себя индивидов, но и новая форма идеального — то, что позже назовут объективным или общественным сознанием. Здесь субстанциональность как единство и взаимозависимость материального и идеального проявляется во всей своей полноте и силе. Возникшее общество, создавая продукты труда, тем самым создаёт новый, искусственный материальный мир, наполненный новым идеальным содержанием, *человеческим* идеальным как знанием. Создается новая форма субстанционального движения — искусственная природа.

Но вернёмся к феномену отчуждения. Поскольку отчуждение есть феномен, присущий только деятельному человеку, то отчуждению могут подлежать только условия его деятельности: как предметы и продукты труда (как материальные, так и идеальные), так и собственно деятельность, труд. Последнее есть отчуждение сущностных сил человека и, значит, самого человека.

Нетрудно увидеть, что отчуждение и продукта труда, и самого труда, деятельности, существует в разных формах, а именно: как добровольное отчуждение; как принудительное отчуждение (другим человеком, государством); как необходимое (императивное) отчуждение, т.е. отчуждение, вызванное непреодолимыми жизненными обстоятельствами (таким, например, является «добровольная» продажа человеком своей рабочей силы). Очевидно, что самоотчуждением может быть только первая форма отчуждения, добровольное отчуждение, императивное же отчуждение можно рассматривать как скрытую форму принудительного отчуждения, которая существует в обществе, где человек ещё не полностью свободен как личность.

Сама возможность отчуждения имманентно присутствует уже непосредственно в принципе субстанциональности, в его двойственности – в материальности, вещественности субстанции с одной стороны, и в наличии всевозможных меж- и внутрисубстанциональных процессов движения, взаимодействия с другой стороны — т.е. отчуждению могут подвергаться как вещественные факторы (продукты труда), так и деятельностные факторы (собственно деятельность как процесс). Следовательно, отчуждение есть категория объективная и необходимая. Но актуализируется эта потенция только при наличии определённых общественных отношений – таких отношений, которые предполагают разделение людей по их месту в производстве своей жизни и, соответственно, по участию в процессах производства, распределения и потребления.

Без первой формы, — отчуждения *продукта* труда, — невозможно общество, люди должны обмениваться продуктами своего труда. Процесс отчуждения продукта своего труда есть одновременно основа диалектического процесса рождения индивида и общества – именно возникновение индивидов (дифференциация) делает возможным возникновение общества (интеграцию) на основе появившейся общественной связи – отчуждения-обмена продуктами труда. Эта форма отчуждения создаёт и скрепляет общество, отчуждение продукта труда другой стороной имеет возникновение связи между индивидами и, т.о., их объединение в общество. Здесь отчуждение есть форма соединения частей в целое. Отчуждение особенного и единичного, — продукта, предмета, — есть форма создания общего – сообщества. В таком качестве отчуждение имеет *всеобщий* характер. В результате диалектического снятия отчуждения-объединения возникают новые качества – особь человеческого стада превращается в индивида, а само человеческое стадо превращается в первобытное общество.

Но одновременно общество содержит и момент собственной отрицательности как наличие отчуждённых от него индивидов. Эта отрицательность есть интенция общества к изменению, движению посредством объединения отчуждённых, и тем самым относительно свободных, индивидов во всё новые и новые группы, противостоящие обществу, что, при определённых обстоятельствах, имеет следствием изменение всего

общества.

Отчуждение как обмен индивидуальными продуктами имеет ещё одну сторону — потенцию разделения общества на новой основе — на основании возникновения частной собственности на продукты, а позже и на деятельность людей, на их труд.

Вторая форма отчуждения, — отчуждение *деятельности*, — возникает исторически позже как результат развития и усложнения первобытного общества и проявляется в двух формах: по отношению к обществу как возникновение разделения труда, по отношению к индивиду — как отчуждение его способности к труду (в крайней форме — как полное отчуждение личности, рабство, крепостничество). В этой форме отчуждение имеет характер *особенного*.

Разделение труда есть форма разделения целого на части — из общего, совместной трудовой деятельности, выделяются, отчуждаются особенные её формы, которые становятся прерогативой части общества, групп людей, занимающихся однотипной деятельностью. Но обмен результатами деятельности вызывает к жизни другую сторону отчуждения — кооперацию, объединение групп людей в целое как единый хозяйственный организм. Этот диалектический процесс лежит в основании жизнедеятельности человеческих обществ. Развитие процесса разделения труда, его дальнейшее углубление неизбежным следствием имеет одностороннее развитие человеческих способностей. Человек становится, по выражению Маркса, абстрактным, неполным человеком. Это его плата за развитие производительных сил и рост материальных возможностей. Выход из этого процесса только в том, чтобы развить до высочайшей степени разделение труда и его производительность, *вывести человека из процесса производства*, по крайней мере как объект производства, как придаток к машине, как часть технологического процесса. Только став *вне и над* производством человек получит возможность полноценного развития.

Отчуждение способности человека к труду представляет собой отчуждение деятельности (процесса труда) человека от него самого в пользу другого человека и тем самым низведение его самого до вещи, ценной только тем, что она может что-то делать. Отчуждение собственно деятельности есть отчуждение сущности человека от него самого и потому как

самоотчуждение может проявляться только в единичной, уникальной, извращённой форме. Это и есть сущность понятий овещнения¹ и эксплуатации. Сама личность человека при этом является ничтожной, не представляющей интереса для порабитителя, эксплуататора. Эта форма отчуждения представлена несколькими видами – прямое принуждение (рабство), принуждение посредством социальных институтов (сословная, крепостная зависимость), принуждение посредством экономических отношений (капитализм, первая фаза коммунизма). Только эта форма отчуждения является всецело негативной формой, полностью противоречащей сущности человека как универсального существа.

Как видим, отчуждение представляет собой диалектический процесс постоянного разделения целого на части и объединения частей в целое, форма отчуждения определяет форму общества, но и общество, изменяясь, влияет на форму отчуждения и, в свою очередь, определяет его.

Соответственно возмозжности отчуждения, как *продуктов* труда человека, так и его *деятельности*, феномен овещнения также имеет две стороны.

Поскольку люди обмениваются *продуктами* своего труда, то они вступают в отношения, опосредствованные вещами. Эти отношения опосредствования неизбежно становятся определяющим фактором человеческих, в сущности, отношений. Человеческие отношения начинают рассматриваться через призму вещей, их опосредствующих. Соответственно, люди видят свои человеческие, общественные отношения как

¹ В литературе встречаются две формы, выражающие один феномен, о котором идёт речь – овещнение и овеществление. Термин «овещнение» прямо указывает на то, что нечто (в данном случае человек) представляется вещью, чем-то пассивным, игрушкой чуждых ему сил, хотя по своей сути и не является таковым. В данном случае овещнение означает перенесение определений вещи на человека – здесь человек *представляется* вещью только в силу внешних для него условий, но *не является* ею *по своей сути*.

Термин же «овеществление» содержит прозрачную аллюзию на процесс, в котором происходит воплощение некоего замысла в веществе природы, это активное направляемое действие, результатом которого также может быть вещь, но вещь утилитарная, сущность которой и определяется процессом овещствления – здесь вещь *по сути является* вещью. По указанной причине к рассматриваемому феномену далее применяется термин «овещнение».

отношения вещей. Это *овещнение отношений* и оно вполне объяснимо. Человек воспринимает внешний ему мир, в т.ч. и других людей, только посредством материальных контактов. Даже идеальное других людей он способен воспринять только тогда, когда оно материализовано во вполне вещных носителях – звуках, знаках, предметах. Роль опосредствующего звена как материального носителя идеальных человеческих отношений весьма велика (более того, единственно возможна) и потому, как следствие, отношения людей внешне *объективно* вещны, овещнены.

Есть и другая сторона овещнения. Поскольку при отчуждении *деятельности* человека в пользу другого человека он рассматривается только как носитель этой деятельности, а не личность как таковая, то в свете таких отношений человек и видится как вещь, он предстаёт как овещнённый человек. Соответственно этому представлению к нему и относятся как к вещи, предмету, в котором от человека осталась только его способность быть *деятельной вещью*. Это *овещнение человека*.

В итоге овещнение предстаёт во всей своей красе – как отношение к вещи как к личности и к личности как вещи.

Первое отношение имеет объективным имманентным источником то идеальное в продуктах труда, которое вложено туда человеком (вспомним — идеальное это процесс движения (возникновения, изменения) вещи, представленный в форме вещи). Т.е. предметы, созданные человеком, объективно содержат идеальное, вложенное в них человеком, и потому могут восприниматься как нечто очеловеченное, что и происходит при определённых общественных отношениях.

Второе отношение имеет место, когда человек включён в общую деятельность не как личность, а как обладатель некоторых факторов производства жизни, как индивид, способный трудиться, создавать продукты труда. Здесь имманентным источником овещнения является способность к деятельности, принадлежащая человеку, но используемая другим человеком, который видит первого только как носителя деятельности, как вещь, обладающую определёнными свойствами. Именно эти частные качества и подлежат использованию, но не сам человек как универсальная личность.

Овещнение (и человеческих отношений, и самого человека) есть результат разделения труда и последующего возник-

новения обмена и общественных отношений собственности. Последние накладывают на феномен овещнения свою особую печать, придавая этому общему феномену свои специфические формы в каждой форме общества. Но только разделение труда лежит в основе овещнения и человека, и отношений между людьми, поскольку необходимо влечёт возникновение отношений обмена и феномена частной собственности, который полностью подчиняет себе отношения обмена, в результате чего люди и их отношения предстают посредством вещей и как вещи.

Значит ли это, что овещнение будет существовать, пока существует разделение труда и, соответственно, обмен продуктами труда? Да, пока существует частная собственность, закрепляющая этот общественный феномен, и представляющая человека и человеческие отношения через призму обмена вещей как товаров, т.е. исключительно в форме, где сущностью отношений является не собственно человеческая деятельность, а товар, представляющий интерес только как вещь, в которой воплощена прибавочная стоимость.¹

Но при упразднении частной собственности объектом обмена будут уже продукты труда не как товары, вещи, в которых главное – их прибавочная стоимость, а продукты труда как вещи, в которых главное – их потребительные качества, т.е. собственно труд, овеществлённый в своём результате. Здесь сам труд, воплощённый в продукте труда, представляет интерес своей натуральной формой, а не возможность обменять его на другой труд с целью получения прибавочной стоимости.

Но полностью избавиться от феномена овещнения воз-

¹ «Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения различных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь – в некую вещную мощь». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 46-1, С. 100).

можно только при ликвидации отношений обмена, т.е. в обществе, в котором продукты производятся по потребности общества и поступают в распоряжение людей непосредственно, а не через обмен деятельностью и продуктами её труда.

Наиболее ярко, грубо и пошло феномен овещнения проявляется по отношению к людям творческого труда и результатам их деятельности. Эти результаты в виде научных открытий и художественных произведений принадлежат целиком к сфере идеального и как таковые являются достоянием всех людей. Но мир частой собственности опутывает паутиной овещнения и самих творческих людей, и продукты их деятельности. Беззастенчивой эксплуатации подвергается уже сама сущность человека, его родовые (по Марксу) качества. Человек, вплотную подошедший к возможности осуществления своей универсальности, удерживается капиталом в предчеловеческом состоянии. Выставляя на продажу то, что должно принадлежать всем, — идеальное в форме знания и нравственных императивов (а художественные произведения есть их своеобразное концентрированное выражение), — капитал самым наглым образом демонстрирует свою античеловечность, попирает принципы справедливости и добра, присваивает общее, ему не принадлежащее, тем самым резко сужая в своих интересах круг людей, которым доступны высшие гуманистические достижения человечества. Капитал, не допуская массы людей к высшим духовным ценностям, действует как самый отъявленный преступник и уже поэтому капиталистическое общественное отношение должно быть преодолено.

И отчуждение, и овещнение – сугубо общественные феномены, вне общества они невозможны, более того, как мы видели, отчуждение продукта труда лежит в основании процесса объединения людей в коллектив, общество.

Но если отчуждение *продукта* деятельности человека должно достичь своей абсолютной формы (полное свободное отчуждение, *самоотчуждение*, *всех* продуктов, и материальных и, тем более, идеальных в общую пользу. Человек всего себя отдаёт обществу и, соответственно, с абсолютной свободой пользуется результатами труда других людей, всего общества — для того, чтобы всё присвоить, надо всё отдать. Здесь отчуждение и присвоение достигают полного тождества, противоположности перетекают друг в друга), то отчуж-

дение собственно *деятельности* должно быть упразднено, уничтожено, начало чему полагается ликвидацией частной собственности. *Свободное и полное отчуждение результатов труда может быть следствием только полного присвоения своей деятельности, т.е. самого себя.*¹ Тем самым уничтожается та сторона феномена овещнения, которая превращает человека в вещь, уничтожает его как свободную личность.

Авторы «Новой философской энциклопедии» по-иному видят феномен отчуждения: «В философии категория «отчуждение» выражает такую объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противопоставит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия.

...В социальной философии и в социологии отчуждение — это общественное отношение, социокультурная связь между субъектами, которая вышла из-под их контроля и стала самостоятельной, господствующей над ними силой. Это инобытие свободы, ее противоположность. Человек стремится преодолеть существующие формы своего отчуждения и достичь более высокого уровня свободы. При этом он нередко порождает новые формы отчуждения и попадает под их влияние».²

Здесь отчуждение предстаёт только как негативный результат отношений между людьми более того – как противостоящая сила, которую невозможно контролировать. Причём попытки преодоления отчуждения ведут к появлению его новых форм. Т.о. отчуждение, являясь порождением субъективности (отношений людей) по непонятной причине превращается во вполне объективное явление. Поскольку не рассмотрен генезис отчуждения, то оно представлено только феноменологически, а не сущностно. Поэтому и обратный процесс – снятие отчуждения – в итоге видится авторам такой трактовки весьма проблематичным, если вообще возможным.

Наше понимание феномена отчуждения несколько расходится и с мнением «Философской Энциклопедии», которая считает отчуждение «исторически преходящей формой

¹ Следует помнить, что отчуждение продукта труда может быть осуществлено как в пользу частного лица (группы лиц), так и в общую пользу. Эти формы отчуждения можно назвать частным отчуждением и общественным отчуждением. Здесь речь идёт, разумеется, о второй форме отчуждения.

² Новая философская энциклопедия, в 4 т., М., Мысль, 2010, С. 181.

опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистическом обществе». Как мы убедились, предметная форма отчуждения как отчуждение *результатов* труда есть феномен *общий* всем типам обществ, а не только классово-антагонистическим, и эта форма отчуждения должна достичь своей полноты и завершённости, что возможно только с полным освобождением человека. Исторически переходящим же, *особенным*, является отчуждение *деятельности* человека, которое неизбежно становится отчуждением самого человека и должно быть преодолено исторически. С развитием предметного отчуждения до своей высшей формы, полного добровольного самоотчуждения, и одновременно постепенной ликвидацией личностного отчуждения станет возможным их диалектическое снятие и достижение возможности «свободного развития каждого» и «свободного развития всех».

15.5.1. Собственность как диалектика присвоения и отчуждения

Логически отчуждению предшествует присвоение – прежде, чем продукт может быть отчуждён, он должен быть в наличии, т.е. произведен, и как таковой *фактически* является принадлежностью непосредственного производителя – очевидно именно так обстояло дело и исторически, с самых первых моментов появления обмена. Когда эта принадлежность выступает в форме владения и распоряжения, то она предстаёт в форме собственности – продукт присвоен. Только теперь он может быть отчуждён, стать объектом обмена и вступить в общественные отношения обмена. Т.о. отношения собственности возникают как естественное следствие из разделения труда и развития производительных сил, что оказывает прямое воздействие на развитие отношений присвоения-отчуждения, и является основанием для развития последующих отношений отчуждения.

Правда, Маркс, утверждая, что человек, «отчуждая от себя свою собственную деятельность, ... позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую», на этом основании делает вывод — «частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда,

внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе».¹

Но, как мы убедились, исторический подход с учётом логики его протекания выявляет обратное – именно продукт индивидуального производства, вначале присваиваемый производителем, создаёт тем самым *фактическое* отношение собственности, которое, в свою очередь, даёт возможность дальнейшего отчуждения продукта труда в интересах обмена (это признаёт и Маркс – «отчуждая ... собственную деятельность»). Вначале частная собственность ещё равнозначна индивидуальной и имеет основанием *собственный труд*. И только теперь возникший феномен отчуждения несёт в себе потенции возможности отчуждения продукта *чужого труда* другими индивидуумами и возникновения частной собственности на совершенно ином основании – на чужом труде.

Т.о. частная собственность, имея общим основанием труд человека, может выступать в двух формах – естественно возникающая частная собственность, основанная на собственном труде и частная собственность, основанная на труде других людей, возникшая вначале как принудительное отчуждение продукта, а затем и собственно труда человека, его деятельности, что, в сущности, есть не что иное как отчуждение человека от него самого. Именно вторая форма собственности и есть «следствие отчуждённого труда».

Во второй форме собственности уже самим принципом её появления, принудительным отчуждением, заложено внутреннее противоречие между источником её возникновения (труд одних) и фактическим отношением собственности (собственность других). Это изначально заложенное антагонистическое отношение является имманентным противоречием, сопровождающим эту форму собственности в течение всей его жизни, и которое, в конце концов, должно прийти к своему разрешению, как и всякое диалектическое противоречие. (Отмеченные формы собственности можно обозначить как естественную и антагонистическую).

Следует учитывать также, что Маркс сделал свой вывод, исходя из уже существующих реалий, для которых отношения собственности и отчуждения были исторически установленным фактом — «понятие отчуждённого труда (отчуждённой жизни) мы получили, исходя из политической эконо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 97.

мии, как результат движения частной собственности»¹. Анализ же генезиса отношений присвоения-отчуждения в логически-историческом аспекте приводит, как видим, несколько к иному выводу.

Далее, Маркс отмечает — «труд, субъективная сущность частной собственности, как нечто исключаящее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключаящее труд, — такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия».²

Эта фраза является убедительным свидетельством того, что молодой Маркс (написано в 1844 году) находился ещё всецело под очарованием диалектики Гегеля, в которой его привлекала умозрительная сторона и недооценивалась практическая — именно об этом говорит игра с понятиями противоположности и противоречия и их энергичности. Следствием такого умозрительного подхода и стало возможным утверждение, что труд, являясь субъективной сущностью частной собственности, тем не менее, исключает собственность — ведь этого требует гегелевская трактовка противоположности как рефлексии в себя отрицания.

Но практика и её анализ показывают иное. Труд, результатом которого является продукт, становящийся собственностью производителя, как вполне субъективная деятельность составляет сущность этой собственности, тем самым он *предполагает* частную собственность. Здесь Маркс прав в следующем — собственность, рассматриваемая со стороны *результата* труда, со стороны её *возникновения*, субъективна. Но одновременно эта собственность выступает как *основание* обмена, как нечто, что уже дано до самого факта обмена, как просто наличествующее. И с этой стороны, со стороны обмена, со стороны актуальности, собственность уже вполне *объективна*, как предстающая в объективированной форме продукта. Как видим, труд как субъективная деятельность, *предполагает*, говоря языком Гегеля, посредством своего продукта собственность, которая в отношениях обмена предстаёт с двух сторон — как субъективная со стороны труда, и как объ-

¹ Там же.

² Там же, С. 113.

ективная со стороны вещественности, представленности в отношениях обмена в материальной форме. Труд не исключает, а предполагает собственность, но собственность как результат *своего* труда, *собственного* труда. Это естественное следствие естественного процесса жизнедеятельности человека.

Но эта же самая жизнедеятельность создаёт такие *формы взаимоотношений между людьми*, в которых становится возможным присвоение собственности, созданной чужим трудом (от условий возникновения такой возможности мы абстрагируемся). Не только форма, но и сущность отношений собственности трансформируется – теперь собственностью является результат *чужого* труда. Естественность возникновения собственности и её основания нарушена и в этом пункте возникает противоречие *внутри* отношений собственности – противоречие между трудом, производящим продукт, и между собственником, отчуждающим и присваивающим этот продукт *не на естественном производительном основании, а на основании отношений, устанавливаемых иными общественными процессами*. Только теперь возникает, начинает развиваться и двигаться к своему разрешению противоречие между трудом и собственностью.

В этом противоречивом отношении между трудом и собственностью (капиталом), собственность (капитал) исключает (отрицает) не труд как таковой (без труда вообще невозможно появление собственности и как отношения, и как объекта), а только его право (вернее, право труженика) на владение своим продуктом. Противоречие между общим трудом и частным присвоением по мере развития общественных производительных сил (в т.ч. и разделения труда) наращивает свой потенциал и, в конце концов, либо разрешится обобществлением производительных сил в форме всеобщей собственности и, т.о., возникнет новое противоречие уже внутри нового производственного отношения, либо, в случае недостаточной активности со стороны труда, стагнирует и начнёт деградировать, что будет иметь следствием и деградацию всего процесса развития субстанции человек. Ведь в этом случае определяющий развитие субстанции процесс её жизнедеятельности как процесс отражения будет осуществляться не в интересах субстанции в целом, а исключительно в интересах незначи-

тельной её части.¹

Собственность, рассматриваемая со своей субъективной стороны, со стороны труда, производителя, содержит имманентную потенцию к её возникновению. Та же собственность, рассматриваемая со своей объективной стороны, со стороны обмена, содержит необходимое условие её актуализации, одействительствования, конституирования. Будучи актуализированной, в конкретных общественных отношениях она предстаёт в разных формах — как индивидуальная частная собственность (результат собственного труда, естественная собственность) и как результат отчуждения и последующего присвоения чужого труда и чужой собственности (антагонистическая собственность). В этом диалектика отношений собственности.

Мы выявили два условия, лежащие в основании отношений собственности, без ликвидации которых невозможно уничтожение отношений собственности. Выполнение первого условия обеспечивается выведением человека из процесса производства как его *непосредственного* участника. Тем самым объективно ликвидируются всякие основания для возникновения и существования отношений собственности.

Для выполнения второго условия, ликвидации отношений обмена, необходимо развитие производительных сил выше определённого уровня, что непосредственно связано с первым условием, и соответствующее этому развитию коренное изменение всех общественных отношений, неразрывно связанное с развитием самого человека.

Отношения присвоения-отчуждения связывают людей между собой определённым способом и, т.о., именно эти отношения определяют собой форму связи между людьми и их сообществами и, как следствие, форму сообществ и их внешнее оформление в соответствующих общественных институтах, а также отражение в общественном сознании в форме мировоззрения, идеологии. Речь идёт, разумеется, об отношениях, складывающихся, прежде всего, в материальной сфере,

¹ Противоречие между общим трудом и частным присвоением в форме его деградации может разрешаться только как вытеснение труда (и, соответственно, рабочего) из процесса производства и этот процесс уже интенсивно идёт (имеется ввиду автоматизация производства). Вряд ли надо говорить какие последствия это будет иметь для рабочих.

находящейся в основании жизнедеятельности людей. Но принципы возникновения и развития общественных отношений, основанных на рассматриваемых феноменах, распространяются и на сферу идеального, продукты которой в своей особой форме также вступают в отношения отчуждения, обмена и присвоения.

Эти отношения (и их отражение в общественном сознании) по мере развития проходят ряд стадий, развиваются и изменяются соответственно развитию характера производства, производительных сил. Развитие последних необходимо влечёт за собой изменение отношений присвоения-отчуждения, отношений собственности (ведь всякое изменение материального имеет необходимым следствием изменение идеального). Однако, прямого соответствия между отношениями собственности и уровнем развития производительных сил нет, поскольку, с одной стороны, общественные отношения достаточно инертны и могут отставать от развития производительных сил, а, с другой стороны, относительная самостоятельность сферы идеального несёт в себе потенциальную возможность возникновения опережающего развития общественных отношений.

Ранее мы определили две формы отчуждения, одна из которых проявляется как всеобщее и действительна для всех общественных форм — отчуждение продукта; вторая проявляется как особенное, имеет преходящий характер и свойственна обществам, распространяющим частную собственность и на труд человека — отчуждение деятельности.

Соответственно формам отчуждения развиваются и формы собственности, определяющие общественные отношения и влияющие на форму общества. На этом основании можно кратко классифицировать исторически развившиеся сообщества.

1. Добровольное отчуждение, самоотчуждение. Очевидно, исторически первая форма отчуждения, возникающая в первобытном человеческом обществе. Однако, это ещё не сознательное отчуждение, а вызванное необходимостью выживания и всецело находившееся под давлением имевшихся отношений. По этой причине самоотчуждением может быть названо условно, но, тем не менее, это всё же самоотчуждение, поскольку оно возникло изнутри возникающего человеческого сообщества и направлено на поддержание жизнедея-

тельности всех его членов. Форма сообщества здесь – солидарное первобытное общество, в котором возникшие отношения присвоения и отчуждения начинают, с одной стороны, дифференцировать общество и, с другой стороны, консолидировать его, отделяя тем самым от других подобных сообществ и выделяя в саморазвивающуюся общность. Одновременно возникший феномен отчуждения несёт в себе потенцию возникновения новой формы отчуждения, при которой продукт труда одних людей присваивается другими людьми – возникает возможность отчуждения деятельности.

В силу того, что отношения собственности только возникают и совершенно не развиты, возможны все её формы от индивидуальной до коллективной.

2. Принудительное отчуждение продукта труда и деятельности производителей в пользу других лиц, которые выступают как в форме индивидуумов, так и в форме групп индивидуумов и даже общества в целом, чьи функции присвоены государством в лице правителей. Увеличение прибавочного продукта, полученное таким образом, позволяет часть его использовать в интересах дальнейшего увеличения количества отчуждённых производителей, как следствия сообщества увеличиваются численно и территориально, появляются уже не родственные, племенные объединения, а территориальные образования, впоследствии – государства.

Здесь деятельность и её продукт отчуждаются вместе с носителем деятельности, они рассматриваются как одно целое. Это следствие неразвитости производительных сил и разделения труда. Отчуждение в таких обществах выступает в двух формах:

- принуждение в форме непосредственного отчуждения (рабство);
- принуждение посредством социальных институтов (словная, крепостная зависимость).

Отчуждение не только продукта труда, но и деятельности вместе с её носителем даёт возможность применять труд централизованно и в больших масштабах, сосредоточивая его на крупных проектах. Наиболее эффективно с точки зрения практических результатов это применено в т.н. азиатском способе производства, при котором собственником (в той или иной форме) масс людей выступало государство, а не отдельные индивидуумы, либо их группы. С одной стороны были

достигнуты небывалые до того экономические и технические успехи, но, с другой стороны, личная незаинтересованность работников поставила предел развитию производительных сил, что было усугублено невозможностью дальнейшего разделения труда в силу закрепощения работников. Становится необходимым личное освобождение производителя и принуждение его к труду иными методами, которые при лично свободном работнике позволяли бы отчуждать и продукт труда, и его деятельность, поскольку результаты свободной деятельности лично свободного работника будут присвоены им самим.

Отношения собственности при этих формах отчуждения выступают в форме частной собственности (государственная форма собственности является особенной формой частной собственности), которая распространяется не только на продукт труда работника, но и на его деятельность и его самого.

3. Формой отчуждения, позволяющей преодолеть возникшую границу развития производительных сил, становится необходимое, императивное отчуждение – принуждение посредством экономических отношений, при которых лично свободный работник не может вести свободной деятельности, не обладая средствами производства. По этой причине он вынужден вполне «свободно» и «добровольно» продавать свою рабочую силу собственникам средств производства. Общественные отношения принимают форму капиталистических отношений, при которых собственники средств производства в силу отношений собственности получают продукт, производимый работниками, а также могут распоряжаться их производительной деятельностью, поскольку она непосредственно осуществляется как дополнение к средствам производства. Работники же поставлены в такое положение экономической необходимостью, поскольку они не могут получить средства обеспечения жизнедеятельности иным путём, кроме продажи своей способности трудиться. Отношения собственности реализуются в форме частной собственности (к особым формам которой относятся групповая, коллективная и государственная собственность) при формально свободном работнике

Подобные отношения отчуждения характерны и для первой фазы коммунизма (социализма) с тем существенным отличием, которое позволяет выделить эту общественную форму во вполне самостоятельную и отличную от капиталистиче-

ской, что средства производства принадлежит всему обществу и, соответственно, продукт труда и сама деятельность работников принадлежат всему обществу. Но это означает, что и распоряжаться общим продуктом и собственной деятельностью должны *все* работники – т.е. не только иметь право, но и *фактически* осуществлять его. В противном случае неизбежна профанация отношений *общей* собственности и их узурпация слоем управляющих, бюрократией, что несёт в себе имманентную возможность перераспределения собственности в пользу бюрократии. Отношения собственности при социализме существуют в форме общей собственности всех работников на общий продукт и на свою деятельность. Однако неразвитость форм участия работников в управлении общей собственностью, продуктом и деятельностью, их отчуждение от функций управления, имеет следствием *фактическое* осуществление этих функций государством в лице правящего слоя. Это противоречие может разрешиться в пользу любой из сторон в зависимости от конкретных условий общественного развития.

Капиталистическая форма общественных отношений, кроме прочих противоречий, несёт в себе также свой собственный предел как незаинтересованность работников в развитии общественных производительных сил, в этом проявляется их личная отчуждённость от общества.

Социалистические отношения собственности неизбежно приводят к тому же результату в случае безраздельной власти бюрократии и отстранения работников от *действительного и всестороннего участия в управлении общей собственностью, распределении продукта труда и в управлении собственной деятельностью*. Наступает момент, когда дальнейшее движение должно пойти по одному из путей – либо возврат к частным отношениям собственности, либо отстранение бюрократии от управления собственностью, продуктом труда и деятельностью трудящихся и становление новых форм участия в этом процессе трудящихся. В случае всё более полного участия работников в управлении производством и распределением общество будет развиваться в направлении становления коммунистических общественных отношений, в случае же перманентного возрастания роли и силы бюрократии практически неизбежен возврат к капиталистической форме собственности со всеми вытекающими из этого обстоятель-

ства последствиями.¹

Общественные отношения собственности, пройдя в своём историческом развитии смену ряда форм, имеют тенденцию своего снятия как тенденцию полного освобождения человека от отчуждения от продуктов своего труда и, главное, от своей деятельности.

В итоге – только исчезание всех форм отношений собственности. Маркс заметил, что – «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»². Если имеется ввиду путь движения от антагонистической формы собственности к естественной, но уже на новом уровне – как общей собственности, то с этим следует согласиться. Но полное снятие самоотчуждения как самоотчуждения (вынужденного) деятельности возможно только на пути ликвидации всяких отношений собственности. (Мы помним, что самоотчуждение продуктов труда, напротив, должно достичь своей полноты).

В этом пункте развитие общественных отношений должно идти не вспять («тот же путь»), а совершить движение вперёд, к полному отказу от всех форм отношений собственности. Но на прежнем основании — на последовательном отрицании и снятии форм собственности от неразвитой естественной к антагонистической, и от развитой антагонистической к развитой общественной – это невозможно. На собственном основании общественная собственность снята быть не может, поскольку снятие означает одновременно и сохранение её в новой форме, но высшая форма естественной собственности, как полной собственности на свой труд и его продукт, уже достигнута

¹ Выскажу собственное мнение, что собственность *всегда* частная, т.е. *чья-то*, это её *родовой* признак, иначе это не-собственность. В этой сущности только формы разные – индивидуальная, частная, групповая (коллективная), общая (общенародная), государственная (ведомственная). Соответственно форме собственности происходит распределение (и потребление) продукта.

Но здесь я, собственно, только повторяю Маркса - непосредственное отрицание частной собственности, т. е. «грубый» или «казарменный» коммунизм «есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 116).

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 42, С. 113.

при социализме. Следовательно, собственность должна быть не просто снята, а ликвидирована на ином основании.

И это основание не может быть иным, чем таким развитием производительных сил, которое позволит вывести человека из процесса производства как его непосредственного участника, что приведёт к полной ликвидации самой возможности возникновения отношений собственности. Т.о. отношения собственности и собственность как таковую возможно ликвидировать (по Марксу – упразднить), но не снять, как утверждают иные «марксисты».

Сейчас уже видны практически осуществимые пути такой возможности – речь идёт об автоматизации производства. С полным выходом человека из процесса производства как его объекта исчезает сущностная основа возникновения отношений собственности – нет объекта производства, нет субъекта собственности.

Второе условие – упразднение отношений обмена – может быть достигнуто только с таким развитием производительных сил, которое позволит изменить общественные отношения таким образом, что потребности людей будут удовлетворяться в полной мере, но формирование этой меры потребует, в свою очередь, невероятного развития культурной сферы и всех форм общения людей, т.е. сферы идеального.

Разумеется, что выполнение двух названных условий не может быть последовательным – только единый процесс развития производительных сил и соответствующего изменения, совершенствования общественных отношений постепенно приведёт к полной ликвидации отношений собственности.

ПРАКТИКА

Теоретические положения принципа субстанционального монизма, изложенные в первом разделе, далее применены при анализе некоторых проблем «прикладного» характера. В ряде случаев изложение имеет конспективный (а иногда даже только констатирующий) характер, поскольку главной целью работы является не исследование и анализ затронутых проблем, а проверка действенности метода, имеющего основанием принцип субстанционального монизма, в гносеологическом и праксиологическом отношениях.

1. О некоторых проблемных вопросах политэкономии

Со времени написания Марксом «Капитала» прошло полторы сотни лет и действительность ставит перед нами ряд вопросов, на которые мы не найдём у него ответа. К числу таких вопросов можно отнести проблему источника прибавочной стоимости в автоматизированном производстве при полном, или почти полном, отсутствии живого труда (эта проблема является другой стороной вопроса о нестоимостной редукции труда), неясность с тенденцией нормы прибыли к падению, неточность в определении источника ренты и некоторые другие. Попробуем получить ответы, исходя из признания принципа субстанциональности как единства материального и идеального и основываясь на полученных в предыдущем разделе выводах.

1.1. Стоимость

К определению стоимости Маркс подходит постепенно, отталкиваясь от продукта труда как от *товара*, т.е. продукта труда, подлежащего обмену на другой продукт труда. Поскольку обмен возможен при определённых условиях – потребности в обмениваемых товарах и соответствию их друг другу в каком-то отношении, то совершенно естественно, что

он рассматривает способность товаров к обмену с двух сторон – со стороны их нужности (полезности) для обменивающихся и со стороны равенства их по какому-то критерию.

И если по первому условию, т.е. потребности в товарах, вопросов не возникает, то вопрос о критерии их эквивалентности оказывается не так прост.

«Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда». А в этом качестве «от них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости».¹

«...то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость».²

«...в стоимости товара *представлен* (выделено мной) просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще».³

Т.о. стоимость есть *представление* в товаре человеческого труда, вернее, процесса труда как изготовления продукта труда. Другими словами, стоимость это *снятый* в продукте труда процесс труда как целенаправленная деятельность по изменению предмета труда.

Но это не что иное, как идеальное, исследованное в предыдущем разделе («Теория»). Субстанциональность реального мира проявляется во всём, в т.ч. и в человеческой деятельности. Продукт труда, товар, субстанционален – со своей материальной стороны он есть потребительная стоимость, с идеальной стороны – стоимость как снятие процесса его создания, процесса труда, т.е. вполне материального процесса. Повторим – стоимость как снятие в продукте труда процесса его создания есть идеальная сторона материального предмета.

Эту идеальную сторону сущности стоимости прекрасно видел Маркс: «...в стоимость не входит ни одного атома веще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 46.

² Там же, С. 47.

³ Там же, С. 53.

ства природы. ... товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, ...их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер, ...и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому».¹

В этом последнем утверждении о стоимости как стороне, сути общественного отношения Маркс несколько отходит от предыдущего определения стоимости как «затраты человеческой рабочей силы». Это явно неоднозначные понятия, — понятие стоимости как стороны общественного отношения явно шире понятия только человеческого труда, — ведь стоимость как общественное отношение может включать и иные факторы, кроме собственно человеческого труда как затраты рабочей силы. Как впоследствии увидим это очень важное обстоятельство.

Говоря о субстанциональности продуктов труда, нельзя упускать из виду и другую сторону их сущности, в отличие от определяемой деятельностью человека, — природную. Сырьём для предметов труда являются природные материалы и в них, в свою очередь, снят процесс их возникновения, они обладают своим идеальным. Мы об этом уже говорили. Т.о. в идеальном продуктах труда представлены два процесса — природный процесс возникновения сырья для предметов труда и человеческий процесс создания продуктов труда, т.е. изменения природной формы предметов труда, «очеловечивание» их. Это представление есть следствие признания субстанциональности мира как единства материального и идеального — любому изменению материального соответствует соответствующее изменение идеального, а для живой субстанции справедливо и обратное утверждение.

И эту сторону человеческой деятельности также отметил Маркс: «Потребительные стоимости ... представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. ...Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства».² Но дальше признания участия природы в создании потребительной стоимости, т.е. изменении материальной сто-

¹ Так же, С. 56.

² Там же, С. 51-52.

роны, Маркс не пошёл, он не дополнил *особенность* стоимости как производной от деятельности человека *всеобщностью* деятельности вообще, в данном случае деятельности природы. Т.о. из дальнейшего анализа была исключена важная часть идеального – представление (снятие) природных процессов (точнее, всех процессов, в т.ч. хотя и инициированных человеком, но в которых он не принимает *непосредственного* участия), что будет иметь следствием, как увидим, некоторые ошибочные выводы.

Маркс пришёл к понятию стоимости со стороны единичного — конкретного отношения обмена — через ряд дедуцирующих выводов. Но на этом пути была упущена детерминирующая роль всеобщего. Особенное, стоимость, осталось не связанным с общим, движением как таковым, в данном случае движением субстанции как самодвижением и образованием разных субстанциональных форм. Но эта связь при отсутствии понятия идеального и не могла быть выявлена. Только признание единства материального и идеального во всех проявлениях реальности, их субстанциональность, даёт возможность увидеть связи, отношения, движение во всей их полноте.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Понимание стоимости как результата «расходования простой рабочей силы» в основу стоимости кладёт не *реальный объективный процесс изменения предмета труда в соответствии с законами природы* и приспособление его к человеческим потребностям, а *физиологические кондиции* человеческого организма, его способность к труду.

Точка зрения субстанционального монизма не только позволяет определить источник стоимости непосредственно, без ряда опосредствований, вносящих неточность, но и видеть реальность как цельную картину. С этой точки зрения достаточно выделить как форму стоимости ту часть идеального, которая определяется человеческой деятельностью, но деятельностью, понимаемой не как затраты только рабочей силы, а как комплексной деятельностью по изменению формы предмета труда и созданию продукта труда, в которой участвуют *все* факторы производства. При этом не следует упускать из виду идеального в целом как стороны субстанции, как снятия процесса *всего* предыдущего движения.

Главное в создании продукта труда и, соответственно, об-

разовании стоимости, это *не субъективный фактор в форме расходования сил человека* в трудовом процессе, а *сам трудовой процесс как совершенно объективное обстоятельство*, а именно – собственно изменение предмета труда, производимое в соответствии с объективными природными законами — процесс приведения вещества природы в соответствие с человеческими потребностями, придание ему потребительных качеств, потребительной стоимости.¹

Почеркнём, не процесс и результат труда являются следствием определённых человеческих качеств (знания, умения, силы и пр.), а человеческие качества приспособляются к объективным материальным условиям (природным законам, свойствам вещей), необходимым для создания продукта труда. Именно сам процесс изменения предмета труда *в целом* с учётом законов природы, создавая потребительную стоимость, является основой стоимости, а не только один из его факторов – собственно труд как затрата человеческих сил. И этот процесс определяется объективными природными факторами, к которым человек прикладывает свои субъективные способности и возможности.

Т.о. стоимость, как она представлена выше, имеет двойственный, объективно-субъективный, характер. С одной стороны она определяется объективными природными законами, через которые перешагнуть нельзя (например, температура плавления какого-либо металла и количество калорий на расплавление единицы его массы). С другой стороны – субъективными возможностями человека: уровнем его знаний, умением, технологическими достижениями (на плавление метал-

¹ На одну и те же работы, например, рытьё канавы, рабочие разных физических кондиций затратят, возможно, одно количество калорий, но совершенно в разной пропорции к их физическим возможностям. Один выроет канаву за час, другой за три часа, одному для восстановления понадобится полчаса и бутерброд, другому полдня и полноценный обед. Поскольку стоимость рабочей силы определяется затратами на содержание рабочего, то получается, что стоимость, им произведенная, зависит не от объективных условий – количества вынудой земли – а только от личностных, субъективных факторов. И никакое усреднение стоимости до т.н. общественно необходимой изменить этого факта не сможет. Материализм сведён к физиологизму. Надо проделать обратную операцию, чтобы придти к верному пониманию.

ла, о котором сказано выше, могут быть затрачены разные количества труда и материалов в зависимости от указанных возможностей). Другими словами, если отвлечься от «умелости» человеческого труда в создании стоимости, то в одинаковых производственных процессах в любой точке мира будет создаваться одна и та же стоимость. Но с учётом человеческого фактора, т.е. влияния деятельности (труда) человека в соответствии с его возможностями, эта стоимость будет варьироваться в определённых пределах и определяться конкретными условиями производства.

Учитывая целостность процесса создания продукта труда можно сказать, что потребительная стоимость (собственно продукт труда) и стоимость (процесс создания продукта труда, представленный в идеальной форме) не внешни, не безразличны друг другу, а напротив, они представляют активную созидательную деятельность человека, которая связывает воедино стороны продукта труда – потребительную стоимость и стоимость, снимая их в продукте труда. И хотя «меновые стоимости ... не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»¹ они связаны процессом их создания напроочь. Это единство материального, продукта труда, и идеального, снятия процесса его создания и представления в продукте, есть следствие субстанциональности как всеобщего принципа природы.

В результате *стоимость как снятие процесса* создания потребительной стоимости отражает не только затраты физических сил человека, не только расходование простой рабочей силы, как это представляет Маркс, но весь комплекс факторов, участвующих в создании продукта труда – познанные законы природы, знание и умение человека, сложность и продолжительность труда, применяемые орудия и приёмы труда (технологии). Именно как такая комплексная величина стоимость и предстаёт при сопоставлении обмениваемых товаров. В реальном обмене речь *всегда* идёт о такой обобщённой стоимости, а не о затратах только рабочей силы.

Кстати, сам Маркс это учитывает в своём анализе производства, правда, своеобразно, введением ограничений, постулатов. Анализируя сущность процесса производства стоимости он принимает труд разных производителей равным про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 46.

стому труду, чтобы иметь возможность сравнивать произведенные стоимости. Но это ограничение есть не что иное, как учёт в анализе *качественной* стороны труда, правда с негативной стороны, как её отрицания. Говоря языком математики здесь качественный коэффициент принимается равным единице, что позволяет представить труд только с количественной стороны. Но этот же постулат, элиминируя из анализа труда его качественную составляющую, может привести к ошибочным выводам, что проявляется, например, в представлении труда в форме абстрактного и полезного (конкретного).

В свете субстанционального подхода по-иному предстаёт разделение труда на абстрактный и полезный.

В основании разделения Марксом труда на абстрактный и полезный находится его представление, что потребительная стоимость и стоимость совершенно независимы друг от друга — «в самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей».¹ Но субстанциональный подход доказывает иное. Потребительная стоимость и стоимость как стороны продукта труда представляют его материальную и идеальную стороны и как таковые они находятся в единстве, тождестве, определяют друг друга и раздельно существовать не могут. Опосредствующим звеном, связывающим стороны воедино, является процесс создания продукта труда.

Именно представление продукта труда как независимых друг от друга потребительной стоимости и стоимости послужило ошибочным основанием для разделения труда на полезный, как создающий потребительную стоимость и абстрактный, как создающий стоимость, являющуюся источником меновой стоимости.

При абстрагировании от потребительной стоимости «вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

...вещи представляют собой теперь лишь выражения того,

¹ Там же, С. 47.

что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости».¹

Но затрата человеческой рабочей силы как простое расходование жизненных сил не осуществляется само по себе, независимо ни от чего. Расходование жизненных сил определяется конкретной деятельностью и *полностью зависит от условий осуществления этой деятельности*, её сложности, интенсивности и продолжительности. Абстрактный труд как расходование жизненных сил зависит исключительно от конкретности осуществления труда и потому не может рассматриваться отдельно от конкретности труда. Отдельно от полезного труда абстрактный труд существовать не может. По этой причине любая попытка рассмотрения абстрактного труда как самостоятельной категории неизбежно закончится обращением к конкретному полезному труду как полностью определяющему характер абстрактного труда. Что мы и видим на самом деле.

Поэтому у Маркса, с одной стороны, «величина стоимости ... определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления».²

Но, с другой стороны, «величина стоимости товара изменяется ... прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда».³

Но ведь производительная сила труда никак не соотносится с абстрактным трудом как простой затратой жизненных сил. Она всецело определяется конкретным характером труда, его сложностью и качеством, т.е. полезным трудом. Это, в итоге, признаёт и Маркс – «производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда» и «производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда»⁴, но тогда как быть с первым утверждением?

С одной стороны, «в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще»⁵

¹ Там же, С. 46.

² Там же, С. 48.

³ Там же, С. 49.

⁴ Там же, С. 55.

⁵ Там же, С. 53.

(т.е. затрата жизненных сил).

С другой стороны, он же есть и «*простой средний труд*» (здесь и далее выделено Марксом), и «сравнительно сложный труд», который «означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд». Из контекста ясно, что здесь труд есть «расходование простой рабочей силы»,¹ абстрактный труд.

Т.е. затрата просто труда, затрата просто жизненных сил может быть и не такой простой, а средней, сложной и даже помноженной. Но это есть не что иное как признание прямого влияния на абстрактный труд условий осуществления конкретного, полезного труда, т.е. того труда, который по принятому изначально условию ничего общего с абстрактным трудом не имеет. Т.о. абстракция абстрактного труда в итоге отвергается, хотя и косвенно, самим Марксом.

Далее, «если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведённого к человеческому труду без всякого дальнейшего качества... ..величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда».² Т.о., поскольку стоимость определяется количеством абстрактного труда, то в ней не может быть представлена, учтена качественная составляющая труда, его сложность. Но *в действительности* обмен совершается по стоимостям, которые учитывают не только количество, но и качество труда, его сложность и интенсивность, т.е. все факторы, влияющие на процесс создания продукта труда и, следовательно, на его стоимость.

Пожалуй, достаточно антиномий. Как видим, разделение труда на полезный, конкретный и абстрактный неверно гносеологически и неоправданно практически, более того, способно ввести в заблуждение относительно сущности стоимости. В действительности есть единый, целостный процесс труда (вернее, комплексная деятельность по созданию продукта труда), который в своём результате, продукте труда, неразрывно связывает две его стороны: материальную сторону, полезную для человека (потребительная стоимость, мате-

¹ Там же, С. 53.

² Там же, С. 54.

риальное), и идеальную сторону как снятие, представление в продукте труда процесса его создания (стоимость, идеальное). То, что Маркс называет абстрактным трудом, есть *идеальная* сторона вполне *материальной* конкретной многогранной человеческой жизнедеятельности.

Рассмотрим сущность стоимости с точки зрения субстанционального монизма.

Изменение предмета труда в процессе производства имеет следствием создание продукта труда. В субстанциональном отношении результат этого процесса, как уже показано, представлен двумя его сторонами – материальной, собственно продуктом труда, и идеальной — снятием, представлением в продукте труда процесса его создания. Проведём анализ указанного процесса, взглянув на него с каждой из сторон.

С *материальной стороны* предмет труда (сырьё, полуфабрикаты) в итоге превращается в продукт труда. Это *созидательная, производительная, активная* сторона процесса – изменяется форма предметов, поступивших в производство, и они превращаются в готовый продукт. С точки зрения материального содержания в готовый продукт физически входят все материальные объекты, поступившие в производство, хотя и в переработанном виде (мы рассматриваем процесс в чистом, абстрактном виде, поэтому пренебрегаем отходами производства). Никакие иные материальные компоненты физически в готовый продукт не входят ни одной своей частью, хотя самое активное участие в создании продукта труда принимает человек (живой труд по Марксу) и орудия труда (овеществлённый труд).

С *идеальной же стороны* весь процесс представляется по-иному. В продукте труда представлено идеальное всех компонентов производственного процесса. Это, прежде всего, идеальное предмета труда (сырья, полуфабрикатов), представляющее процесс его предыдущего изменения и снятое в нём. Затем идеальное как снятие действий человека по изменению предмета труда в процессе производства, т.е. представление в готовом продукте его трудовой деятельности. И, наконец, представление, снятие в готовом продукте процесса воздействия на предмет труда орудий труда, используемых человеком в процессе своей трудовой деятельности. Эти три компонента идеального и образуют в совокупности идеальное продукта труда.

Возникает вопрос, как может быть определено это идеальное с количественной стороны, что очень важно с точки зрения участия продуктов труда в процессе обмена.

Прежде всего, следует отметить, что количественные характеристики могут быть применены *непосредственно* только к материальной стороне субстанции. Идеальная же сторона субстанции количественно может быть выражена только *опосредствованно*, – через свою материальную сторону, – и никак иначе.

«Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошрое»¹.

Данный вывод означает только одно – каждая вещь, в т.ч. и продукт труда, может быть количественно адекватно и непосредственно представлена только самой собой.

Но, с другой стороны, невозможно в удобной для практики форме и это количественное самовыражение, поскольку в веществе продукта труда *материально* представлены только предметы труда (сырьё, полуфабрикаты), что может быть выражено количественно, но этого нельзя сделать в отношении *деятельности* самого человека и *воздействия* орудий труда. Правда, действия человека и орудий труда можно попытаться представить временем их работы, но, во-первых, материальность продукта труда и время труда несопоставимы качественно и количественно и, во-вторых, участие человека и орудий труда в создании продукта труда уже учтено в продукте труда как изменение формы предмета труда в процессе создания продукта труда (в противном случае следовало бы поставить раздельно друг против друга неизменённый предмет труда, с одной стороны, и деятельность человека и орудий труда по изменению предмета труда, с другой стороны. Но это, по понятным причинам, невозможно).

К тому же величину стоимости, создаваемой орудиями труда, *принципиально, сущностно* нельзя свести к их рабочему времени. Участие орудий труда в производственном про-

¹ См. С. 32.

цессе неотделимо от него и *результат* действий орудий труда определяется *не временем* их нахождения в процессе производства (с точки зрения воздействия на предмет труда это глубоко внешнее обстоятельство), а их *способностью изменять предмет труда* в соответствии с теми целями, которые преследуются человеком, т.е., в конечном итоге, в соответствии с законами природы, используемыми человеком, и которые в концентрированном виде воплощены в орудиях труда как их идеальное. Но как непосредственно выразить способность орудий труда создавать идеальное (стоимость) и, тем более, представить его в количественной форме? Эти соображения можно применить и к деятельности человека с тем отличием, что своё идеальное в форме знаний и умения он приобретает сам, а не получает извне готовым.

Т.о. в материальности, количественности продуктов труда представлены и количественно, и качественно все факторы производства, но в приемлемой для практики форме *непосредственно* их выразить невозможно (это ещё один довод против концепции абстрактного и полезного труда). В *производстве* «величина» стоимости не может быть непосредственно точно определена и выражена в пригодной для обмена форме исходя из самого производства.

Но в таком случае процесс обмена если и возможен, то никак не на основании эквивалентности, что очень точно подмечено Марксом – в простом обмене, в котором «потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода... Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным...».¹

Однако на практике, тем не менее, обмен совершается как эквивалентный и это необходимо объяснить.

Дело в том, что процесс производства кроме созидательной, активной стороны, *создающей* новую стоимость, имеет и иную сторону – а именно *затратную*, представляющую собой *издержки* производства.

В процессе производства, рассматриваемого с этой, затратной, стороны производятся материальные затраты на создание готового продукта. Прежде всего, следует учесть расход сырья и полуфабрикатов, что представляет прямые затра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 44.

ты. Эта часть издержек производства физически целиком входит в готовый продукт. Поскольку в создании продукта труда принимают участие как факторы производства человек и применяемые им орудия труда, то и с этой стороны производятся затраты, которые по отношению к человеку представляют собой расходы на поддержание его жизнедеятельности, а по отношению к орудиям труда это возмещение их износа. Несмотря на то, что в продукт труда эти издержки производства физически не входят, но, в отличие от процесса *создания* продукта труда, они в процессе осуществления *затрат* представлены физически — пища, одежда, жильё и прочие расходы на поддержание жизнедеятельности человека, а также восстановление в процессе работы и замена орудий труда по истечении срока их службы. Затраты на рабочую силу в процессе производства представлены в форме заработной платы, затраты на возмещение износа орудий труда — в форме амортизационных отчислений. Заработная плата в каждом цикле производства полностью входит в издержки производства, затраты на возмещение износа орудий труда входят в издержки частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.

Процесс формирования издержек производства с идеальной стороны представлен идеальным предметом труда (сырья, полуфабрикатов), а также идеальным материальными вещами, представляющими собой предметы потребления человека, и идеальным собственно орудиями труда.

Как видим, идеальное (т.е. стоимость) готового продукта, рассматриваемого как итог созидательного процесса, и того же продукта, рассматриваемого со стороны издержек производства, совпадают только в одном компоненте — в идеальном предмете труда (сырья, полуфабрикатов). Идеальное, представляющее человека, со стороны *созидательного* процесса есть снятие трудовой деятельности человека по созданию продукта труда, но со стороны *издержек* производства это есть идеальное потребляемых им средств существования. Идеальное орудий труда со стороны *созидательного* процесса есть снятие процесса их *участия* в создании (изменении) продукта труда, но со стороны *издержек* производства это идеальное есть не что иное, как идеальное самих орудий труда, которое, в свою очередь, есть снятие собственно процесса их *создания*. В последнем идеальном, кроме прочих компонентов, представлено идеальное в форме человеческого знания

(законы природы в концентрированной, «очеловеченной» форме), которое овеществлено в материале орудий труда, что и позволяет орудиям труда осуществлять (с участием человека как придатка к орудиям труда) активную деятельность в изменении предметов труда.

Поскольку процесс производства продуктов труда есть единый целостный процесс, то в нём могут быть сопоставлены друг другу все его стороны – и материальные, и идеальные.

С материальной стороны *созидательному* процессу, имеющему результатом готовый продукт, *сопоставляются издержки* производства, поэтому готовый продукт предстаёт как включающий в себя все материальные затраты. С этой стороны продукт труда может быть оценён количественно соответственно затратам.

С идеальной стороны идеальному созидательного процесса сопоставляется идеальное издержек производства, затрат. Продукту труда могут быть сопоставлены две формы его же идеального. Со стороны *создания* продукта труда — это снятие процесса его создания. Со стороны *затрат* — это снятие процесса осуществления издержек производства. В капиталистических общественных отношениях первое предстаёт как *стоимость продукта* труда, второе – как *стоимость издержек производства*. Т.о., представляя стоимость продукта труда через стоимость его издержек производства, можно её представить с количественной стороны.

Поставленный ранее вопрос о количественном выражении стоимости, *созданной* в процессе производства, решается так, что эта стоимость представляется *опосредствованно* через стоимость *затрат*, издержек производства.

Остаётся вопрос о количественном представлении издержек производства – ведь они тоже ранее были *созданными* стоимостями. Он решён исторически, в процессе человеческой практики, посредством бесчисленного ряда обменов разнообразных продуктов, что привело, в итоге, к их взаимной соизмеримости и возможности количественного выражения. На этом пути совершенно необходимо выделился товар, который взял на себя функцию всеобщего выражения стоимости – золото, деньги. Теперь вступающие в обмен вновь созданные стоимости находят готовое опосредствование для своего количественного выражения.

Следует сделать следующую ремарку. Идеальное как снятие, как представление в продукте труда процесса его создания *всегда* присутствует в продукте труда, независимо от общественных отношений, в которых он фигурирует. Но это же идеальное, рассматриваемое как сугубая принадлежность *товара*, т.е. продукта труда, предназначенного для обмена, предстаёт уже в форме *стоимости*, которая актуальна только для определённых общественных отношений – отношений обмена. Стоимость, сущностью которой является идеальное товара, проявляется в общественном отношении обмена. (Идеальное — всеобщее, стоимость — особенное).

Сделаем ещё несколько выводов. Поскольку в производственном процессе материальная форма предметов труда изменяется, то изменяется и идеальное готового продукта — к идеальному предмету труда «присоединяется» идеальное упомянутого процесса. Это идеальное есть снятие трудовой деятельности человека и воздействия используемых им орудий труда — это *новое* идеальное, вновь *созданное* идеальное. В итоге совокупное идеальное продуктов труда представлено идеальным сырьём и вновь добавленным идеальным деятельностью человека и воздействия орудий труда. В этом совокупном идеальном идеальное сырьё осталось тем же, что и в исходном виде, т.е. не изменилось (вещество предметов труда полностью вошло в вещество готового продукта) – это фактор постоянный. Но т.к. другая сторона производственного процесса — ни рабочая сила, ни орудия труда ни единой своей вещественной частью не входят в состав продукта труда, то их собственное идеальное *непосредственно* не входит в идеальное продукта труда, оно представлено в нём косвенно, *опосредствованно*, как снятие процесса изменения предмета труда. Т.о. эти компоненты идеального имеют изменяющийся, переменный характер.

Идеальное продукта труда в итоге предстаёт в двойственном виде, перетекает из формы в форму — то как идеальное процесса создания продукта труда, то как идеальное издержек производства, в зависимости от стороны рассмотрения. Если рассматривать идеальное как форму *созданной* стоимости, то постоянной стоимостью следует признать стоимость предметов труда (сырьё и полуфабрикатов), стоимость же рабочей силы и орудий труда предстаёт как переменная стоимость, создающая *новую* стоимость, хотя, строго говоря, новая стои-

мость как идеальное есть следствие вполне материального действия рабочей силы и орудий труда. Поэтому, говоря, что некая стоимость создаёт новую стоимость, всегда следует иметь ввиду, что первая является «принадлежностью» вполне материального предмета, действие которого изменяет другой материальный предмет и, тем самым, изменяет его идеальное, т.е. создаёт новую стоимость.

В капиталистических общественных отношениях материальный предмет, являющийся носителем и источником стоимости, предстаёт как капитал, который может выступать как в непосредственной, натуральной, так и в опосредствованной, денежной форме.

Человек, используя орудия труда и с их помощью изменяя материальную форму предметов труда, тем самым создаёт новое идеальное. В капиталистических отношениях это новое идеальное предстаёт в форме вновь созданной стоимости. В нашем анализе источником новой стоимости является капитал в форме рабочей силы и орудий труда.

На основании проведенного анализа рассмотрим влияние факторов производства на стоимость готового продукта теперь уже с точки зрения собственно производства.

Поскольку в образовании стоимости участвуют разные составляющие процесса её создания в форме *предметов труда, орудий труда и человека*, то взгляды в их сущность с точки зрения субстанционального подхода. Каждый из этих факторов с этой точки зрения представляют собой единство их материальных и идеальных сторон. На этом их сходство заканчивается и начинаются существенные различия.

Предметы труда в производственном процессе предстают как *пассивные* объекты, как предметы, с которыми совершаются некие действия, ведущие к *изменению* их формы. Любое изменение материального имеет следствием *изменение* его идеального, соответственно стоимость предмета труда также *изменяется*. Но это изменение есть следствие воздействия на предмет труда со стороны человека и орудий труда, а никак не самостоятельное изменение предмета труда. Значит, изменение стоимости осуществляется *активными* факторами процесса – человеком и орудиями труда и «величина» изменения стоимости определяется только ими. Стоимость предмета труда изменяется, но не за счёт действий его самого, а за счёт действий человека и орудий труда. Это изменение стоимости

предстаёт как *вновь созданная* стоимость. Предмет труда по завершении процесса труда становится продуктом труда.

Предположим, что предмет труда в нашем производственном процессе представляет собой сырьё, полуфабрикат, то есть продукт более раннего труда. В этом полуфабрикате сняты два процесса – природный, в котором возник вещественный материал для производства, и процесс труда по созданию полуфабриката. Соответственно, в его идеальном представлены идеальное природного процесса и идеальное процесса производства полуфабриката. Последнее идеальное есть стоимость полуфабриката, поскольку оно результат труда (предположим также, что полуфабрикат товаром не является, т.к. предназначен не для обмена, а для продолжения производства и прибавочная стоимость нас не интересует). По завершении производственного цикла полуфабрикат становится продуктом труда и теперь в его идеальном представлены: идеальное сырья (процессов природы), идеальное предыдущих трудовых процессов по созданию полуфабрикатов (идеальное предмета труда как полуфабриката) и идеальное рассматриваемого процесса производства (снятие в продукте труда процесса его создания), вновь созданная стоимость. Поскольку идеальное процессов природы стоимостью не считается (хотя в действительности, как далее увидим, это не так), то оно далее не рассматривается. Т.о. в стоимость продукта труда входит стоимость полуфабрикатов (т.е. входит только та стоимость, которая образована на предыдущих этапах производства), и вновь созданная стоимость, величина которой определяется факторами, её создавшими, о которых речь ниже. В стоимости продуктов труда стоимость сырья и полуфабрикатов представлена непосредственно.

Орудия труда в производственном процессе являются его активной стороной, *изменяющей* форму предметов труда и, следовательно, *изменяющей* их идеальное, стоимость. В таком качестве орудия труда *создают новую* стоимость. При этом сами орудия труда *не изменяются*, их форма остаётся прежней, следовательно, *не изменяется* и их идеальное, а, значит, и стоимость (изменение орудий труда заключается только в их износе, но это совершенно другой процесс, не имеющий отношения к *созданию* стоимости). Т.о. в продуктах труда идеальное орудий труда, их стоимость прямо не представлена, но только косвенно, через участие орудий труда в матери-

альном процессе изменения формы предметов труда.

На первый взгляд возникает парадоксальная ситуация — орудия труда *создают новую стоимость*, но их собственная стоимость (их идеальное) в образование новой стоимости не входит, хотя, тем не менее, в реальном обмене стоимость орудий труда в продуктах труда представлена явно. И это противоречие не формального характера, а сущностное — оно есть следствие наличия особых отношений — производственных отношений между людьми, которые для своего воспроизводства требуют постоянного воспроизводства, возмещения производительных сил, в частности орудий труда, которые физически изнашиваются. Несмотря на то, что износ орудий труда сам по себе никакого отношения к созданию новой стоимости (нового идеального) не имеет, их возмещение обеспечивается переносом стоимости орудий труда на продукты труда частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.¹ Величина же их собственной стоимости определяется процессом создания самих орудий труда, в котором они были, в свою очередь, предметами и продуктами труда. В итоге стоимость, созданная орудиями труда в продукте труда, предстаёт с двух сторон — как новая стоимость ими созданная, и как стоимость издержек производства.

Остаётся ответить на вопрос, почему орудия труда способны играть в процессе производства активную роль. Очевидно, что активность орудий труда в производстве целиком определяется условиями и ходом того процесса, в котором они сами были созданы² и, следовательно, сущность их активности заключена в их идеальном как снятии процесса их изготовления. Идеальное орудий труда включает в себе идеальное сырьё, из которого они изготовлены (т.е. природное идеальное) и идеальная, «вложенная» в них человеком. Эта вторая, «человеческая» сторона идеального представляет собой знание, воплощённое в материале и форме орудий труда, и умение

¹ Строго говоря, никакого *переноса* стоимости нет, это невозможно, поскольку идеальное неотделимо от материального — есть *сопоставление* стоимости создаваемой и стоимости прошлой (затрат). Тем не менее, далее будет употребляться вошедший в обиход термин «перенос» стоимости, при этом подразумевается, что в сущности это сопоставление стоимостей.

² В том же процессе производства, в котором орудия труда применяются, их активность только проявляется, актуализируется.

человека, позволяющее ему совершить это воплощение. Знание, воплощаемое в орудиях труда, представляет собой концентрированное выражение природных законов и принципов, воплощённых в форме орудий труда, используемых применительно к потребностям человека. Именно «очеловеченная» форма орудий труда включает в себе знание как их сущность и это единство формы и сущности предстаёт как *активность* орудий труда в процессе производства. Действительно, здесь знание является *непосредственной* производительной силой.

Активная роль *человека* в процессе производства подобна роли орудий труда. Различие только в том, что человек универсален в отличие от специализированности орудий труда и своё идеальное в форме знания производит сам, а не получает его извне в готовом виде. В остальном, с точки зрения собственно производства, человек и орудия труда идентичны как *объекты* производства, они дополняют друг друга. Подобно орудиям труда, стоимость, созданная деятельностью человека, предстаёт в продукте труда, с одной стороны, как новая стоимость, с другой стороны как стоимость затрат, издержек производства. Как видим, роль человека в производственном процессе, пока он выступает как *объект* производства, как часть технологического процесса, идентична роли орудий труда и это различие не столь принципиально – орудия труда специализированы, человек универсален. Пока человек используется в производственном процессе в качестве его объекта невозможно никакое преодоление различия между умственным и физическим трудом. Это различие определяется *объективной* сутью процесса производства, в котором не обойтись без *физического* изменения предметов труда с помощью орудий труда, одним из которых и является человек как дополнение к машине, как часть технологического процесса. Решение вопроса о преодолении различия между физическим и умственным трудом находится не в сфере производства, а вне её – человек должен быть полностью выведен из производственного процесса как его *объект*.

Поскольку продукт труда предстаёт в двойственной форме, — с одной стороны, как вновь созданный материальный объект, с другой стороны, как материальные средства, использованные на его создание, — то и его стоимость также должна рассматриваться с двух сторон – с созидательной и затратной.

С одной стороны, это изменение материальной формы

предмета труда и его превращение в продукт труда. В производственном процессе предмет труда меняет форму и превращается в продукт труда. Этот процесс осуществляется человеком с использованием орудий труда, тем самым эти два фактора совместно участвуют в изменении формы предмета труда и, т.о., в создании *новой* стоимости. Изменение материальной формы предмета труда и превращение его в продукт труда есть тем самым изменение идеального предмета труда. Снятие, представление этого процесса в продукте труда и есть стоимость как идеальное продукта труда. Стоимость предмета труда, поступающего в производство в качестве сырья, полностью *входит* в стоимость готового продукта труда, поскольку в него как в материальное тело физически входит сырьё, пусть и в переработанном виде. Напротив, поскольку рабочая сила и орудия труда физически не входят в состав продукта труда, в его физическое тело ни единой своей частью, то и собственная стоимость (идеальное) орудий труда и рабочей силы не входит в *новую* стоимость, создаваемую ими. Их стоимости (их идеальное) являются *активными факторами* создания новой стоимости. С этой стороны процесс создания продукта труда есть *созидательный, производительный* процесс – процесс *создания новой стоимости*, но количественно оценить эти активные факторы невозможно. Поэтому новая стоимость может быть количественно определена только отчасти, только со стороны стоимости сырья и полуфабрикатов, которая непосредственно входит в стоимость продукта труда вместе со своим материальным носителем.

С другой стороны, общественные отношения в форме производственных отношений для своего постоянного возобновления, воспроизводства требуют восстановления всех факторов производства – сырья и полуфабрикатов, орудий труда и рабочей силы. Поскольку сырьё и полуфабрикаты непосредственно входят в состав продукта труда, то и их стоимость непосредственно входит в стоимость продукта труда как часть создаваемой стоимости. Хотя стоимость орудий труда и рабочей силы не входит в новую стоимость, а только является условием её создания, но необходимость воспроизводства производственных отношений требует воспроизводства и производительных сил. С этой стороны процесс создания продукта труда представляет собой *затратный, восстановительный* процесс в котором новой стоимости, *созданной* в

созидательном процессе, противостоят стоимости всех факторов производства, *затраченных* на производство продукта – стоимость сырья и полуфабрикатов, стоимость орудий труда, переносимая на продукты труда частями, пропорциональными сроку службы орудий труда, стоимость рабочей силы, представляющая собой затраты на обеспечение жизнедеятельности работников. Здесь стоимость затрат, издержек производства, исторически количественно определяется полностью и исчерпывающе.

Будучи тождественными друг другу в продукте труда новая стоимость и издержки производства могут быть сопоставлены и т.о. часть новой стоимости, представляющая издержки производства, определяется с количественной стороны. Но часть новой стоимости, соответствующая прибавочной стоимости, не находит количественного выражения посредством издержек производства.

Мы подошли к очень важному вопросу о соотношении и эквивалентности стоимости разных продуктов труда, что очень важно для обмена ими. Одним из условий обмена является потребность в потребительной стоимости, другим условием выступает соответствие продуктов труда, товаров, по затратам на их производство. Количественно эти затраты, казалось бы, можно совершенно точно оценить по издержкам производства. Но такой метод соотношения новой стоимости и затрат оправдал бы себя только в условиях простого воспроизводства, в котором всей новой стоимости соответствуют все произведенные затраты и весь продукт пошёл бы только на возмещение издержек производства и возобновление цикла в прежнем масштабе.

Но в условиях расширенного производства, в котором создаётся прибавочный продукт и, соответственно, прибавочная стоимость невозможно однозначно оценить стоимость продукта труда по издержкам производства. При расширенном воспроизводстве новая стоимость не соответствует стоимости затраченных факторов производства, она их превышает на величину прибавочной стоимости.

В качестве уточнения к понятию стоимости как идеального следует сказать о неоднозначном видении идеального Марксом.

В «Капитале», не исследуя специально сущности идеаль-

ного, Маркс, тем не менее, в ходе анализа стоимости в неявном виде приходит к важному выводу об объективности и всеобщности идеального.

В предисловии об идеальном сказано – «идеальное – это материальное, пересаженное в человеческую голову и переработанное в ней». Здесь идеальное субъективно, поскольку принадлежит исключительно человеку.

Но при исследовании сущности стоимости об идеальном говорится уже совершенно по-другому – «в стоимости нет ни грамма вещественного» (т.е. стоимость идеальна). Но это идеальное вне человека, в продукте его труда. Если предположить, что стоимость – идеальное в человеческой голове, то сколько людей, столько будет и стоимостей – единого основания невозможно отыскать по определению. Сам Маркс признаёт, что стоимость объективна, т.е. существует независимо от человека и содержимого его головы. Правда, для объяснения феномена объективности стоимости (т.е. объективности идеального) он вводит новую категорию, некий логический фантом – абстрактный труд, т.е. человеческую деятельность как таковую в чистом виде независимо от её формы и качества. Эта деятельность, будучи отчуждена от человека в форме вещи, «помещается» в продукт труда – и только теперь, после отчуждения деятельности в продукте труда, она становится *объективным* основанием для определения стоимости *независимо* от её представления в человеческой голове, причём как в количественном, так и в качественном отношении.

Теперь стоимость, как человеческая деятельность, представленная в продукте труда, уже не зависит от человека и, тем более, содержимого его головы. Она есть всецело объективное основание для участия в человеческих отношениях обмена как совершенно самостоятельный фактор – идеальное, стоимость определяет материальное – обмен материальными продуктами, соответствие их друг другу.

На время отвлечёмся от рассмотрения прибавочной стоимости (мы вернёмся к ней в другой главе) и обратимся к меновой стоимости.

1.2. Меновая стоимость, цена

Будучи представленной в отношениях обмена стоимость

предстаёт в форме меновой стоимости, с количественной стороны. Но количественная сторона меновой стоимости определяется уже не исключительно условиями производства, а всем комплексом общественных отношений в процессе обмена, где сталкиваются, противостоят друг другу, не только два процесса — процесс создания стоимости (стоимость как вновь созданная стоимость) и процесс восстановления стоимости (стоимость как произведенные затраты, как издержки производства), но и отношения, выявляющие соответствие друг другу общественных потребностей и общественных возможностей.

В, казалось бы, несложных общественных действиях, — производстве продуктов труда и последующем обмене ими, — мы видим теснейшее и сложнейшее переплетение и взаимовлияние всех отношений — материальных, идеальных, производственных, общественных и т.д.

Следует ещё раз упомянуть о различии стоимости и меновой стоимости — стоимость *создаётся* в процессе *производства*, меновая стоимость *реализуется* в процессе *обмена* и как таковая представлена в форме цены. В этом противоречии стоимости и меновой стоимости вскрывается их общность и их различие. Совпадение стоимости и меновой стоимости возможно только случайно при наличии определённых условий обмена.

Что касается количественной оценки стоимости в интересах обмена, то она исторически происходила не в абсолютной, а в относительной форме при сопоставлении товаров в бесчисленных актах обмена. Основой для количественного сравнения товаров в процессе обмена выступает превращённая форма стоимости — меновая стоимость. Но если стоимость определяется объективно-субъективными условиями *производства*, то меновая стоимость определяется объективно-субъективными условиями *обмена*, зависящими от *соотношения потребностей и возможностей* сторон обмена. Условием обмена со стороны потребностей выступает потребительная стоимость, со стороны возможностей затраты на производство товаров плюс некая дополнительная величина, представляющая добавленную стоимость. Только при совпадении этих условий происходит обмен.¹

¹ «...потребительная стоимость товара есть предпосылка его мено-
172

Мы вновь подошли к очень важному моменту – соответствию стоимости как идеального представления процесса создания продукта труда и стоимости как некоего эквивалента в обмене товаров, т.е. стоимости, количественно выраженной посредством цены. Стоимость во второй форме и есть *меновая стоимость*, т.е. *часть стоимости, представленная в цене*. Ранее мы установили, что идеальное не может быть представлено количественно непосредственно, но только через посредство материального. Поэтому появление и последующее закрепление в качестве всеобщего эквивалента стоимости некоего единого товара есть результат развития отношений обмена, необходимо вызванный всецело объективными обстоятельствами, это следствие субстанциональности реальности. В качестве такого материального носителя (представителя) всеобщего идеального, стоимости, исторически закрепились благородные металлы, прежде всего золото. Причины этого подробно исследованы Марксом, поэтому здесь о них говорить не будем. Отныне вполне материальный продукт, золото, а в последующем деньги, является всеобщим представителем всех других продуктов со стороны их идеального, стоимости.

Итак, *меновая стоимость есть не что иное, как часть стоимости, количественно представленная в отношениях обмена ценной*. Как форма стоимости меновая стоимость есть представление в продукте труда процесса его создания. Поэтому совершенно обоснованно Маркс называет меновую стоимость превращённой формой стоимости. От идеального, стоимости, мы перешли к меновой стоимости, которая может быть в интересах обмена количественно представлена в цене. Но количественность есть характеристика, атрибут материального и потому за представлением меновой стоимости, её ценной, всегда стоит материальный носитель – золото, деньги, активы и т.п. Этот носитель меновой стоимости, всеобщий товар, в общественном отношении имеет только одну форму идеального – стоимость как таковую, всеобщую стоимость, предстающую в форме меновой стоимости, и с материальной стороны выражает её количественно.¹

вой стоимости, а потому и его стоимости». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-2, С. 186.

¹ Т.к. главным назначением золота было представление идеального, стоимости, то его вещественная сторона должна была удовлетво-

Меновая стоимость, хотя и имеет своим основанием стоимость, тем не менее, в конечном итоге определяется общественными отношениями в форме соотношения потребностей и затрат (вот и проявилась сторона стоимости, о которой говорилось ранее – её взаимосвязь с общественными отношениями),¹ т.е. в ней учитывается эффективность деятельности человека с точки зрения производимых им затрат. (Эта сторона жизнедеятельности человека носит всеобщий характер независимо от общественных форм и общественных отношений (капиталистических, социалистических и любых иных) в которых она проявляется и которые имеют характер особенного. В анализе общественных форм ни в коем случае нельзя пренебрегать характером детерминирующего влияния общего на особенное и единичное – вспомним ленинское замечание о значении эффективности (производительности труда) нового строя в преодолении старого).

Хотя стороны обмена субъективно видят в товарах, прежде всего, понесённые на их изготовление затраты, но объективно эти затраты отражают собственно материальные процессы изготовления продуктов труда, их сложность и длительность. Т.о. отношения обмена полностью соответствуют двойственной сущности товара как продукта труда, как результата объ-

рять преимущественно одному комплексному условию – удобству действий с ним. Естественно, что со временем золото было заменено более удобным (и дешёвым) знаком стоимости – бумажными деньгами, которые длительное время только физически заменяли золото, фактически оставаясь его представителем, и могли быть обменены на него. Отмена впоследствии золотого содержания бумажных денег стало *качественным* изменением в сущности эквивалента стоимости и содержании актов обмена, имевшим огромные последствия, но это иная тема. Мы являемся свидетелями очередной трансформации эквивалента стоимости – переходом его в виртуальную форму т.н. электронных денег. При этом на долю материальной составляющей эквивалента стоимости остаётся только его представление в форме *знака*, числа. В этой виртуальной форме денег их связь с реальностью практически полностью потеряна – и с идеальной стороны, где связь с трудовой деятельностью разорвана, и с материальной стороны, как фактически полным отсутствием вещественного носителя эквивалента. Подготовка к полной отмене денег фактически завершена, дело за изменением общественных отношений.

¹ См. С. 155.

ективно-субъективного процесса.

Если взглянуть на категорию стоимости с точки зрения тотальности общества, то стоимость предстаёт одновременно в двух формах — с одной стороны как продукт (возрастание), с другой стороны как затраты (исчезание). Как продукт она *создаётся* в сфере производства (в т.ч. научного производства) и нигде более. Стоимость, созданная в форме продукта, *потребляется* во всех сферах жизнедеятельности общества и в такой потребляемой форме предстаёт как затраты, издержки общества. В совокупности стоимость в форме общественного продукта должна соответствовать стоимости в форме общественных затрат с учётом превышения стоимости продукта над стоимостью затрат на величину прибавочной стоимости.

Остаётся рассмотреть влияние разных этапов движения продукта труда на создание стоимости, а также особенности умственного труда как создателя стоимости.

В производственном процессе создаётся продукт труда (потребительная стоимость) в полной стоимости которого представлены стоимость сырья и полуфабрикатов и новая стоимость, созданная деятельностью человека с использованием орудий труда.

В стоимости продукта труда представлены два момента, производительный и затратный, и поэтому её следует рассматривать с двух сторон.

Во-первых, с созидательной, производительной стороны: *создаётся новая стоимость*, которая с материальной стороны представляет собой изменение формы предмета труда и производство потребительной стоимости, а с идеальной стороны, как собственно стоимость, представляет снятие процесса создания продукта труда.

Во-вторых, с затратной стороны, со стороны издержек производства: *возмещается стоимость* израсходованных средств производства. В стоимость, фигурирующую в форме издержек, *входит* овеществлённая стоимость, созданная на более ранних этапах производства (стоимость сырья и полуфабрикатов) и *переносится* стоимость (часть стоимости) средств труда (орудий труда и рабочей силы). За счёт этой стороны стоимости возмещаются материальные факторы процесса производства и становится возможным воспроизводство.

Создание *стоимости* на этом завершается, производ-

ственный процесс свою функцию выполнил. Но процесс формирования *меновой стоимости* не закончен. Имеет смысл ещё раз упомянуть о различии стоимости и меновой стоимости. Стоимость *создаётся* в процессе производства продуктов труда, товаров. Меновая стоимость есть превращённая форма стоимости, которая *реализуется* в особых общественных отношениях, в отношениях обмена. Именно отношения обмена являются опосредствующим действием, в котором осуществляется проявление объективно-субъективной стоимости в её субъективной форме меновой стоимости. Исходным условием этого отношения является потребность в потребительной стоимости, в продукте труда. Далее вступает в действие сравнение затрат (издержек производства) обмениваемых товаров и определение доли прибавочного продукта, выраженной в прибавочной стоимости, которая представляет собой превышение стоимости над издержками производства. Меновая стоимость представляет собой отражение стоимости в общественном отношении обмена, отражение объективного в субъективном. В итоге меновая стоимость соединяет в себе как объективные факторы, стоимость (в т.ч. и её часть в форме прибавочной стоимости), так и субъективные – потребность в товаре и фактические затраты. Затраты здесь отнесены к субъективному фактору по причине их зависимости от конкретных условий производства, его эффективности, степени умелости производителей.

Меновая стоимость (и, соответственно, стоимость) только тогда будет реализована, когда потребительная стоимость перейдёт в руки потребителя, а это возможно только в случае, когда товар доставлен к месту потребления. Затраты по перемещению продуктов труда создают только *условия* для возможности потребления продуктов труда, не изменяя их формы, тем самым *не создавая новой* стоимости. В интересах воспроизводства движения товаров эти затраты должны быть возмещены. Поэтому затраты труда и материальных средств по транспортировке товаров и сопровождающим операциям, непродуцированные затраты, входят в меновую стоимость товара не изменяя при этом его формы как потребительной стоимости. *В сфере обмена* меновая стоимость возрастает, но только за счёт *издержек* этой сферы, *новая стоимость не создаётся*.

Стоимости как создаваемые объективными процессами

должны в таком качестве обмениваться как некие точно определённые величины, чего на практике не существует, вернее, встречается как исключение. И происходит это потому, что в процесс обмена включаются новые общественные отношения, кроме производственных и обеспечивающих возможность обмена, — а именно отношения спроса и предложения, точнее, общественной потребности и общественной возможности, в которых стоимость предстаёт в форме меновой стоимости, «стоимость получает собственную ... форму проявления, а именно форму меновой стоимости».¹ «Меновая стоимость ... представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным...».² Меновая стоимость определяется уже не только стоимостью, обстоятельством вполне объективным с точки зрения обмена, но и потребностью в потребительной стоимости, которая (потребность) зависит от разных, в т.ч. и субъективных, общественных факторов.

В этом чрезвычайно важном пункте общественных отношений, в обмене, происходит переход от идеального к материальному — от стоимости к прибыли. И формой стоимости в данном пункте выступает меновая стоимость как определяемая уже не исключительно стоимостью, а общественным отношением — отношением общественной потребности и общественной возможности (этот вопрос будет рассмотрен в главах о прибавочной стоимости и прибыли).

(Сделаем небольшое отступление. Сторона обмена, представляющая объективность процессов производства как действий по изменению формы материальных тел, является глубинной основой усреднения стоимости к так называемой общественно необходимой. Данное усреднение представляет собой не просто её арифметическое усреднение как выведение средней стоимости от всех представленных на рынке, а есть отражение вполне реальных процессов совершенствования способов изготовления продуктов труда, приведения их к

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 70.

² Там же, С. 44.

минимально возможным со стороны затратной части и максимально эффективным со стороны производительной и отсечение, тем самым, от рынка неэффективных производителей.

Этот процесс реализуется посредством механизмов конкуренции и образования нормы прибыли. Обмен как опосредствование производителей имеет кроме явной стороны – развита разделения труда, ещё и скрытую сторону – совершенствование процессов производства. В отношениях обмена относительное – меновая стоимость, имеет аттрактором абсолютное – стоимость. От этой очень важной функции *свободного* (не монополизированного) обмена продуктами труда нельзя отмахнуться при исследовании капиталистического способа производства. Монополизация, как производства, так и обмена, ослабляя конкуренцию и, как следствие, совершенствование производства, *в условиях рыночных отношений* неизбежно ведёт к застойным явлениям в производстве, сдерживая развитие производительных сил).

Вернёмся к процессу труда, но уже в форме интеллектуального, умственного труда, к процессу получения знания. Труд как материальный процесс, т.е. процесс изменения материального объекта, имеет следствием и изменение его идеального как снятие процесса этого изменения и, тем самым, изменение (создание) стоимости. Но интеллектуальный труд имеет дело не с материальными объектами бытия, а с идеальными объектами мышления, а их изменение не имеет следствием изменение материального, по крайней мере, непосредственно (превращение идеального в материальное происходит через опосредствование человеческой деятельностью). Значит ли это, что интеллектуальный труд не создаёт стоимости?

Напомним, что стоимость есть проявление существования вполне определённых общественных отношений, а именно, отношений обмена. Поэтому любая вещь, поступающая в сферу обмена, имеет стоимость. Значит, имеет стоимость и идеальное в форме знания, когда является товаром.

Выше говорилось о различии идеального как снятия процесса изменения материального и стоимости как представления того же самого идеального в общественных отношениях обмена. Эта граница между идеальным как общим и стоимостью как особенной формой идеального и определяет соотношение в знании идеального и его стоимостной формы.

Знание есть идеальный результат материально-идеального

процесса, в котором материальная сторона (со стороны затрат) представлена материальными затратами на научные исследования, а идеальная сторона представляет собой процесс мышления, действий мышления с его идеальными объектами.

Результатом деятельности мышления, его продуктом является идеальное, но это идеальное не есть снятие собственно процесса мышления, это было бы простой тавтологией, саморефлексией, а идеальное того объекта, который был *представлен* в мышлении в идеальной форме, т.е. объектов природы или общественных феноменов. *Т.о. материальным основанием знания как идеального со стороны создания нового идеального (новой стоимости, применительно к отношениям обмена) является сама природа и собственно человеческое общество.* Идеальное мышления как результат его деятельности, как знание, есть идеальное природы и общества, их законы и принципы, но представленные в форме понятий и категорий единственно с которыми и может действовать человеческое мышление. Здесь же отметим, что знание, прошедшее обратный процесс от идеального к материальному (т.е. завершающую фазу процесса отражения) и воплощённое в человеческой практике в природном материале, материализованное (овеществлённое) знание, своей материальной основой имеет уже продукт труда человека, и с помощью этого продукта человек использует законы природы в своих целях, но это становится возможным только потому, что эти законы представлены (сняты) в идеальной форме в продуктах труда.

Материальная сторона мышления (и его результата, знания) со стороны затрат представляет собой, как было сказано, все издержки на получение фактических данных, являющихся исходным материалом для формирования идеальных объектов мышления, и их последующего исследования. Т.о. эти затраты, косвенно представленные в результатах процесса мышления, являются основой для формирования стоимости, когда результат мышления, знание, предстаёт в форме товара. Эти затраты в общественных отношениях, основанных на обмене, предстают как стоимость знания, как его товарная форма. И эта стоимостная форма знания есть выражение наличия общественных отношений обмена, она может существовать только в этих отношениях. Т.о. всеобщее, законы природы (правда, в особой, очеловеченной форме), становится частной

собственностью, вступает в отношения обмена и является источником извлечения прибыли.

В отношении результата мышления, знания, действуют те же принципы формирования стоимости, что и в отношении материальных продуктов труда. Новое знание, предстающее как стоимость, со своей созидательной стороны имеет материальным основанием самую природу и общество. Но это же знание как стоимость со стороны затрат, издержек общества, имеет основанием затраты общества на научные исследования.

Есть ещё одна сторона интеллектуальной деятельности – творческий труд, создающий произведения искусства (или того, что иногда называется искусством безо всяких на то оснований). Здесь фактическим основанием, дающим материал для интеллектуального процесса, является сама жизнь людей, другими словами общественные отношения, идеально представленные в сознании. В этом случае вступает в действие самостоятельность мышления, его способность независимо ни от чего действовать со своими идеальными объектами. Поэтому такой идеальный продукт, поступающий в сферу обмена, ни в чём не имеет материального основания (за исключением затрат на содержание автора) и его стоимость определяется исключительно субъективными факторами – т.н. общественным признанием, т.е. полностью совпадает с потребительной стоимостью как потребностью потребителей в товаре. По этой причине низкие вкусы большинства (или весьма денежного меньшинства) способны высоко вздуть цену ничтожных, с точки зрения гуманистичности, поделок конъюнктурщиков от искусства.

Остановимся ещё на одном вопросе. Выше мы говорили о соотношении меновой стоимости и цены. Рассмотрим последнюю категорию более подробно с точки зрения соотношения в ней материального и идеального моментов.

Стоимость, как мы выяснили, есть идеальное, представленное, снятый процесс. Но это предельно абстрактное определение. В материальной жизни людей стоимость должна получить выражение также и в материальной форме, чтобы сделать возможным обмен продуктами труда соответственно его затратам, и это действительно так — в общественных отношениях стоимость предстаёт в двух формах – материальной и

идеальной, соответственно продукту труда, представляющему как субстанциональное единство материального и идеального.

Непосредственно в продукте труда стоимость предстаёт в материальной форме как собственно продукт труда (как *воплощённая* в продукте деятельность, труд), и в идеальной форме, как *представленная* в продукте деятельность.

Соответственно этим двум формам стоимости в общественных отношениях она также предстаёт в двух формах отношений. Через материальные отношения как непосредственные отношения обмена — в этой форме отношений стоимость может быть представлена только в материальном виде как товар и его эквивалент — деньги. Через сознание субъектов этих отношений, через общественные отношения в идеальной форме, т.е. отношения, опосредствуемые сознанием — здесь стоимость предстаёт в идеальной форме, внутри отношений, опосредствуемых сознанием.

Эти формы отношений являются носителями стоимости в человеческих отношениях. Их посредством через соотнесение материального, товара и денег, соотносятся две идеальные формы — стоимость, представленная в товаре и стоимость, якобы представленная в деньгах.

«Якобы» здесь сказано с полным основанием — ведь фактическая стоимость денег, т.е. стоимость их изготовления, никого не интересует. В отношениях обмена деньги *наделяются* совершенно иным содержанием, а именно тем же идеальным, которое представлено в продуктах труда — стоимостью как таковой, безотносительно к материальной форме товара.

Т.о. деньги как вполне материальная вещь своим материальным основанием, совершенно ничтожным с точки зрения обмена, представляют всеобщее содержание товаров — стоимость. Поскольку любая материальная вещь может быть выражена количественно, то деньги количественно выражают то, что не может быть непосредственно выражено количественно в принципе — идеальное, стоимость. Именно на долю денег выпадает сомнительная честь осуществлять в человеческих отношениях извращённое, на первый взгляд, действие по выражению идеального в количественном виде — стоимость, идеальное, представить как число и, т.о., как нечто материальное.

Но это извращённое, казалось бы, представление является единственно возможным, которое способно поставить отношения обмена как отношения обмена материальных предметов, на совершенно объективную почву – на возможность количественного определения стоимости – и тем самым объективировать отношения обмена, где бы они не происходили и какие бы товары в них не участвовали.

И именно потому, что деньги представляют не собственную стоимость, а стоимость других вещей, их стоимость является фиктивной, не связанной с собственно деньгами внутренним соотношением, отчуждённой от своей материальной формы, и на этом основании не только может быть представлена количественно количеством самих денег, но и подвергаться постоянному нарушению пропорциональности между количеством денег и представленной в них стоимостью.

Стоимость, количественно представленная деньгами, есть уже цена товара. Т.о. в материальных отношениях обмена получает вполне материальное выражение идеальная сторона стоимости, но уже в материальной форме – в форме цены. Подчеркнём – *цена есть количественное и тем самым материальное выражение стоимости, которая, в свою очередь, есть идеальное представление человеческой деятельности, труда.* Но не будем забывать, что цена представляет стоимость опосредствованно и потому, как таковая, совпадает со стоимостью только случайно, и только пройдя через отношения обмена.

Далее, поскольку в отношениях обмена, представленных своей идеальной стороной — в сознании, цена предстаёт как нечто воображаемое, как психический феномен, то её ошибочно принимают за идеальную форму стоимости, хотя идеальное невозможно определить количественно, в отличие от цены. Цена всегда связывается только с её материальным выражением, только с одной вещью (деньги, золото или иной представитель стоимости). Стоимость существует во всех продуктах труда. И когда идеальное, стоимость товара, представляют в форме его цены, то это всегда есть представление некоего количества какого-то эквивалента (денег и т.п.), т.е. вполне материальное представление.

Т.о. стоимость, идеальное, пройдя процесс опосредствования человеческими общественными отношениями, как отношений одновременно и идеальных, и материальных, предста-

ёт в итоге в своей превращённой материальной форме, форме денег, чьим идеальным она и становится. Теперь отчуждённое и независимое материальное – деньги – несёт в себе (хотя и фиктивно) идеальное содержание продукта труда, стоимость, и приобретает способность связывать *всё* многообразие продуктов труда в *одном* отношении обмена. При этом происходит ещё одно превращение – деньги, материальное, будучи выражены в сознании в идеальных отношениях через своё численное представление, получают тем самым способность представлять в идеальной форме, что приводит к ошибочному выводу, что цена есть идеальное выражение стоимости, тогда как по существу это превращённая материальная форма стоимости, к тому же фиктивная.

Видение процесса создания стоимости, изложенное выше, несколько отличается от воззрений Маркса. В качестве резюме коротко укажем на различия в понимании проблемы стоимости между представлениями трудовой теории стоимости и рассматриваемой концепции субстанционального монизма.

С точки зрения трудовой теории стоимости есть труд, т.е. созидательная человеческая деятельность, представленная (воплощённая) в продукте труда. В таком качестве стоимость идеальна.¹ Т.о. источником стоимости является *исключительно* живой труд (т.е. деятельность рабочей силы) как создающий *новую* стоимость и, вследствие этого, также и прибавочную стоимость. Соответственно этому представлению капитал, представляющий рабочую силу, возрастает, изменяется на величину прибавочной стоимости и потому является *переменным* капиталом. Остальные факторы производства – предметы труда (сырьё, полуфабрикаты) и орудия труда – свою стоимость не изменяют и являются *постоянным* капиталом. С точки зрения издержек производства их стоимость формируется за счёт переноса полной стоимости переменного капитала и вхождения той части стоимости постоянного капитала, которая представляет сырьё и полуфабрикаты (в этой

¹ «...человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 23, С. 60.

«...в стоимость ... не входит ни одного атома вещества природы». Там же, С. 56.

форме это оборотный капитал), а также за счёт переноса части стоимости (соответствующей износу) постоянного капитала (основной капитал). Но, исходя из положений трудовой теории стоимости, невозможно объяснить источник прибавочной стоимости (и вообще новой стоимости) при отсутствии переменного капитала, который представлен рабочей силой, живым трудом, а ведь создание полностью автоматизированных производств не за горами. Есть вопросы и в отношении тенденции нормы прибыли к падению.

Здесь уместно сказать несколько слов о влиянии автоматизации производства (т.е. исчезновения переменного капитала) на общественные отношения. С одной стороны, автоматизация производства даёт возможность вывода человека из производственного процесса как технологического придатка последнего и, тем самым, полного освобождения человека. Но, с другой стороны, в условиях капиталистических общественных отношений эта же автоматизация есть грозное, более того, смертельное для пролетариата оружие в руках капитала, способное уничтожить пролетариат как класс. Но пролетариат это люди, их семьи, общество, в конце концов. Однако, всех не угодных ему капитал в скором будущем сможет поставить на грань жизни и смерти, не применяя никакого оружия, только совершенную производствo. Впрочем, начало этому процессу уже положено. В современном производстве всё менее требуется высококвалифицированных работников, поэтому можно вполне безболезненно для капиталиста заменять их на новых в случае их возмущения условиями труда и оплаты. Как следствие, рабочий класс разобщается, деградирует и профессионально, и лично, и как общественный класс и постепенно утрачивает способность к организованному сопротивлению. Следует сказать, что Маркс упомянул об этой проблеме: «Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берет изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет более доступные отрасли

промышленности, переполняет рынок труда и *понижает по этому цену рабочей силы ниже её стоимости* (выделено мной)»,¹ но сделал это вскользь, не раскрыв подробно причин исчезновения переменного капитала (в его трактовке).

С точки зрения субстанционального монизма материальное и идеальное как стороны субстанции неразрывны, тождественны и любому изменению материального сопутствует соответствующее изменение идеального. При этом идеальное есть представление, снятие в материальном процесса его изменения. Т.о. все факторы, изменяющие материальное, тем самым участвуют в изменении идеального, другими словами – в создании нового идеального. В создании продуктов труда активное участие принимают человек и применяемые им орудия труда, тем самым именно эти факторы, изменяя форму предмета труда (материального), одновременно изменяют (создают новое) идеальное. Процесс изменения предмета труда, представленный, снятый в продукте труда и есть не что иное, как стоимость (в отношениях обмена). В таком качестве она отличается от представлений трудовой теории стоимости только участием в её создании орудий труда. По аналогии с трудовой теорией переменным капиталом, создающим стоимость, будет капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда, постоянным же – капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты. (Здесь и ранее ничего не сказано о капитале, представляющем здания, сооружения и инфраструктуру производства. Устраняя эту лакуну следует отметить, что эта форма капитала создаёт условия производства, т.о. участвуя в нём в пассивной форме и со стороны издержек производства переносит свою стоимость на продукт труда частями, пропорциональными сроку службы, т.е. аналогично орудиям труда). С точки зрения субстанционального подхода капитал, участвующий в создании новой стоимости, следует называть *активным* капиталом (капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда), а капитал, предоставляющий материал для предметов труда и создающий условия её создания – *пассивным* капиталом (капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты и инфраструктуру). В отношении формирования издержек производства имеется полная аналогия с трудовой теорией стоимости. Точка зрения субстанциональности поз-

¹ Там же, С. 441.

воляет дать ответ об источнике новой и прибавочной стоимости при полном отсутствии рабочей силы (живого труда) и, более того, указывает на путь, следуя которым, человек может полностью выйти из сферы производства как его объект, технологическая деталь и, тем самым, ликвидировать свою частичность, о которой говорил Маркс, а также отчуждение своей деятельности, которая всё ещё является следствием экономической необходимости.

Отличие между двумя рассматриваемыми представлениями, на первый взгляд, небольшое – субстанциональный подход логически выявил сущность стоимости и необходимость принятия во внимание активной роли орудий труда в процессе создания продуктов труда и, соответственно, стоимости. Но это различие имеет глубоко принципиальный характер и существенно корректирует выводы Маркса относительно сущности стоимости и прибавочной стоимости и, в итоге, о нормах стоимости и прибыли.

Где же исток такого вывода Маркса? «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда».¹ В таком представлении имманентно уже содержится возможность ошибочного толкования многогранной трудовой деятельности, в которой задействованы *все* факторы производства, только как исключительно человеческого, живого труда и эта недоговорённость становится фактом, ошибкой, когда Маркс далее, не исследуя собственно процесса изменения предмета труда с учётом *всех* составляющих этого процесса, априори признаёт, что «все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости». После этого не остаётся ничего иного, как не замечать активной роли орудий труда в создании стоимости.

Правда, у Маркса мелькнула мысль о возможности полной замены человека в производственном процессе машинами (т.е. полной автоматизации производства), но дальнейшего развития не получила.² И понятно, почему – в том конкрет-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 3, С. 46.

² «Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая сто-

ном историческом времени не было возможности предвидеть такое развитие науки и производительных сил.

Маркс сделал огромный шаг вперёд в исследовании сущности стоимости, фактически приняв гегелевскую трактовку идеального как снятия процесса изменения материального, но, остановившись на полдороге, не завершил полного исследования процесса создания стоимости, не проанализировав роли *всех* факторов, принимающих участие в создании продукта труда.

Следует сказать несколько слов о существующих теориях стоимости. Авторы этих теорий исследуют сущность стоимости не с точки зрения единства материального и идеального, а абстрактно, неполно, рассматривая стоимость со стороны только одного из её проявлений, тем самым фетишизируя одну из сторон стоимости.

Наиболее полно сущность стоимости исследовал Маркс, совершенно верно утверждающий, что в основании стоимости лежит труд, т.е. созидающая деятельность человека, изменяющего материальный мир. Но, остановившись только на роли живого труда и не исследовав всех условий человеческой деятельности, которые включают многие факторы производства, главными из которых со стороны материального являются орудия труда, а со стороны идеального знание, Маркс не увидел огромной роли в создании стоимости (и шире – идеального) орудий труда, в которых воплощено знание человека как концентрированных законов природы. Но Маркс совершенно точно указал на создаваемую и затратную стороны стоимости, одна из которых представлена человеческой созидательной деятельностью, а вторая издержками производства и на роль сферы обмена в формировании цены производства.

Теория издержек производства (и близкая к ней теория факторов производства) рассматривает сущность стоимости только со стороны затратной части, абстрагируясь от деятельностной, созидающей стороны. Тем самым из анализа элиминируется собственно источник стоимости как *новой*, создаваемой стоимости.

имость. Рабочий не находит себе покупателя...». Там же, Т. 23, С. 441.

Теории спроса и предложения и предельной полезности исключают из анализа сферу производства и обращаются в поисках источника стоимости к сфере обмена и этим фактом полностью исключают возможность уяснить сущность стоимости, создаваемой в сфере производства.

Тем не менее, несмотря на абстрактность рассмотрения, а, вернее, благодаря этому теории издержек производства, факторов производства, спроса и предложения и предельной полезности достаточно точно описывают формирование формы стоимости – меновой стоимости – со стороны общественных издержек, а также формирование цены производства в условиях взаимодействия спроса и предложения.

1.3. Прибавочная стоимость

В соответствии с представлением Маркса об исключительной роли живого труда в создании новой стоимости, прибавочная стоимость может быть создана только живым трудом. По этой причине часть капитала, представляющая собой затраты на сырьё и средства труда и которая переносит свою стоимость на продукт труда неизменной, является постоянным капиталом. Та же часть капитала, которая представляет затраты на покупку рабочей силы и которая возрастает в процессе производства, поскольку живой труд создаёт новую, добавленную стоимость, является переменным капиталом. Формула капиталистического производства принимает вид $w = c + (v + m)$, где c – стоимость сырья и орудий труда, v – стоимость рабочей силы, m – прибавочная стоимость, созданная трудом рабочей силы.

Маркс, признавая исключительность живого труда в создании прибавочной стоимости, тем самым помещает процесс создания прибавочной стоимости целиком в сферу субъективного. Он идёт от субъективности труда к объективности прибавочного продукта как материального воплощения прибавочной стоимости, тогда как с точки зрения материалиста правильным было бы обратное движение – от материального к идеальному, от прибавочного продукта к прибавочной стоимости. Не стоимость (прибавочная стоимость) создаёт продукт (прибавочный продукт), а продукт (вернее, процесс его производства) создаёт стоимость. Но признавая источником стоимости и прибавочной стоимости исключительно живой

труд, который есть полностью субъективная деятельность, невозможно указать объективные основания стоимости и, соответственно, прибавочной стоимости.

Ко всему прочему Маркс исходит из априорного предположения, что необходимое время меньше времени всего рабочего дня (иное он предполагает в единичных случаях чисто гипотетически, чтобы подчеркнуть нереальность такого варианта) и что, т.о., в производстве *всегда* создаётся прибавочная стоимость. Т.е. постулируется (вернее, берётся некритически из эмпирии) то, что должно быть выведено, доказано. Остаётся только объявить, что она создаётся исключительно живым трудом.

Увязывание величины прибавочной стоимости с затратами на содержание рабочей силы, т.е. переменным капиталом, ошибочно тем, что совершенно недвусмысленно ставит их в однозначное пропорциональное соответствие – чем больше эти затраты, тем большая прибавочная стоимость будет произведена. На практике же картина противоположная, капиталист стремится возможно более сократить издержки производства, в том числе и на рабочую силу. Да и сам Маркс в конечном итоге приходит к выводу, что величина стоимости (и прибавочной стоимости) зависит от всего капитала, а не только от величины переменного капитала.

Рабочая сила со стороны производства, создания продукта, представляет собой производительную силу, активную по отношению к предмету труда, изменяющую его и тем самым создающую новую стоимость. Эта же сила со стороны своего возобновления представляет затраты на её содержание, поддержание в деятельном состоянии.

Производительная сторона рабочей силы реализуется в производстве, затратная сторона – вне производства. Уже поэтому затраты никак не могут влиять непосредственно на создание стоимости.

Затраты на переменный капитал создают *условия* возможности производства, но само производство определяется совершенно иными факторами. Переменный капитал для собственно производства есть такая же данность, как и постоянный капитал. Рабочая сила поступает в производство в готовом виде, так же как машины и сырьё, и с точки зрения самого производства (производства продукта и создания стоимости) совершенно безразлично, каковы затраты на их приобре-

тение. Создание продукта, стоимости, определяется исключительно технической стороной производства, которая объективна, как объективны законы природы, используемые человеком в производстве. В эту объективность человек вносит свою субъективность в форме степени эффективности использования законов природы и технических возможностей, что в итоге проявляется в создании разной величины стоимости в однотипных производствах. Но затраты на рабочую силу и машины, создающие условия и возможность производства, непосредственно никак не влияют на величину создаваемой стоимости (и прибавочной стоимости), которая зависит только от научно-технического уровня факторов производства. Эти затраты только *сопоставляются* стоимости, поскольку стоимость создаётся не затратами как таковыми, а физическими факторами производства – рабочей силой и машинами.

Рассмотрим указанные обстоятельства с точки зрения субстанциональности. Ранее мы выяснили, что «активность и высокая производительность орудий труда всецело определяется тем «очеловеченным» идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление. Последнее есть следствие того, что в *каждом* производственном цикле ими производится больше в количественном и качественном отношении продукта труда, чем воплощено в них самих применительно к этому циклу. Таков результат того, что природные закономерности, вскрытые человеком, воплощены им в орудиях труда и использованы в концентрированной форме в целенаправленном производительном процессе.

Эта их способность к расширенному воспроизводству материальных благ является следствием их субстанциональности, в которой материальное и идеальное представлены в «очеловеченной» форме. Здесь законы природы, воплощённые в концентрированном, сжатом виде в веществе и форме орудий труда и, соответственно, в производственных процессах, воздействуют в этих процессах непосредственно на

предмет труда, усиливая способности и возможности человека (в т.ч. и его производительную силу) до невероятных размеров».¹

Т.о. искусственные предметы, вовлечённые в человеческую деятельность, прежде всего орудия труда, также способны создавать больше продукта, и, следовательно, большую стоимость, чем заключено в них самих. Это и есть их *субстанциональная* способность создавать прибавочный продукт и, соответственно, прибавочную стоимость. Материальное и идеальное полностью соответствуют друг другу и неотделимы друг от друга.

Поэтому с точки зрения субстанционального подхода внешне формула, приведенная выше, имеет тот же вид, но содержание её совершенно иное. Теперь c – стоимость только сырья, v – стоимость орудий труда и рабочей силы, m – прибавочная стоимость, создаваемая человеческой деятельностью с использованием в производственном процессе орудий труда, «очеловеченных» воплощённым в них знанием. Формула нормы прибавочной стоимости примет следующий вид:

$$\text{норма приб. ст-ти} = \frac{\text{приб. ст-ть}}{\text{ст-ть рабоч. силы} + \text{ст-ть орудий труда}}$$

Теперь становится возможным объяснить источник прибавочной стоимости при постоянно повышающемся органическом строении капитала, вплоть до полной автоматизации производства, т.е. полного исчезновения живого труда, чего невозможно сделать при признании исключительности роли живого труда в создании прибавочной стоимости.

Рассмотрим механизмы образования прибавочной стоимости в разных сферах человеческой деятельности.

В процессе производства *новая стоимость создаётся* деятельностью человека с использованием орудий труда. Но эти два производственных фактора заключают в себе субстанциональную способность создавать больше материальных средств, чем было затрачено на их создание и, следовательно, большую стоимость. Т.о. производство прибавочного продукта одновременно есть и производство прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость неотделима от прибавочного продукта, неразрывно связана с ним. Рабочая сила и орудия

¹ См. с. 69.

труда, создавая прибавочный продукт, создают и прибавочную стоимость. Производство же прибавочного продукта становится возможным после того как их собственная стоимость возмещена и в прибавочном продукте вновь создаваемая стоимость выступает в форме прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость есть *часть новой стоимости*, соответствующая прибавочному продукту.

В сфере производства сталкиваются, переплетаются, противостоят друг другу два процесса – процесс *создания* продукта (создания новой стоимости) и процесс осуществления *затрат*, формирования издержек производства. В первом процессе в силу указанных выше причин создаётся больше материальных продуктов, чем затрачивается на их создание, тем самым их стоимость выше стоимости произведенных затрат на величину прибавочной стоимости. Первый процесс, с выходом на уровень производства прибавочного продукта (а тем самым и прибавочной стоимости), позволяет расширить материальные возможности общества, увеличить общественное богатство.

По-иному дело обстоит в сфере обмена. Чтобы прибавочная стоимость была реализована, потребительная стоимость должна быть доставлена потребителю и здесь товар переходит в сферу обмена, которая также имеет свои издержки. Но поскольку форма продукта труда в этой сфере не изменяется, то его стоимость также не изменяется и, следовательно, новой стоимости к товару не добавляется. Тем не менее, в итоге его стоимость возрастает на величину издержек сферы обмена. Противоречие? Отнюдь...

Не возрастает та сторона стоимости продукта, которая представляет *новую, созданную* в сфере производства стоимость. Та же сторона стоимости, которая определяется затратами, издержками производства, возрастает на величину затрат сферы обмена. В результате со стороны затрат стоимость продукта труда в целом возрастает, но это есть следствие деятельности по созданию *условий* реализации потребительной стоимости, о чём уже говорилось ранее, а не создание собственно стоимости, поскольку не создаётся никакого продукта. Здесь к стоимости продукта труда со стороны затратной части добавляется стоимость, соответствующая издержкам сферы обмена. Т.о. сфера обмена компенсирует свои издержки за счёт прибавочной стоимости, созданной в сфере произ-

водства.

В сфере обмена реализуется только один процесс – осуществляются затраты, прибавочная же стоимость, созданная в производстве, остаётся неизменной и делится между участниками процесса обмена пропорционально их затратам, т.е. вложенным капиталам. Но затраты сферы обмена делают возможным процесс постоянного воспроизводства общественных отношений, основанных на обмене.

Остаётся выяснить, как прибавочная стоимость реализуется и чему соответствует её «величина».

Ранее мы вывели, что определить «величину» стоимости, а, значит, и прибавочной стоимости, основываясь только на процессе *создания* стоимости, невозможно. Если часть стоимости, соответствующую затратам, потреблённым средствам производства, ещё можно определить количественно, то той части созданной стоимости, которая соответствует прибавочной стоимости, эквивалента в затратной части производственного процесса не имеется, поскольку продукт, соответствующий прибавочной стоимости, представляет собой *превышение* над затратами, издержками производства.

Если мы от натуральной формы перейдём к стоимостной форме выражения, то и в стоимостной форме априорное определение «величины» прибавочной стоимости также невозможно:

$$w = c + v + m$$

- здесь известны только c и v в форме издержек производства (отвлечёмся от разного содержания c у Маркса и в предлагаемой концепции субстанциональности, здесь это несущественно) и неизвестны w и m . Не остаётся ничего иного, как обратиться к практике.

Стоимость (и, соответственно, прибавочная стоимость) реализуется в сфере обмена и условия обмена товаров определяются двумя факторами – потребностью в товаре и соответствием их стоимостей друг другу. Последнее выявлялось исторически в ходе бесчисленных актов обмена – т.е. в общественном отношении, представляющим собой возникновение и разрешение противоречия между потребностями и возможностями одной части общества и теми же факторами другой части общества.

При этом часть стоимости, соответствующая издержкам производства (для общества – общественным затратам), мо-

жет быть определена вполне точно и во встречных актах обмена эквивалентно компенсируется, но для части стоимости, соответствующей прибавочной стоимости, соответствующий эквивалент может найтись только в прибавочном продукте (предполагается, что обе стороны обмена обладают прибавочным продуктом). Здесь прибавочный продукт на одной стороне обмена должен найти себе соответствие на другой стороне обмена и только условия жизнедеятельности человека в целом определяют, будет ли найдено такое соответствие. Т.е. это определяется всем комплексом противоречий между общественными потребностями и общественными возможностями (отсюда и ремарка Маркса, что стоимость и возникает, и не возникает в сфере обмена). У Маркса это противоречие предстаёт в форме противоречия между затратами общественно-необходимого труда на производство товаров и фактическими затратами.

Т.о. можно сказать, что меновая стоимость как выражение стоимости в общественном отношении обмена, предстаёт состоящей из двух частей. Во-первых, как часть стоимости, представляющая собой затраты, издержки производства. Эта часть обязательно должна быть возмещена, в противном случае неизбежна деградация производительных сил, по этой причине она является фиксированной частью. Во-вторых, как часть стоимости, превышающая затраты и представляющая прибавочную стоимость. Эта часть реализуется в ходе разрешения противоречия между общественными потребностями и возможностями, всецело определяется этим противоречием и как таковая она является изменяющейся величиной. По этой причине меновая стоимость (и её материальная форма – цена), может в конкретном случае как превышать среднюю стоимость (и среднюю цену), так и опускаться ниже её.

Соотношение общественных потребностей и общественных возможностей выступает как субстанциональное противоречие между идеальным — потребностями, и материальным – возможностями. В этом противоречии идеальное (потребности) выступает как *представленное* неким материальным (ведь такое представление и есть сущность идеального), и это материальное есть то материальное, в котором общество нуждается для обеспечения своей жизнедеятельности с учётом дальнейшего развития. Материальное (возможности) представлено всеми теми наличными материальными продук-

тами, которые созданы в производственной (и научной) сфере и которые соответствуют, либо не соответствуют общественным потребностям.

Т.о. можно говорить о материальном, которое необходимо обществу, и материальном, которое имеется в наличии. Но это, в сущности, одно и то же, вернее, две стороны одного общественного отношения.

По сути, в этом противоречии противостоит наличное материальное (созданное) тому материальному, которое рассматривается обществом как необходимое для дальнейшего развития. Т.е. это противоречие наличного материального в себе как противоречие двух своих сторон — того, что произведено и того, что из этого произведенного необходимо обществу, противоречие, отражённое в общественных отношениях и разрешаемое только их посредством. Наличное материальное, произведенный продукт, и его рефлексия, отрицание — потребность как идеальное представление другого материального, необходимого — снимаются в продукте, признанным обществом нужным ему, произведенная стоимость находит признание и вступает в потребление. От отмеченного соотношения сторон зависит разрешение противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями.

Разрешение отмеченного противоречия совершается не непосредственно, а опосредствуется всем комплексом существующих общественных отношений, которые, в свою очередь, тесно связаны (и определяются, и определяют) с производительными силами. Только в результате совершения этого глубоко диалектического движения и становится ясно, что общество признало необходимым и какую цену за это готово заплатить. Общее состоит в том, что в постоянном возникновении и разрешении противоречия между общественными потребностями и возможностями заключается суть развития общественного производства. Однако это всеобщее движется посредством своих особенных форм, механизм которых подробно рассмотрен Марксом в «Капитале» и существенно уточнён Р. Гильфердингом в «Финансовом капитале», т.е. через бесчисленные пересекающиеся акты соотношения спроса и предложения во всех отраслях общественного производства, поэтому подробно на этом останавливаться не будем.

Здесь же необходимо отметить, что общественные потреб-

ности при господстве капиталистических отношений есть потребности, прежде всего, капитала, а не общества как такового. Именно интересы капитала преломляют через призму собственности и необходимости извлечения прибыли во что бы то ни стало, все общественные акты и отношения, предельно извращая тем самым истинные человеческие интересы и всемерно подавляя их.

При разрешении отмеченного противоречия постоянно возникают ситуации, когда какой-либо продукт не находит спроса. По этой причине для разных продуктов степень признания их необходимыми разная, в итоге стоимость (и прибавочная стоимость) одних получается завышенной, соответственно других – заниженной.

Внешне это выглядит как кризис перепроизводства на одной стороне обмена, но столь же правильным будет утверждение, что это кризис недопроизводства на другой стороне обмена, недопроизводства нужного, нового, более эффективного с точки зрения капиталистического производства. В целом же это показатель неэффективности общественных производительных сил, рассматриваемых в комплексе, как основа жизнедеятельности общества. Но отмеченная неэффективность производительных сил, в свою очередь, тесно переплетена с определёнными общественными отношениями, основанными на существовании частной собственности. Отсюда естественный вывод — общественные отношения, основанные на обмене частных производителей, всегда необходимо будут воспроизводить неэффективность общественного производства как несоответствия общественных потребностей общественным возможностям в форме кризисов перепроизводства и недопроизводства. Условием ликвидации последних и оздоровления жизни общества будет только изменение общественных отношений, где частные интересы противостоят общественным, на полностью обобществлённые общественные отношения.

Следует также заметить, что совместное влияние объективно-субъективного характера стоимости (о чём говорилось в главе о стоимости) и отмеченного выше противоречия проявляется в том, что продукты труда, не удовлетворяющие потребностям или не соответствующие возможностям общества, будут реализованы ниже стоимости или вообще не найдут спроса. Столь же реальна и противоположная ситуация, когда

продукты труда реализуются по завышенным стоимостям, следуя соотношению между общественными потребностями и возможностями. На первый взгляд названное противоречие имеет субъективный характер, но основано оно на совершенно объективных условиях жизнедеятельности человека. Т.о. «величина» реализуемой стоимости (и прибавочной стоимости) определяется всем комплексом общественных отношений и противоречий, хотя основанием служит стоимость, создаваемая в сфере производства.

Следует указать и на следующее обстоятельство. Развитые капиталистические страны, сбывая относительно *небольшую часть* своего прибавочного продукта в странах капиталистической периферии, могут получать взамен *большую часть* прибавочного, и даже часть *необходимого* продукта этих стран (вспоминается сакраментальное «недоедим, но вывезем»), тем самым обрекая их на стагнацию и деградацию.

Обратимся к вопросу образования прибавочной стоимости в сфере интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная деятельность по производству знания создаёт идеальное, которое *полностью* является *новым* знанием (мы рассматриваем процесс в чистом виде). Этому идеальному, новому знанию, с затратной стороны соответствует стоимость, в которой нет стоимости, которая *входит* в стоимость продукта (подобно стоимости сырья в производстве), но только стоимость, которая *переносится* на продукт — материальные затраты на научную деятельность. Следовательно, при реализации научного продукта после возмещения этих затрат превышение его цены над издержками и будет соответствовать прибавочной стоимости. Т.о. величина реализуемой прибавочной стоимости будет зависеть от общественных потребностей в новом знании.

Интеллектуальная сфера есть особенная сфера деятельности человека. Так, в сфере производства создаются *продукты* труда, а в сфере обмена — *условия* оборота продуктов труда и, тем самым, возможность воспроизводства жизнедеятельности людей. Сфера обмена, в отличие от сферы производства, не принимает активного участия в создании продуктов труда и, соответственно, стоимости. В интеллектуальной же сфере производится знание, которое, будучи овеществлённым, материализованным в орудиях труда становится *активным фактором производства* продуктов труда и, соответственно,

прибавочного продукта (прибавочной стоимости). Т.о. продукт интеллектуальной сферы, знание, играет активную и всё возрастающую роль в создании материального богатства общества, он принимает *непосредственное* участие (как идеальное орудий труда) в создании материального продукта общества.

«Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, Knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса».¹

Теперь по-иному видятся и общественные капиталистические отношения. С этой точки зрения извлечение прибавочной стоимости капиталистом предстаёт не только как прямая эксплуатация живого труда, но также как косвенная эксплуатация интеллектуального труда учёных, открывающих законы природы и инженеров, воплощающих полученное знание в орудиях труда, т.е. эксплуатация не только сферы физического труда, но и сферы умственного труда, а значит всех трудящихся, обеспечивающих себе жизнь собственным трудом. Поистине, это «железная пята» и никаких иллюзий по поводу устремлений капитала строить не следует – он жизненно заинтересован в ликвидации живого труда как источника конфликтов. Но эта железная пята одновременно и ахиллесова пята, поскольку единственное, что удерживает капитал от этого шага, это внутреннее противоречие, делающее невозможным его самого – без потребителей, которые и есть в большинстве наёмные работники, невозможно получение прибыли. Капитал начинает искусственно сдерживать автоматизацию производства и возможность полного выведения человека из производственного процесса как объекта, как приложения к машине, возможность ликвидации отчуждения человеческой деятельности и, тем самым, полного освобождения человека. Это противоречие – с одной стороны стремле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 46, ч. II, стр.215.
198

ние к автоматизации производства и, с другой стороны, его сдерживание, ограничение общественного развития и есть не что иное, как одно из проявлений пресловутого загнивания, о котором неоднократно говорили классики.

1.4. Прибыль, норма прибыли

К категории прибыли Маркс идёт от понятия прибавочной стоимости. Выше мы говорили, что стоимость, представляющая в отношениях обмена в форме меновой стоимости, выражается в этих отношениях ценой товара, т.е. опосредствуется материальным – деньгами. Поэтому и прибыль, выражающаяся в денежной форме, тем самым представляет прибавочную стоимость, идеальное, в материальной форме денег.

В предыдущей главе мы выяснили, что «величина» прибавочной стоимости не может быть определена непосредственно, но только через соотношение стоимости с произведенными затратами, что может быть осуществлено только в общественных отношениях обмена, в которых происходит сопоставление потребностей и возможностей.

Процесс производства, по сути, имеет две стороны – процесс создания продукта труда и процесс осуществления затрат на создание продукта труда. Первый процесс определяется природными законами, а также знанием и умением человека, второй же полностью зависит от ресурсов, имеющихся в распоряжении человека. И идеально-материальная человеческая деятельность, в которой связаны эти два процесса воедино, создаёт возможность сопоставить идеальное, стоимость как снятие процесса создания продукта труда, и материальное, затраты на её создание. На практике же эти разные процессы не просто сопоставляются, а идентифицируются, тем самым идентифицируя также прибавочная стоимость (идеальное) и прибыль (материальное).

С одной стороны идентификация прибавочной стоимости и прибыли даёт возможность представить в материальной форме прибыли идеальное, стоимость, и т.о. учитывать в легко представляемой материальной форме идеальную сторону процесса труда. Но, с другой стороны, такое прямое отождествление заключает в себе опасность фетишизации как материальной, так и идеальной сторон труда, что и происходит в действительности – человеческие отношения овещняются, а

вещи очеловечиваются.

Непосредственно не осознаваемая участниками производства и обмена идентификация прибавочной стоимости с прибылью, позволяет разрешить на практике противоречие между идеальным и материальным моментами таким образом, что идеальное, стоимость, учитывается через материальные затраты по её созданию – издержки производства. В итоге производство, понимаемое как производство жизнедеятельности человека, не испытывает затруднений в соотношении сфер идеального и материального.

Источником прибавочной стоимости и, соответственно, прибыли как *материализованного выражения прибавочной стоимости* являются, как мы установили, деятельность человека (живой труд) и используемые им орудия труда. И в этом отличие нашего вывода от вывода Маркса, согласно которому источником прибавочной стоимости и, соответственно, прибыли, является только живой труд. Тем не менее, это различие на практике затушёвывается тем обстоятельством, что материальным основанием прибыли являются издержки производства, одинаковые для обоих представлений.¹

Поскольку масса прибыли определяется массой применяемого капитала, который представлен издержками производства, то капитал будет стремиться во что бы то ни стало их увеличивать всевозможными способами, имея ввиду увеличение прибыли. Тем самым капиталисты в своих *личных* интересах расходуют ресурсы *всего* общества, человечества, лишая обеспеченного будущего новые поколения.

Выше мы отметили, что прибыль имеет основанием затраты на производство продуктов труда в форме издержек производства и уже поэтому не может быть адекватна прибавочной стоимости, которая определяется собственно процессами изменения формы предметов труда и только косвенно соотносится с издержками производства. К этому несоответствию добавляется влияние сферы обмена.

Прибавочная стоимость *создаётся* в сфере производства и переходит к потребителю посредством сферы обмена. При-

¹ В связи с разным видением источника прибавочной стоимости и прибыли по-иному предстаёт т.н. органическое строение капитала, которое становится гораздо более сложным по своей сущности, что проявляется участием в производстве прибавочного продукта также и постоянного капитала в форме орудий труда.

быль же *извлекается* в сфере обмена и представляет собой прибавочную стоимость, перешедшую в материальную форму. Чтобы быть представленной в материальной форме, в форме прибыли, идеальная стоимость должна быть опосредствована особыми общественными отношениями, отношениями обмена. Отсюда следует, что вследствие наличия опосредствующих отношений обмена, величина прибыли может не соответствовать прибавочной стоимости, что является скорее правилом, чем исключением.

Но чем же определяется величина прибыли? Поскольку в отношениях обмена присутствуют две стороны, то, очевидно, возможность осуществления обмена определяется тем, соответствуют ли друг другу обмениваемые товары по стоимости, т.е. по издержкам производства плюс *предполагаемая* прибыль. В единичном акте обмена установление эквивалентности стоимости товаров не представляет затруднений в условиях исторически установившегося рынка, но рыночные отношения, взятые в целом, применительно к обществу, не являются простой суммой единичных актов обмена. Скорее наоборот, общественные отношения в значительной мере определяют возможности осуществления единичных актов, целое детерминирует свои части.

В масштабах общества за процессом обмена стоят общественные отношения, определяющие возможность развития всего общества, а именно общественные потребности и общественные возможности. С одной стороны, это потребности общества – необходимость расширенного воспроизводства, что означает возмещение издержек общества плюс расширение производства, с другой стороны, возможности общества – совокупная стоимость, представляющая собой продукт общества, составной частью которого является прибавочная стоимость. Часть стоимости возмещает издержки производства, другая часть, представляющая собой прибавочную стоимость, идёт на расширение производства и потребления. При этом потребности общества формируются не только количественными, но и качественными критериями, которые постоянно изменяются, поскольку возникают новые, более производительные процессы и орудия труда, в которых потребность повышается, одновременно снижается потребность в устаревая-

ющих факторах производства.¹

В соотношении, противоречии между потребностями и возможностями общества первые представляют собой идеальную сторону, направленность общества на развитие, интенцию движения, вторые же представляют материальную сторону, наличный продукт, который может быть использован для развития. Но сама возможность разрешения данного противоречия, вернее, форма его разрешения, зависит от господствующих общественных отношений, которые, в свою очередь, также вынуждены приспосабливаться к имеющимся возможностям. Противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями, определяющее способность общества к развитию, разрешается в практике соотношением спроса и предложения в соответствии с количественными и качественными критериями, которые хотя и формируются потребностями, но также вынуждены учитывать и наличные возможности.

Следует отметить, что в неявном виде проблема соотношения общественной потребности и общественной возможности поставлена ещё Марксом: «Подобно тому как условием продажи товаров по их стоимости является то, чтобы в них содержалось лишь общественно необходимое рабочее время, так и для целой сферы производства капитала таким условием является то, чтобы на эту особую сферу была затрачена лишь необходимая часть совокупного рабочего времени общества, — лишь то рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественной потребности (спроса)».²

Общественно необходимым рабочее время становится апостериори – в акте реализации товара, до этого момента о его общественной необходимости ничего нельзя сказать. Но главным условием реализации является только и исключительно совокупная возможность общества затратить на по-

¹ «Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; ...потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определённой общественной потребности в продукте каждого особого рода». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-2, С. 185-186.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 16, С. 579.

купку данного вида товаров какую-то вполне определённую часть имеющегося общественного ресурса. В этом пункте все единичные акты обмена «оглядываются» на общее – на возможность последующей реализации купленного, т.е. на общественные потребности.

В отношениях обмена определяющей стороной вероятности их осуществления вначале выступают общественные потребности, которые активно ищут в общественных возможностях материальную основу для своей реализации. В постоянном столкновении между общественными потребностями и общественными возможностями и происходит разрешение противоречия между ними, заключающееся в осуществлении процесса обмена. Частным результатом разрешения этого противоречия является извлечение прибыли. Капиталистическое присвоение как общественное отношение, тем самым, паразитирует на процессе общественного воспроизводства, навязывая частное, по сути, для общества в качестве его всеобщего.

Возможность извлечения прибыли как реализация определённого *общественного отношения*, как видим, определяется соответствием *общественных возможностей общественным потребностям*. Величина совокупной прибыли общества (и тем самым возможность реализации произведённой прибавочной стоимости) зависит от степени разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями, т.е. от того, какая масса произведённого продукта была востребована. Величина же прибыли в конкретном, *единичном акте обмена* определяется соотношением *спроса и предложения*.¹

«...если товар продаётся по его стоимости, то реализуется

¹ «Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации её не тождественны. Они ... по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества». Там же, Т.25-1, С. 268.

«Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; ...в действительности, в условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован». Там же, С. 50.

прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно, равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль».¹

Утверждение, что «капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости», есть косвенное признание того факта, что прибыль, зависящая от прибавочной стоимости и являющаяся её материальной формой, это функция не собственно производства, а совокупности общественных отношений, включающих как общественное производство, так и общественное потребление – в этом сущность прибыли. Наличной же прибыль становится в результате разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями, а в конкретном акте обмена – между спросом и предложением.

Очевидно, что прибыль как целиком определяемая соотношением общественных потребностей и общественных возможностей (а в них, в свою очередь, учитываются стоимостные отношения) в разных сферах человеческой деятельности будет целиком зависеть от конъюнктуры, складывающейся в этих отраслях. Разные конъюнктурные соотношения, влияя на относительную величину прибыли (т.е. на степень реализации прибавочной стоимости), формируют условия для возникновения конкурентной борьбы между отраслями за привлечение нового капитала.

Говоря об общественных потребностях и их роли в разрешении противоречия между ними и общественными возможностями следует определить критерии, по которым иерархизируются потребности. Применительно ко всему обществу это, очевидно, будут основные человеческие потребности, — в пище, в одежде и в жилище, — и любое общественное производство будет удовлетворять, прежде всего, именно эти потребности. Но чем более детально мы будем рассматривать общество, тем более эти всеобщие потребности будут конкре-

¹ Там же, С. 44.

тизироваться в совершенно других критериях. Так, на уровне частного производителя, частного капитала (и вообще капитала как такового), иерархия потребностей будет определяться преимущественно теми обстоятельствами, которые влияют на величину прибыли. А для капиталиста это, прежде всего, условия производства (мы рассматриваем производственную сферу, но эти соображения общи для всех сфер приложения капитала), т.е. возможность постоянного воспроизводства процесса извлечения прибыли, что, в свою очередь, зависит от двух факторов — возмещения издержек производства и эффективности их использования.

Т.о. из предоставленных ему предложением возможностей капиталист выберет, при прочих равных условиях (а на практике и не всегда совсем равных), те из них, которые позволят повысить величину прибыли. Это значит, что потребительные стоимости, которые по определению представляют общее качество – полезность – он будет рассматривать с иной, конкретной, точки зрения – с точки зрения их эффективности. Потребительная стоимость, тем самым, на практике приобретает ещё одну сторону – потребительную *ценность*, полезность полезности, эффективность. Стремление капиталиста к большей прибыли создаёт неравномерность, помехи в процессе извлечения прибыли в целом – часть предложения не находит спроса, в то время как другая часть имеет неудовлетворённый спрос. В действие вступает механизм конкуренции, в котором существенную роль играет норма прибыли, представляющая собой отношение массы прибыли к применённому капиталу.

На основании общего определения нормы прибыли как отношения прибыли ко всему капиталу Маркс применяет в своём анализе ещё два выражения нормы прибыли – среднюю норму прибыли и общую норму прибыли. Несмотря на то, что прямого определения их выражения не приводится, из рассуждений Маркса можно сделать вывод, что средняя норма прибыли определяется как среднеарифметическое норм прибыли капиталов предприятий отрасли или капиталов отраслей по отношению к капиталу в целом.

Общая норма прибыли имеет двоякий смысл. Во-первых, как отношение массы прибыли к массе капитала отрасли или капитала в целом. Величина нормы прибыли, вычисленной таким образом, отличается от средней нормы прибыли. Во-

вторых, как общая всем капиталам некая императивная норма, определяющая величину получаемой прибыли соответственно величине капитала. Как таковая общая норма прибыли определяет цены производства, исходя из издержек производства.

Средняя норма прибыли позволяет выявить наиболее эффективные и, соответственно, прибыльные производства, отрасли в отношении друг к другу. Общая норма прибыли даёт возможность оценить эффективность производств по отношению к отрасли в целом, а отраслей по отношению к капиталу в целом.

Т.о. норма прибыли становится индикатором эффективности капиталовложений.

Но *индикативная* функция нормы прибыли необходимо влечёт за собой возникновение *регулятивной* её функции. Неравномерность нормы прибыли заставляет перетекать капитал из менее прибыльных в более прибыльные отрасли и производства. Появляется тенденция к выравниванию нормы прибыли, которая действует одновременно с тенденцией к её нарушению. Обе тенденции представляют собой стороны механизма конкуренции, вследствие чего капиталистическое производство движется неравномерно, через периодические кризисы.

В конкурентной борьбе норма прибыли выполняет и ещё одну функцию, *нормативную*. Общая норма прибыли как в отраслях, так и для капитала в целом отражает средние условия производства и, т.о., определяет средние в отрасли и обществе затраты труда на производство того или иного товара. В таком качестве общая норма прибыли формирует цены производства.

В итоге противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями разрешается в конкурентной борьбе капиталов таким образом, что совокупная прибыль общества складывается из прибылей частных капиталов (частное формирует общее), тем не менее, частные капиталы ищут места своего приложения под постоянным давлением нормы прибыли (общее детерминирует частное), которая определяется отношением совокупной прибыли к совокупному капиталу, а в отраслях отношением прибыли отрасли к капиталу отрасли.

При этом, как следует из анализа, наличная, актуальная

норма прибыли выступает как норма, сложившаяся в результате разрешения «вчерашних» противоречий — от противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями в масштабе всего общества, до противоречий между конкретным спросом и конкретным предложением на уровне отраслей и производств. Тем самым норма прибыли отражает *предыдущий* уровень развития производительных сил и общественных отношений и уже поэтому не может адекватно выразить *наличные* производительные силы и общественные отношения. Капиталистические производственные отношения всегда ориентированы нормой прибыли на уже пройденные производственные процессы. В этом качестве норма прибыли консервативна, а при определённых обстоятельствах и реакционна. Т.о. капиталистическое производство имманентно стихийно, консервативно (в известных пределах), случайно, не отражает истинных общественных интересов и, как следствие, часть труда затрачивает нецелесообразно.

Выход из этого положения прокладывают новые научно-производственные решения, но это качество отнюдь не капитализма, а человека как саморазвивающейся субстанции. Именно фундаментальное свойство человеческой сущности и находящийся в её основании феномен отражения как механизм разрешения противоречия между материальным и идеальным в человеке, является двигателем развития человека, в т.ч. и его производительных сил. Капитал же паразитирует на человеческих субстанциональных качествах, и, несмотря на всю свою активность в деле извлечения прибыли, по отношению к сущности человека он подобен путам на ногах, поскольку ориентирован только на грубо материальное, прибыль, используемую для получения новой прибыли. Человек при этом не более чем средство извлечения прибыли, нечто вторичное по отношению к ней.

Есть ещё один момент субстанциональной точки зрения, который вступает в противоречие с выводом Маркса о законе тенденции нормы прибыли к понижению и сделанных им на этом основании выводов о пределе капитала.

Согласно Марксу стоимость, а также прибавочная стоимость и, соответственно, прибыль, образуются за счёт применения исключительно живого труда. Но «так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравне-

нию с массой приводимого им в движение овеществлённого труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать».¹

На первый взгляд логично, но при таком понимании источника стоимости невозможно объяснить возникновение стоимости, прибавочной стоимости и прибыли в тех современных автоматизированных производствах, в которых человеческий труд применяется в весьма малых размерах и даже этот труд почти не участвует в *создании* продукта труда, но только *обслуживает* машины. Т.е. этот труд *не изменяет* формы предметов труда, а только *перемещает* их от машины к машине. В случае же полностью автоматизированного производства, без участия человека (для некоторых производств это уже технически возможно и эта тенденция будет развиваться), и вовсе становится невозможным объяснить источник стоимости.

Согласно Марксу же стоимость создаётся не потому, что труд просто *затрачивается*, а потому, что он затрачивается *целесообразно*, полезно, *изменяет* форму предмета труда, т.е. действует *активно* и тем самым *создаёт* потребительную стоимость. «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей».² В этом *сущность* труда как создателя стоимости – в активной роли в изменении предмета труда. Но труд, обслуживающий машины и перемещающий предметы труда, ничего *не создаёт*, поскольку не принимает *непосредственного* участия в изменении формы продукта труда, он создаёт только *возможность* такого изменения. Однако в такую детализацию процесса труда Маркс не вдавался, ограничившись несколькими общими абстрактными постулатами:

- «потребление рабочей силы — это сам труд»;³

¹ Там же, С. 233.

² Там же, Т. 3, С. 195.

³ Там же, С. 188.

- «простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»;¹

- «средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»;²

- «стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, общественно необходимым для его производства».³

Объединив в понятии труда все факторы комплексной человеческой деятельности, использующей орудия труда, без детального анализа функций и роли каждого из них, Маркс тем самым исключил возможность понять роль *активных* факторов процесса производства в создании стоимости.

Если же труд рассматривать более широко, в соответствии с указанием самого Маркса – не просто как затрату человеческой рабочей силы, а как целесообразную деятельность человека по созданию продукта труда с использованием средств труда, то в этом случае без анализа роли средств труда не обойтись. Но полностью понять сущность деятельности и, шире, движения вообще, можно только приняв концепцию субстанционального монизма, признания субстанциональности реальности как единства материального и идеального.

При таком взгляде становится возможным объяснить источники стоимости, в создании которой принимают участие и орудия труда. Т.о. прежде чем говорить о тенденции нормы прибыли к понижению вследствие уменьшения переменного капитала и роста органического строения капитала, следует провести конкретные исследования как стоимостного строения капитала, так и величины доли орудий труда (но не постоянного капитала в целом, в который входит и стоимость сырья) во вновь создаваемой стоимости. Априори можно утверждать только то, что с исчезновением переменного капитала норма прибыли не станет равной нулю, и что нет постоянной тенденции к снижению нормы прибыли, но изменение этой нормы определяется изменением эффективности ос-

¹ Там же, С. 189.

² Там же, С. 190.

³ Там же, С. 198.

нового капитала, представленного в орудиях труда. Разумеется, что в анализе следует учитывать и общественные отношения, упомянутые выше – соотношение общественных потребностей и возможностей.

В связи с предлагаемым взглядом на роль постоянного капитала в создании стоимости по-иному видится и вывод Маркса о пределах капитала.

Согласно Марксу с понижением нормы прибыли «капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым».¹

Но, как мы убедились, такой тенденции нет и норма прибыли определяется конкретными условиями капиталистического производства и общественных отношений. Следовательно, со стороны нормы прибыли капитал ограничения не имеет – пока существует общественное потребление, будет существовать и прибыль, и, как итог, возможность возрастания капитала.

Можно поспорить и с тем, что «*настоящий предел* капиталистического производства — это *сам капитал*, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. ...Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала».²

Здесь имеется внутренняя алогичность. Средство («безграничное развитие общественных производительных сил»), в том случае если оно способствует достижению цели (а оно, как выяснилось, как минимум не препятствует), не может конфликтовать с целью («увеличением стоимости существующего капитала») по определению, тем более что «производство есть только производство для *капитала*», т.е. замкнуто внутри себя. Оно может быть только более или менее эффективным. Поэтому и с этой стороны ограничения в развитии

¹ Там же, Т. 25-1, С. 265.

² Там же, С. 274.

капитала нет.

Однако безграничное развитие производительных сил в форме автоматизированных производств ставит предел капиталу с иной стороны. Уменьшение (а, в перспективе, и исчезновение) переменного капитала имеет другой стороной уменьшение потребности в рабочей силе, т.е. в людях, следствием чего становится резкое увеличение безработицы и уменьшение покупательной способности населения. Обратной стороной этого процесса является уменьшение спроса и падение прибыли, в итоге стагнация и деградация производства. Этот самоподдерживающийся процесс при определённых условиях вполне может стать необратимым и иметь самые разрушительные последствия для общества. Развитие производительных сил при сохранении капиталистических общественных отношений потенциально способно разрушить общество.

Но если в этом случае капитал в целях самосохранения может ограничивать рост производительных сил (и в этом проявляется его загнивание), то всё более нарастает опасность с другой стороны.

Если ранее, как заметил Маркс, промышленный капитал подчинил себе прежде господствовавший ростовщический капитал, то теперь ростовщический капитал, прошедший ряд превращений и принявший форму финансового капитала, полностью подчинил себе промышленный капитал. Если для промышленного капитала целью его деятельности является производство прибавочной стоимости и её превращённой формы – прибыли, и потому он должен развивать производство, то для финансового капитала, как и для ростовщического, главной целью является господство,¹ но это уже не просто господство над производителями, а абсолютная власть над всем обществом. И возможности для финансового капитала в этом отношении постоянно возрастают. С приобретением же полной власти над обществом финансовому капиталу нет необходимости поддерживать промышленный капитал, – источник его силы в нём самом, — пока существует финансовая сфера, опосредствующая отношения между людьми и инсти-

¹ «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению». Там же, Т. 23, с. 606.

тутами общества, финансовый капитал всемогущ. Но капитал, существуя в форме финансового капитала, и не имея других целей кроме абсолютной власти, перестаёт считаться с какими-либо человеческими потребностями, он сам начнёт определять эти потребности и, заодно, количество тех, кто ими обладает. Опасность перехода человечества в такое состояние чрезвычайно велика и, более того, со временем увеличивается, поскольку возрастает сила финансового капитала. Экономическим механизмом воздействия на общество с целью его подчинения власти финансового капитала, в этом случае, вполне может стать то самое безграничное развитие производительных сил, о котором сказано выше.

Учитывая реальную опасность подобного развития событий следует подробно и глубоко исследовать возможные варианты достижения предела в развитии капитала:

- предел промышленного капитала в его движении к полной автоматизации производства;
- предел капитала как общественного отношения — функционирование финансового капитала, который кладёт предел промышленному капиталу и вместе с ним всему обществу.

1.5. Рента

Начнём с общего определения ренты, данного Марксом.

«В определённые сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заёмщик денежного капитала — определённый процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных угодий, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход...».¹

Земельная рента в самом общем виде здесь определяется как доход, получаемый собственником земли за использование её другим лицом. Но эта форма получения дохода ничем

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-2, С. 167.
212

не отличается от сдачи в аренду любой иной собственности, не земельной. Тем не менее, Маркс и другие исследователи отдельно выделяют ренту в особый вид дохода и привязывают этот доход ко времени аренды, оставляя, до поры, в стороне экономические и производственные факторы, которые одни только и способны влиять на сам доход. Однако, время аренды как таковое не может служить основанием для количественного определения суммы арендной платы, оно может быть не более, чем неким коэффициентом, влияющим на величину этой платы. Источник же ренты следует искать в собственно производительном процессе. Впрочем, мы к этому ещё вернёмся, пока же рассмотрим утверждение, что земля не имеет стоимости.

«В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, *la terre-capital* (земля-капитал). Он относится к категории основного капитала».¹

«...земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости».²

Маркс относит землю к категории капитала на том основании, что капитал вкладывается в землю как в средство производства, и в качестве средства производства земля является основным капиталом. Но, с одной стороны, признавая землю средством производства и основным капиталом, Маркс, с другой стороны, отказывает ей в праве на обладание стоимостью на том основании, что она не является продуктом труда. В рамках трудовой теории стоимости эту антиномию не разрешить.

Поскольку земля относится к основному капиталу не только формально, а по самой своей сущности, как средство производства, то, как вполне вещественный фактор, участвующий в капиталистическом производстве, она имеет стоимость, но понять сущность её стоимости можно только с точки зрения субстанционального подхода.

Любому материальному объекту соответствует его идеальное как представление, снятие процесса его возникновения и изменения. Не составляет исключения и земля. Её экономическим качеством, вовлекающим землю в процесс производства и, тем самым, в общественные отношения, является способ-

¹ Там же, С. 168.

² Там же, С. 172.

ность либо *непосредственно* производить потребительные стоимости, что используется в сельскохозяйственном производстве, либо предоставлять *условия* для производства потребительных стоимостей, что используется в промышленности, строительстве и т.д.

Эта способность земли, всецело определяемая её природными свойствами, появилась в результате геологических и биологических процессов, которые в её наличном состоянии представлены в снятом виде, идеально. Именно эта сторона, представляющая *производительную силу земли*, и рассматривается как стоимость в капиталистических отношениях. И это вполне реальный экономический факт. Да, земля не есть продукт труда, деятельности человека, *особенного*, но она есть продукт деятельности природы, и *всеобщая* деятельность природы, создавая материальное, тем самым создаёт и соответствующее материальному идеальное как снятие этого процесса. Применительно к земле её идеальное в общественных капиталистических отношениях предстаёт в *особенной* форме — как стоимость.

Идеальное земли, представляющее её производительную силу, в экономических капиталистических отношениях предстаёт именно как стоимость, т.е. как капитал, способный производить новую стоимость или создавать условия её производства. Этот капитал может действовать в двух формах, о которых говорилось ранее – как активный капитал, создающий новую стоимость (сельскохозяйственное производство), и как пассивный капитал, только предоставляющий условия создания новой стоимости, (промышленность, строительство и т.п.). Но поскольку стоимость земли не создаётся деятельностью человека, то она и не имеет собственной цены как отражения издержек производства и её цена определяется всецело только характером производительной силы земли, т.е. способностью создавать (или способствовать созданию) новую стоимость.¹

То, что человек в своей практической деятельности, даже совершенно не сознавая этого, активно использует идеальное,

¹ «Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4000 фунтов стерлингов. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость...». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-2, С. 172.

им не понимаемое, косвенно свидетельствует о внутренней диалектичности мышления, что, в свою очередь, есть необходимое следствие из внутренней диалектичности всей природы.

Сказанное о земле верно в отношении *всех* природных объектов, вовлечённых в человеческую деятельность.

Теперь мы можем сказать, что земельная рента — это плата за способность земли как основного капитала создавать стоимость в форме сельскохозяйственного продукта (активный капитал), или за предоставление условий для создания стоимости (пассивный капитал). Источником ренты, т.о., является доход, образующийся за счёт использования производительной силы земли. Т.е. *сущностно рента ничем не отличается от любого иного дохода, образующегося в производительной сфере.*

Однако, обосновывая своеобразие земельной ренты как дохода, определяемого временем аренды, Маркс расширяет понимание этого своеобразия вплоть до внеэкономических отношений.

«...своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земельные продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземельские продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Свообразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земельные продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без её содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту».¹

Т.е. главным условием извлечения земельной ренты является некая «сила», которой обладает собственник земли и не обладают лица, владеющие иной собственностью, отличной от земельной. Другими словами, земельная собственность есть собственность, отличная от других форм собственности и вследствие этого отличия по какой-то непонятной причине обладающая особой «силой», позволяющей ей увеличивать долю присваиваемого по мере развития стоимостных, т.е. капиталистических, отношений. Поскольку источник этой силы не

¹ Там же, С. 189.

объясняется, то не остаётся ничего иного как сделать тавтологичное предположение, что имеется в виду, что источник «силы» земельной собственности заключается в самой собственности как таковой. Вряд ли фетишизация некой «силы» способна прояснить что-то в понимании сущности земельной ренты, более того, здесь можно усмотреть даже некое сомнение в материалистической идее.

Со всех точек зрения отношение собственности есть общественное отношение, дающее обладателю собственности, т.е. некоего материального блага, право получать продукт (или долю продукта) труда, произведенного с помощью этой собственности, даже если продукт произведен другими лицами, только использующими собственность. Фактически существующее отношение может быть узаконено юридически, но это сущности отношений собственности не меняет. При этом материальная форма собственности не влияет на *характер* присвоения, которое по форме является *отчуждением* продукта, капиталистическая форма которого представляет собой часть прибыли лица, использующего собственность в целях капиталистического производства.

Т.о. собственник на основании права собственности присваивает часть продукта, произведенного с помощью собственности как материального объекта другим лицом. Конкретная величина присваиваемого продукта определяется сложившимися рыночными отношениями, на которые влияют количество и качество произведенного, и рыночной конъюнктурой, но отнюдь не материальной *формой* собственности. И потому «вместе с условиями реализации стоимостей развивается» «сила» *любой* собственности, а не только земельной, «присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без её содействия стоимостей», т.е. способность присваивать определённую долю продукта (прибыли) в зависимости от условий, указанных выше.

Далее, земельная собственность как таковая, будучи вовлечённой в капиталистические отношения, *экономически* ничем не отличается от любой другой собственности и с этой точки зрения обладает одинаковой с ними «силой» присваивать часть продукта. В этом отношении земельный собственник ничем не отличается от собственника, например, мельницы, судна, транспортного средства, предприятия и т.д., сдаваемого в аренду, поэтому доля его участия в получении части

прибыли такая же, как и любого иного собственника, участвующего в капиталистическом распределении – доля, пропорциональная величине капитала, в его случае цене земли.

И хотя, по сути, эта доля земельного собственника есть не что иное, как процент на капитал, тем не менее, Маркс разделяет эти категории, процент и ренту, как несовместимые, поскольку они имеют разные источники. Рента образуется как плата за использование земли, процент как доход от вложенного в землю капитала.

В качестве примера им рассматривается земля, сдаваемая в аренду для строительства домов. Т.о. земля приносит доход её собственнику как арендная плата и арендатору как процент на вложенный в строительство капитал.

«Этот пример собственности на строения важен, 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достаётся промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определённые сроки, за пользование землёй; 2) потому что он показывает, как вместе с землёй, в конце концов, достаётся земельному собственнику и вложенный в неё чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

...авторы нового времени, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на вложенный в землю капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает ещё даром и чужой капитал в придачу».¹

Но в рассмотренных случаях нет никакой разницы между *сущностью* ренты и процента на капитал. Ссылка Маркса на то, что процент на вложенный капитал достаётся промышленнику, а рента собственнику земли, есть всего лишь указание на *внешние* обстоятельства *формы отчуждения* ренты и

¹ Там же, С. 171.

процента, не имеющие никакого отношения к собственно их *возникновению*.

И в том, и в другом случае величина дохода зависит от величины соответствующего капитала. В случае собственника земли это капитал, определяемый производительной силой земли и соответствующий её цене. Во втором случае это капитал, вкладываемый капиталистом в производство. Эти две составляющие совокупного капитала и определяют стоимость и прибавочную стоимость производимого продукта. А уж разделить прибавочную стоимость на части, пропорциональные указанным капиталам, не составляет труда.

Различие между земельной рентой и процентом с капитала только в формах *отчуждения* дохода, а не в источниках и формах его *возникновения*, а также в том, что арендная плата может выплачиваться априори, до получения прибыли, а процент на вложенный капитал как часть прибыли возникает апостериори, после получения прибыли. Но обе формы дохода зависят от величины капитала и полученного на него дохода, т.е. сущностно одинаковы.

Форма получения ренты – за *время* пользования землёй, отличается от формы процента – пропорционально *величине* капитала, но и источник ренты, и источник процента один – прибавочная стоимость, зависящая от величины совокупного капитала (земли-капитала в виде арендной платы и капитала, вкладываемого в землю капиталистом и т.о. присоединяющегося к земле-капиталу). Косвенно это подтверждается тем, что капитал, вложенный в землю и увеличивший её производительную силу, по окончании срока аренды присоединяется к стоимости земли и новая аренда рассчитывается исходя из увеличенной стоимости земли.¹

Причины того, почему рента отчуждается в форме платы за время пользования землёй, а не зависит непосредственно от

¹ «...произведенные в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли». Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-2, С. 169.

«Земельная рента может быть смешана с процентом еще в одной форме, и в силу этого её специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определённой сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли». Там же, С. 171.

прибыльности земли как основного капитала, хотя, тем не менее, высчитывается исходя из стоимости земли, представлением которой выступает цена земли, определяются следующими обстоятельствами.

Во-первых, исторически сложилось, что рента уплачивалась за время пользования землёй, а, как известно, что написано пером (в данном случае пером истории), не вырубишь топором. Другими словами то, что вошло в обычай (в данном случае земельные арендные отношения), обладает большой прочностью и изменение устоявшихся отношений требует значительных усилий, но, в первую очередь, новых условий, которые должны ещё сложиться. Во-вторых, собственник земли не желает нести ответственность за успешность или неуспешность деятельности капиталиста, арендующего землю. Сельскохозяйственное производство зависит от климатических и погодных условий и потому подвержено значительным колебаниям. По этой причине выгоднее получать гарантированный доход, не зависящий от случайных причин. В отношении других земель, где доход более стабилен, к указанным причинам присоединяется также нежелание капиталиста-производителя делиться с собственником земли дополнительной прибылью в случае её возникновения.

Мы рассмотрели общие положения относительно ренты, источников её получения и соотношения ренты и процента на капитал. Обратимся к формам ренты. Классическая политэкономия традиционно разделяет ренту на две формы – дифференциальную и абсолютную.

Дифференциальная рента образуется за счёт «добавочной прибыли, которая сводится ... к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью».¹

«Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости».²

¹ Там же, С. 194.

² Там же, Т. 25-1, С. 195.

Ещё раз подчеркнём, что, как следует из приведенной цитаты, рента есть часть прибыли, т.е. пропорциональна вложенному капиталу, и в этой форме она не может быть ничем иным, как процентом на капитал.

Попутно отметим ещё один момент: «...эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает её. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства».¹

На это следует заметить, что общая цена производства формируется *всеми* товарами, представленными на рынке, т.е. *всеми* производствами. И в этой общей цене посредством механизма конкуренции учтены индивидуальные особенности производств и, соответственно, индивидуальные цены производства. Существующая же разница между общей ценой производства и индивидуальными ценами производств позволяет извлекать дополнительную к средней прибыль. Рынок сельскохозяйственных продуктов исключения не составляет, поскольку полностью включён в капиталистические отношения. Поэтому и дифференциальная рента «возникает из разности между индивидуальной ценой... и общей ценой производства» точно так же, как и дополнительная прибыль в промышленности.

В сельскохозяйственном производстве индивидуальный капитал пользуется своим особым положением, заключающимся в меньшей цене собственного продукта, для изъятия части общей прибыли в качестве своей доли, которая предстаёт в форме дифференциальной ренты. Но то же самое наблюдается и в промышленности.

Меньшая же цена собственного продукта некоего индивидуального капитала по сравнению с общей ценой производства есть следствие меньших издержек производства индивидуального капитала. Но почему такое возможно? Главная причина здесь – большая производительность индивидуального капитала по сравнению с другими капиталами той же

¹ Там же, Т. 25-2, С. 196.

сферы.

«Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда... Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, ...такой естественной силы, которую можно монополизировать».¹

«Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определённой затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определёнными природными условиями определённой части земли... Владение этой естественной силой составляет монополию в руках её владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землёй. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких её условий, которые могут быть созданы как общие условия...»

При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достаётся собственнику...

...и именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту».²

Т.е. условием повышенной производительности капитала является использование им производительной силы земли и владение этой силой составляет монополию капитала.

Но с точки зрения отношений собственности владение этой силой как таковое ничем не отличается от владения рукотворной силой, орудиями труда. Отличие только в том, что природная сила – даровая, но в капиталистических экономи-

¹ Там же, С. 195.

² Там же, С. 196.

ческих отношениях она также оплачивается. Эта плата и есть рента. И никакой особой «силы» от монопольного владения не появляется – есть только присвоение результатов работы природы. И возможно такое присвоение только при наличии отношений собственности. По этой причине, как следствие таких отношений, а не от наличия некой мифической «силы» земельной собственности, и появляется рента как форма добавочной прибыли.

Т.о. налицо включение в экономические отношения кроме производительных сил человека также и производительных сил природы, причём в явном виде. Идеальное природы как снятие процесса возникновения и развития некоего конкретного материального объекта (в данном случае земли), отражающее его способность быть производительной силой, и выступает в капиталистических отношениях как стоимость, т.е. как отражение реального производительного процесса. В данном случае этот процесс есть деятельность природы по созданию земли, пригодной для использования человеком.

В своих общественных отношениях человек, даже не осознавая сущности идеального, тем не менее активно использует это идеальное в своей практической деятельности. Именно эту сторону реальных экономических отношений описал Маркс в приведенных цитатах.

Но в итоге он делает заявление, полностью перечёркивающее предыдущие выводы: «...сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь её естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда».¹

В этой фразе заключено несколько противоречивых утверждений. Так, Маркс говорит об «исключительно высокой» производительности труда на естественном, т.е. природном, базисе. Напомним, что здесь говорится о базисе как земле для сельскохозяйственного производства. Но в целом ряде других мест Маркс совершенно справедливо указывает на гораздо более низкую, по сравнению с промышленным производством, производительность труда в сельскохозяйственной сфере. Если же речь идёт о сравнении только земельных производителей, то уместнее говорить не об «исключительно высокой», а об *относительно* высокой производительности

¹ Там же.

труда – ведь именно относительная производительность лежит в основании дифференциальной ренты.

Но главное противоречие в другом. По Марксу базис, в данном случае производительная сила природы, оказывает какое-то волшебное действие на рабочую силу, отчего её производительность вдруг резко возрастает, но никаких оснований этому не приводится и анализ этого, явно неординарного (более того, уникального), явления отсутствует. Назвать производительную силу природы базисом чрезвычайно мало для объяснения сущности отмеченного явления. Остановиться на фиксации некоего феномена и назвать его по-иному, считая это объяснением, есть странное для материалиста, тем более диалектика, утверждение.

Рассмотрим другую форму ренты – абсолютную ренту.

При анализе сущности абсолютной ренты Маркс выдвигает много предположений и допущений.

Предполагается, что существует превышение рыночной цены над ценой производства на худших землях, определяющих пресловутую цену производства. Тем самым превышение составляет ренту.

Это предположение объясняется уже другим предположением, тем, что «как только возникнет дополнительное предположение, то изменится явно и соотношение спроса и предложения. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на земле *A*».¹ Это предположение влечёт следующее – «Но более низкое плодородие вновь обрабатываемой земли *A* приводит к тому, что цена не упадёт снова до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства продукта земли категории *B*. ...Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем земля *A*, которая была до того времени регулирующей, и, однако, её достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остаётся без изменений».²

Если выделить то общее, что объединяет все приведенные предположения в логическую цепочку, то на первый план

¹ Там же, С. 308.

² Там же.

выйдет конкретное условие возникновения ренты на худших землях, а именно, повышение цены вследствие роста спроса, и, т.о., возникает необходимость выявления причин роста спроса, т.е. соотношения общественных потребностей и возможностей. Но вместо того, чтобы исследовать эти причины, Маркс делает ещё одно предположение.

Для того чтобы возникла рента как избыток над ценой производства «возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, все равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля *A* не может быть возделана, если она не даст ренты. ...Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля *A* не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту».¹

Другими словами, после повышения цены на продукт земли:

- или дополнительные затраты капитала на старых землях станут давать ренту и, т.о., новые земля не будут обрабатываться, если они не дадут ренты;

- или дополнительные затраты на старых землях не дают ренты, и тогда новые земли начнут возделываться в случае, если они станут приносить ренту.

Но эти случаи не принципиальны – для возникновения ренты как таковой совершенно неважно, на каких землях она станет возможна, на старых, в случае вложения нового капитала, или на новых землях, если капитал вкладывать в них, а не в старые земли, это обстоятельство внешнего, по отношению к сущности ренты, характера. Принципиальным же в вопросе о ренте является то повышение цены, которое даёт возможность получения ренты, а такое повышение будет следствием повышения спроса, т.е. следствием изменения соот-

¹ Там же, С. 313.

ношения общественных потребностей и возможностей.

Однако, Маркс делает довольно неожиданный вывод: «В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля *должна* (выделено мной) приносить ренту для того, чтобы её вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба...».¹

Утверждение, что потребность собственника земли в ренте ведёт к повышению цены хлеба, а не наоборот, повышение цены хлеба даёт возможность (которой до сих пор не было) получения ренты, представляет собой довольно странный вывод. Из него следует, что реальность, внутри которой объективно происходит формирование цены производства (т.е. отношения рынка) и образование дополнительной прибыли как разницы между ценой производства и индивидуальной ценой и, тем самым, ренты как части дополнительной прибыли, подчиняется не законам рынка, не законам функционирования капитала, а тому совершенно постороннему для рынка субъективному обстоятельству, что земельный собственник желает получать ренту («земля *должна* приносить ренту»). Получается, что первичны и главенствуют не объективные условия функционирования капитала, а субъективные желания собственника земли, который не является участником отношений производства и обмена, и уже поэтому никак не может повлиять на них непосредственно. Если же он попытается воздействовать на них косвенно тем, что увеличит арендную плату (или введёт таковую для участков, с которых она прежде не уплачивалась), то тем самым поставит на грань разорения капиталиста, арендующего землю, но никак не повлияет на увеличение цены производства.

Не субъективное желание собственника земли, что «наихудшая земля должна приносить ренту», является причиной повышения цены продукта земледелия, а наоборот, повышение цены производства, как следствие вполне объективных рыночных отношений, является причиной возникновения дополнительной прибыли и, следовательно, ренты.

Маркс объясняет своё утверждение следующими соображениями.

«Дифференциальная рента имеет ту особенность, что зе-

¹ Там же, С. 314.

мельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечёт срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность является здесь лишь причиной перенесения возникшей без содействия этой собственности (а скорее вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) известной части цены товара, которая сводится к добавочной прибыли, — причиной перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность здесь не причина, которой *создаётся* эта составная часть цены...».¹

Здесь Маркс описывает *реальный* процесс возникновения добавочной прибыли, превращающейся в ренту. Действительно, причина создания земельной ренты отнюдь не собственность на землю как таковая. Но затем он тут же делает противоположный вывод: «...если наихудшая земля категории *A* не может возделываться, — хотя возделывание её принесло бы цену производства, — пока она не принесит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей *это* повышение цены. *Собственность на землю сама создала ренту*».²

Здесь, очевидно, имеет место попытка перехода от дифференциальной ренты к той форме ренты, которая будет позже названа абсолютной рентой, т.е. рентой, получаемой собственником даже на худших землях безотносительно к другим землям.

Противоречивость этого утверждения не только и не столько формальная, — в первом случае «земельная собственность... не причина, которой создаётся» рента, а во втором «собственность на землю сама создала ренту», — а глубоко сущностная.

В свете принципа субстанционального монизма рента, рассматриваемая со стороны стоимости, есть часть прибавочной стоимости, т.е. идеального. Но стоимость как идеальное есть представление некоего материального процесса, снятие про-

¹ Там же, С. 314.

² Там же.

цесса изменения материального объекта, в данном случае производства хлеба, и потому отношения собственности к конкретному производительному материальному процессу никакого отношения не имеют (прошу извинить за тавтологию). Идеальное как форма общественного отношения не может создать другое идеальное, это возможно исключительно в мышлении, свободно обращающемся с идеальными объектами. В сфере материального (здесь мы рассматриваем материальное производство) идеальное есть представление результата некоего материального процесса. А потому рента как часть прибавочной стоимости есть результат действий арендатора земли, производительного капиталиста, а не собственника земли, никакого отношения к производительному процессу не имеющего. Отношения собственности создают не самое ренту, а только условия её присвоения, а это совершенно иной вывод.

Впрочем, Маркс прекрасно видел противоречивость своего утверждения, иначе он не сказал бы далее, что «...одна лишь юридическая собственность на землю не создаёт земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование её, которое принесёт ему известный избыток».¹ Эти выводы полностью совпадают с нашими: собственность на землю не создаёт ренты; собственность на землю создаёт только условия получения ренты («она наделяет ... властью воздерживаться от эксплуатации своей земли»); рента есть результат исключительно экономических отношений в производительной сфере («экономические отношения» дают возможность получить «известный избыток»). Другими словами, пока не возникнет дополнительная прибыль как результат вполне рыночных, чисто экономических, отношений, собственность на землю как таковая ренты не принесёт. Но если обработка земли, находящейся в собственности, позволит получать дополнительную прибыль, то собственник земли волен сдавать её в аренду и получать арендную плату, ренту.

В целях выяснения, что же является основанием абсолютной земельной ренты и какие причины приводят к её появлению, Маркс ведёт дальнейший анализ к тому выводу, что аб-

¹ Там же, С. 316.

солютная рента есть дополнительная прибыль, которая происходит из превышения стоимости над ценой производства и что это превышение возможно потому, что земельные собственники препятствуют участию стоимости, создаваемой в сфере применения их собственности, и которая выше средней стоимости, в выравнивании и перераспределении стоимости между сферами экономической деятельности. Тем самым это превышает стоимости составляет абсолютную земельную ренту. На этом пути Маркс делает ряд спорных, мягко говоря, предположений и утверждений. Рассмотрим некоторые из них.

Так, он задаётся вопросом — «входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену её продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависящий от стоимости этого товара».¹ Т.е. рента есть часть стоимости или это волюнтаристское добавление в цену по требованию собственника, а не результат производственного процесса? Вводя условие независимости ренты от стоимости товара Маркс, по сути, дезавуирует императивное условие, введённое им в начале исследования капиталистических отношений — что товары обмениваются по стоимостям. Если появляется некий налог, не входящий в стоимость, то весь предыдущий анализ экономических отношений капитала следует осуществить заново с учётом этого нового условия, легализующего *неэквивалентный* обмен, поскольку на введённое условие его выводы распространены быть не могут. Ведь согласно Марксу же стоимость не может быть получена из ничего, она может быть перераспределена, но прежде должна быть произведена. Введение такого понятия как налог, получаемый не из стоимости, есть попытка из ничего получить что-то. Даже если рента в таком виде и не произведена, то в обмене она должна быть эквивалентна стоимости, произведённой в других сферах и эта стоимость должна быть изъята в форме ренты — но это равносильно уже делавшемуся Марксом предположению о завышении цены одной из сторон обмена, что будет тут же адекватно компенсировано реакцией других сторон обмена. В итоге одностороннего выигрыша не будет.

¹ Так же, С. 317.
228

Далее следует утверждение, что «...отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, производящего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар».¹ Здесь отношение цены производства к стоимости ставится в однозначное соответствие отношению переменного капитала к постоянному. Или в алгебраическом виде:

$$\frac{\text{Цена производства}}{\text{Стоимость}} = \frac{v}{c}$$

Но затем говорится несколько иное — «цена производства товара равняется... издержкам его производства плюс присоединённая к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль».

$$\frac{\text{Цена производства}}{\text{Стоимость}} = \frac{(c + v) + m_{\text{ср}}}{(c + v) + m}$$

Как видим, второе отношение определяется тем, насколько отличаются прибыль, исчисленная в соответствии с общей нормой прибыли, и стоимость, т.е. конкретными условиями сферы обмена и конкуренцией. Первое же отношение определяется стоимостным строением капитала, никакого отношения к сфере обмена и конкуренции не имеющим. Т.о. об однозначном соответствии речи быть не может.

Изменение органического строения, т.е. отношения v/c , одинаково изменит части $(c + v)$ числителя и знаменателя и по-разному среднюю прибыль и прибавочную стоимость. Если, в соответствии с трудовой теорией стоимости, прибавочная стоимость m возрастёт (или уменьшится) пропорционально увеличению (уменьшению) переменного капитала, то средняя прибыль $m_{\text{ср}}$, определяемая конкретными условиями обмена, может вовсе не измениться. Т.е. и с этой стороны однозначного соответствия между органическим строением капитала и отношением цены производства к стоимости не наблюдается.

Утверждение, ставящее цену производства в зависимость от органического строения капитала, введено Марксом для

¹ Там же, С. 318.

² Там же, Т. 25-1, С. 171-172.

того, чтобы сделать следующий вывод: «Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала ... то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства».¹ Если в отношении стоимости это утверждение справедливо, то в отношении цены производства подобный вывод совершенно неправилен и вопрос о соотношении цены производства и стоимости должен решаться с учётом не только органического строения капитала, но и конкретных условий обмена и конкуренции, влияющих на формирование общей нормы прибыли и, как следствие, цены производства.

Поэтому вывод, что «теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства»², представляется, мягко говоря, недостаточно обоснованным.

Разумеется, что, с точки зрения трудовой теории стоимости, в сферах с низким органическим строением капитала создаётся больше прибавочной стоимости, чем в сферах с более высоким органическим строением, но прибыль, хотя и имеет основанием прибавочную стоимость, зависит также и от иных факторов.

Главный вывод, который делает Маркс исходя из приведенных выше рассуждений, таков – исследуемая форма ренты, возможна только потому, что «стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства». Там же, где это условие «отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты».³

«Однако один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, ...такой ренты, которая и в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли, которая могла бы превратиться в рен-

¹ Там же, Т. 25-2, С. 318.

² Там же, С. 319.

³ Там же, С. 320.

ту».¹

В этой фразе обращает на себя внимание факт обращения к промышленному производству, в котором экономические отношения, аналогичные таким же отношениям в сельскохозяйственном производстве, не приносят, тем не менее, ренты. Поэтому для объяснения феномена ренты Маркс обращается к отношениям земельной собственности, в которых он видит причину появления ренты.

К этому заключению он приходит через понятие цен производства, которые выравнивают товарные стоимости и т.о. перераспределяют прибавочные стоимости пропорционально величине капиталов.² «Постоянная тенденция капиталов — производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию...»³ — «...это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, ... на свободе передвижения их между этими различными сферами производства... При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства».⁴

Т.е. отсутствие помех («барьеров») в распределении прибавочной стоимости имеет следствием возникновение цены производства, которая, напомним, представляет собой издержки производства плюс средняя прибыль (прибыль, рассчитываемая исходя из общей нормы прибыли).

«Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отча-

¹ Там же.

² «Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потреблённых в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько её произведено в отдельных сферах производства и сколько её поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов». Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, С. 321.

сти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключаящих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту — земельный собственник».¹

Поэтому «вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может приносить избыток над ценой производства, то есть ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента ... образует избыток стоимости над ценой производства или часть этого избытка».²

«Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства — земледелия или добычи сырья — требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достаётся не классу капиталистов, который выжал её из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают её у капиталистов».³

Как видим, по Марксу рента образуется за счёт того, что

¹ Там же.

² Там же, С. 322.

³ Там же, С. 332.

земельный собственник препятствует распределению прибавочной стоимости тем, что ограничивает использование земли, если не получит часть прибавочной стоимости в виде ренты. Земельная собственность т.о. «тормозит» выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль и «улавливает» часть прибавочной стоимости.

Рассмотрим более подробно факторы, способствующие возникновению ренты, указанные Марксом. Начнём с перераспределения прибавочной стоимости.

Говоря о ренте, Маркс утверждает, что «барьер», поставленный собственником земли, повышает цену продукта земли и т.о. помогает реализовать дополнительную часть прибавочной стоимости. Но в условиях рынка никакие барьеры сами по себе не в состоянии повлиять на условия конкуренции и рыночной конъюнктуры, рыночные цены всецело определяются соотношением спроса и предложения и об этом обстоятельстве сам Маркс неоднократно упоминал, в том числе и в разделе о ренте – «...хотя земельная собственность может взвинтить цену сельскохозяйственных продуктов выше их цены производства, однако не от неё, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из избытка стоимости над ценой производства рента есть просто часть сельскохозяйственной прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту...».¹ Вот взгляд реалиста, материалиста.

Далее, по поводу выравнивания прибавочных стоимостей. В главе о выравнивании общей нормы прибыли Маркс говорит (эта цитата уже приводилась выше): «Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной,

¹ Там же, С. 324.

не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости».¹

Т.е. избыточная прибавочная стоимость (стоимость, превышающая среднюю) не может превратиться в дополнительную прибыль, в рассматриваемом случае в ренту, она пропадает втуне – при превышении стоимости над ценой производства не может возникнуть добавочная прибыль. Маркс сам себе противоречит.

Что же изменилось в экономических условиях капиталистического производства, что заставило Маркса изменить свой вывод? Только то, что возник некий барьер? Но рынок этот барьер проигнорирует, потому что, во-первых, этот барьер существует вне пространства рынка, т.е. вне капиталистических отношений производства и обмена и, во-вторых, рынок имеет дело только с реальными объектами, капиталами, товарами, а не желаниями неких собственников земли. Указанное противоречие Марксом проигнорировано и не объяснено.

С другой стороны, стоимость (и прибавочная стоимость как её часть) идеальна. Напомним, «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы». И как идеальная стоимость не может быть распределена самостоятельно, но только вместе с материальным, которому она «принадлежит» — продуктом труда, товаром. Поэтому прежде следует рассмотреть движение товара и затем говорить о движении стоимости.

Не находя рационального объяснения феномену ренты Маркс пытается объяснить ренту наличием непреодолимой силы, которой якобы обладает земельный собственник, как препятствия для конкуренции и выравнивания прибыли. Маркс придаёт собственности на землю некое мистическое свойство, которое позволяет обладать собственнику земли некой «естественной силой», дающей ему возможность получать ренту. Но такое предположение не помогает разрешить возникшие противоречия, а напротив, усугубляет их элементами фетишизации и мистификации, что в случае дальнейшего следования такой трактовке повлечёт отход от материалистических позиций. Ни в одном из разделов «Капитала» Маркс так не многословен, некорректен и противоречив, как в разделе о ренте. Ни в одном из разделов он не прибегает к

¹ Там же, Т. 25-1, С. 195.

помощи неких, так и оставшихся необъяснёнными, «сил», «барьеров» и т.п. для выявления сущности рассматриваемых категорий. Как ни странно, но именно недостаточное исследование категории идеального имело следствием невольное сомнение в материальности происходящих процессов.

Совсем по-иному проблема ренты предстаёт с точки зрения субстанционального монизма.

Маркс, признавая наличие «производительной силы» земли, тем не менее, отказывает ей в способности создавать стоимость, основываясь на ошибочном предположении, что последняя может быть следствием только живого труда, т.е. исключительно деятельности человека. Но принцип субстанционального монизма, обосновывая субстанциональное единство материального и идеального, следствием из этого единства имеет тот вывод, что *любой* материальный процесс своей идеальной стороной имеет идеальное представление, снятие этого процесса. Поэтому и действие производительной силы земли представлено в результате этого действия, в продукте земли, как его идеальное. Даже совершенно не осознавая сущности отмеченного феномена человек непосредственным образом использует его в своей деятельности тем, что учитывает производительную силу природы в общественных отношениях, в частности в отношениях обмена, присваивая эту силу и выдавая за свою собственную. В этих отношениях человек выступает как стихийный материалист и диалектик, скрупулёзно подсчитывающий все материальные действия природы и обращающий их в свою пользу. Но поступать так человек может только потому, что он имеет для этого материальное основание – деятельность природы.

В отношениях производства и обмена производительная деятельность природы, в частности производительная сила земли, предстаёт в идеальном виде как стоимость, созданная этой производительной силой. Эта стоимость и является основанием природной ренты (в земледелии — земельная рента), получаемой собственником земли. Основание для извлечения природной (земельной) ренты наличествует во всех случаях, когда человек использует результат деятельности природы, неважно, предстаёт ли этот результат в форме природных ископаемых, в форме сельскохозяйственных продуктов, либо в иной форме природных объектов. Это и есть форма ренты, называемая абсолютной рентой.

Пресловутый монополизм земельных собственников заключается не в мифической «силе» земельной собственности как таковой, не в её способности «захватывать» ренту, а в том общем капиталистическом отношении собственности, которое позволяет частному собственнику присваивать результат общественной деятельности, в случае земельных собственников – деятельности природы. Та неведомая сила земельной собственности, посредством которой Маркс пытается оставить часть прибавочной стоимости в форме ренты в руках собственника земли, есть не что иное, как вполне реальная производительная сила земли, создающая упомянутую стоимость, часть которой попадает в руки собственника земли как результат отношений собственности – наличия земельной собственности.

Отличие капитала, применяемого в сфере земельной собственности, в том, что он присваивает производительную силу земли, достоящуюся ему даром, и получает ренту за счёт дополнительной прибыли от этой даровой силы. Строго говоря, практически все капиталы прямо или косвенно используют производительную силу природы в форме применения её законов. Но только в случае земельной собственности эта сила персонифицируется в земельном собственнике. Объясняется этот феномен тем, что производительные силы природы, используемые в промышленном производстве, применяются одинаково всеми капиталами и потому имеют общественный характер, они не привязаны к отдельному капиталу и их деятельность и результаты «растворены» в результатах общей деятельности. В случае же земельной собственности эти производительные силы принадлежат конкретному участку земли (и, тем самым, его собственнику) и проявляются в концентрированном виде как результат именно их собственного действия.

Выше мы говорили, что рента, по сути, есть тот же процент на капитал — это так и не так. С одной стороны, существенно источником процента и ренты является стоимость, представляющая собой следствие вполне материальных производительных процессов. С другой стороны, в случае процента (т.е. промышленного капитала) эта часть стоимости происходит из *общих* всем капиталам процессов, в случае же ренты часть стоимости, являющаяся её источником, происходит из *особенностей* конкретного земельного участка. Про-

цент и рента также формально отличаются тем, что в отношении промышленного капитала последний *определяет* процент, а в случае ренты цена земли, т.е. основной капитал, *определяется* величиной ренты. Формальное отличие также и в том, что рента исчисляется из времени пользования землёй, процент же исчисляется из величины используемого капитала. Отмеченные различия и выделяют ренту в особую категорию. У процента и ренты общее это сущность, особенное же – форма.

2. О некоторых вопросах общественного развития

Мы установили, что «сущность человека как субстанции состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, – идеализации материального и материализации идеального, – которая предстаёт как единство взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, единство познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального). Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, создаваемой человеком для себя.

...Человек как субстанция существует в двух формах – как индивид и как объединение индивидов, сообщество, только внутри которого индивид и может развиваться в собственной форме».¹

Но из противоречия, выраженного в такой предельно абстрактной форме, как противоречие между материальным и идеальным, невозможно непосредственно вывести всё многообразие форм человеческих сообществ и их историческое движение, тем более выявить те связи, которые соединяют людей в сообщества и силы, которые изменяют сообщества. Следовательно, надо вывести из этого основного противоречия его производные, конкретизировать его формы, постоянно сверяясь с действительностью и её историческими предпосылками.²

¹ См. С. 88.

² С самого начала следует сказать, что даже в тех случаях, когда субстанциональное противоречие внешне представляется таким, в котором обе его стороны материальны, это всегда противоречие между материальным и идеальным, поскольку только посредством

Рассмотрение человека как субстанции, как субъекта своего саморазвития, показывает, что это саморазвитие происходит посредством создания искусственной среды обитания и, тем самым, внутренним движущим противоречием субстанции «человек» является противоречие между искусственной природой (материальное) и потребностями развития человека, которые предстают в сознании (т.е. идеально) как соотношения отражения наличного бытия и необходимости его изменения, приспособления к возникающим потребностям. При этом взаимодействие с внешней средой, природой как таковой, становится уже внешним фактором, внешним противоречием, оказывающим то или иное деформирующее воздействие на процесс создания искусственной природы, но не определяющим его.¹

В деятельности по созданию искусственной природы люди необходимо вступают в определённые отношения, которые, тем самым, выступают, с одной стороны, как фактор отделяющий людей друг от друга, индивидуализирующий (отношения связи могут возникнуть только между разделёнными сторонами), но, с другой стороны, как фактор усиливающий их взаимные связи, интегрирующий. Возникает сообщество, состоящее не из безличных особей, не гомогенизированное, а напротив, интегрированное сообщество дифференцированных индивидов, по этой причине несущее интенцию возникновения всё новых внутренних противоречий по мере роста и усложнения сообщества.

Ранее мы рассмотрели вопрос о том, что отношениями, создающими и скрепляющими связи между людьми, являются отношения отчуждения и присвоения.² Именно эти отношения находятся в основании процесса возникновения *человеческих* сообществ и именно с их возникновением человеческое стадо начинает превращаться в первобытное общество. Одно-

отражения в сознании людей, в идеальном, противоречие становится действительным и деятельным. Вне и без человека, без отражения в его сознании невозможны противоречия в обществе в какой бы внешней форме они не представали. Это необходимое следствие из признания субстанциональности саморазвивающихся сущностей как тождества материальной и идеальной их сторон.

¹ Вопрос о влиянии внешних противоречий кратко рассмотрен в главе «Противоречие». См. С. 72.

² См. С. 134.

временно отношения отчуждения и присвоения создают новый феномен, который оформляется как новые общественные отношения – отношения собственности – которые, в свою очередь, становятся источником и основанием новых внутренних противоречий, оказывающих огромное влияние на развитие человеческого общества.

Далее, развитие материальных возможностей общества имеет необходимым следствием изменение общественных отношений, приспособление их к новым возможностям. В свою очередь общественные отношения, обладающие относительной самостоятельностью, могут опережать в своём развитии материальные возможности общества, представленные производительными силами, тем самым влияя на их развитие.

2.1. Общественные отношения

Поскольку речь зашла об общественных отношениях, то, прежде чем говорить о них далее, следует выяснить какова их сущность. Субстанциональный подход требует рассматривать общественные отношения, как отношения внутрисубстанциональные, с двух сторон – материальной и идеальной.

С этой точки зрения *все* отношения между людьми, имеющие целью, способом и результатом изменение их материального состояния и окружения, относятся к сфере материального. Отражение этих отношений в сознании людей, как индивидуальном, так и общественном, относится к сфере идеального.

С материальной стороны в самом общем виде это будут отношения, имеющие целью и следствием как создание и изменение материальной основы общества, искусственной природы (или, более узко, средств для обеспечения жизнедеятельности), так и собственно самого человеческого общества (его общественных¹ институтов). По этой причине их можно назвать, с известной долей условности, материальными отношениями (так, например, отношения по созданию идеального продукта, знания, также следует отнести к материальным отношениям, поскольку это деятельность по созданию продукта, используемого в материальном производстве). При дальнейшей детализации они предстают как отношения производ-

¹ Общественных в самом широком смысле – *всех* институтов общества.

ства, распределения и обмена. Марксизм относит к этой форме отношений экономические, производственные отношения.

Соответственно, идеальное представление этих отношений, их отражение в общественном сознании, является представлением материальных общественных отношений с идеальной стороны. Эта сторона общественных отношений в марксизме относится к формам индивидуального и общественного сознания (мораль, религия, философия, искусство, политическая и правовая формы сознания и т.п.).

Мы уже говорили, что в живых формах субстанций внешнее материальное отражается в идеальной форме (т.е. превращённой форме) и уже в таком виде проявляется как побуждение к действию, как реакция на внешние условия. В субстанции человек идеальное отражение внешнего мира подвергается обработке сознанием и в итоге предстаёт уже в очеловеченной форме, побуждающей не приспособляться к внешнему миру, а приспособлять мир к себе. Идеальное человека, вырастая из материального, активно и как таковое начинает уже само определять материальное – то новое материальное, которое необходимо человеку для дальнейшего развития. Т.о. в субстанции человек материальное и идеальное постоянно перетекают друг в друга, меняются местами, попеременно выступая ведущей стороной противоречия между материальным и идеальным.

Следует отметить следующий момент. По Марксу «совокупность ... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания».¹

Как видим, наряду с производственными отношениями, которые Маркс определяет как базис общества, он также выделяет и нечто производное от них в форме «политической надстройки». В то же время идеальная сторона, «формы общественного сознания», соотносится («соответствует») и с базисом, и с надстройкой, «возвышающейся над базисом», отражает их. Надстройка же, на первый взгляд, предстаёт как нечто самостоятельное, отличное и от базиса, и от общественного сознания, и не относящееся ни к базису, ни к со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 13, С. 6-7.
240

знанию – это такое промежуточное звено.

На самом деле здесь нет никакой двусмысленности. В основании жизнедеятельности общества лежат вполне материальные факторы, экономическая структура, вне которой и без которой никакая общественная жизнь невозможна. Только на таком материальном основании возможно появление и развитие всех иных общественных отношений, кроме производственных, и соответствующих им общественных институтов. Вот почему производственные отношения являются базисом, а другие общественные отношения, определяющие непродуцированные сферы жизни общества, предстают как надстроечные (т.е. основанные на базисных отношениях).

Подобно тому, как производственные отношения составляют экономическую структуру общества, так и политические и юридические отношения образуют политическую структуру общества.¹ Но как экономические отношения выражаются во вполне материальных действиях в сфере производства, так и политические отношения выражаются во вполне материальных действиях в сфере управления людьми, в действиях государственных институтов и т.п. – здесь отличие не существенное, а функциональное. Отношение производности политической надстройки от экономического базиса у Маркса выражает не её полную зависимость, подчинённость, вторичность по отношению к базису, а гораздо более сложное отношение взаимозависимости, неразрывности. Детерминированность надстройки базисом не односторонняя и не однозначная – надстройка «возвышается» над базисом, но не копирует его, она относительно самостоятельна и как таковая, в свою очередь, может оказывать воздействие на базис.

Общественное же сознание, существующее в различных формах – и как сознание общества в целом, и как классовые, групповые формы сознания – идеально представляет, отражает, общественные отношения, как базисные, так и надстроечные.

Общественные отношения как таковые, сами по себе, не производят *непосредственных* материальных действий. Общественные отношения могут произвести такие действия только *посредством* особых структур, создаваемых обще-

¹ И шире – все формы общественных отношений участвуют в образовании целостной структуры общества.

ством. В сфере производства это экономические институты, действующие через производственные и иные организации. В политической сфере это государственные институты, действующие посредством государственных учреждений (к которым следует отнести и выборные органы власти независимо от их формального статуса). Сюда же следует отнести и общественные институты.

Т.о. отношения людей в процессе их жизнедеятельности, рассматриваемые со стороны создания и изменения материальной основы жизни общества, а также управления самим обществом (что также относится к материальным отношениям, поскольку изменяет структуру общества), предстают как разные формы общественных отношений (производственные, политические, культурные и т.д.). Эти отношения в марксизме предстают с двух сторон – со стороны развития материальной основы жизни общества (производственные, базисные) и со стороны развития собственно самого общества (надстроечные).

С идеальной стороны общественные отношения предстают как их отражение в сознании, как разные формы индивидуального и общественного (классовые, групповые и т.п.) сознания.

С точки зрения субстанционального монизма субстанциональность общества выражается в неразрывной связи, тождественности материальной и идеальной сторон, вследствие чего общественным отношениям, реализуемым в практических действиях, соответствуют идеальные формы, отражение реальности в общественном и индивидуальном сознании. В жизни общества связи материальной и идеальной сторон настолько многогранны, глубоки, сложны, что однозначно утверждать о первичности одной из сторон и детерминированности ею другой невозможно. Можно только сказать, что эта первичность ситуативна, актуальна, конкретна и определяется не только всем комплексом действующих факторов, но и предшествующим историческим развитием, приведшим к наличному состоянию. Последнее обстоятельство, историчность развития, чрезвычайно важно и в огромной мере определяет ход общественного движения.

Насколько справедливо утверждение, что материальная, производственная сторона определяет и надстроечную, и идеальную, настолько же справедливо и обратное утверждение,

что без предварительной переработки в сознании, без идеального, невозможны никакие практические действия. Материальное и идеальное в своём субстанциональном единстве, тождестве, постоянно меняются местами как ведущая сторона противоречия и первичность той или иной стороны определяется как таковая в сугубо конкретной ситуации.

Так, постепенные количественно-качественные изменения в практической сфере необходимо имеют следствием соответствующие изменения в идеальной сфере, сфере общественного сознания, и т.о. в этом процессе первенствуют. Идеальная сторона здесь является ведомой, определяемой, детерминируемой материальной стороной жизни и вследствие своей вторичности отстаёт в развитии от возникающих материальных условий. Но на определённом этапе развитие материальной стороны приходит к такому пределу, когда ей перестаёт соответствовать общественное сознание, противоречие требует разрешения.

Идеальная сторона, как имеющая относительную самостоятельность от материальной, может опережать в своём развитии материальную сторону и, оказывая влияние через соответствующие общественные отношения на практику, приводить её в соответствие с собой, вести за собой. Именно это и происходит в момент предельного напряжения противоречия – оно разрешается, возникает качественно новое состояние общества и новые условия его развития. Без этой постоянной смены ведущей стороны противоречия невозможно движение, развитие общества как субстанции.¹ По этой причине нельзя утверждать однозначную детерминированность идеального материальным, это процесс обоюдонаправленный, взаимопределяемый, в значительной мере исторический.

По сути об этом же говорит и Маркс: «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти от-

¹ В общественном развитии, рассматриваемом с точки зрения субстанциональности, материальное и идеальное есть, образно говоря, две ноги, попеременно опережающие друг друга в движении.

ношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».¹

Повторим Маркса – «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями ... наступает эпоха социальной революции». Другими словами, производственные отношения перестают соответствовать производительным силам и потому должны быть изменены. Но ведь изменяются они не сами по себе, а исключительно под влиянием тех элементов общественного сознания, которые, опережая действительность, определяют новое направление её развития. Соответственно изменяются и экономические, и политические отношения, «догоняя» общественное сознание.

2.2. Субстанциональный взгляд на соотношение базиса и надстройки

Последовательно проводимый взгляд на общественное развитие как имеющее субстанциональный характер позволяет по-иному увидеть соотношение сфер общественных отношений, подразделяемых Марксом на базис и надстройку.

Ещё раз процитируем Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания».²

Итак, базис – это экономические, производственные отношения, т.е. отношения вполне материальные. Их результатом являются изменения как в производительных силах, так и в структуре той части общества, которая включена в собственные производственные отношения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 13, С. 6-7.

² Там же.

Надстройка – отношения в сфере политики и права. Но, мы говорили об этом выше, это также отношения, результатом которых являются вполне вещественные, материальные изменения в структуре всего общества, вплоть до экономических отношений.

По Марксу всё отличие между этими двумя формами материальных отношений в том, что производственные, экономические отношения как создающие материальную основу жизни общества, определяют, детерминируют отношения управления обществом, отношения власти. Тем самым подразумевается, что властные, политические отношения как бы выводятся из сферы собственно материальных отношений и потому имеют подчинённый характер.

Несколько по-иному предстаёт соотношение производственных и политических отношений с точки зрения субстанциональности как единства материального и идеального. С этой точки зрения идеальное, определяемое материальным, одновременно влияет на материальное, которое вынуждено приспособливаться к условиям среды, представляемым в отражённом виде идеальным. Или по-другому – орган отражения субстанции в идеальной форме представляет условия внешней среды и состояние самой субстанции, на этом основании субстанция при необходимости изменяется, приспособляясь к условиям среды.

Здесь орган отражения, представляя в идеальной форме внешнее материальное, в последующем развитии, движении противоречия, оказывает такое влияние на своё материальное, которое приводит к изменению материального, приспособлению его к внешним условиям. В единстве, целостности этого движения материальное и идеальное есть субстанция и в этом субстанциональном движении влияние органа отражения имеет очень большое, часто решающее значение.

Если сделать уточнение, что в человеческом обществе присутствует такой феномен как общественное сознание, которое, подобно индивидуальному сознанию, может обращаться со своим индивидуальным относительно свободно независимо от материального, и что представителем этого сознания от имени общества выступает власть, политическая структура (надстройка по Марксу), то становится очевидным, что следует говорить не о детерминированности производственными отношениями (базисом) политических отношений (надстрой-

ки), а об их обоюдной относительной самостоятельности и одновременно неразрывности. Единственно бесспорным утверждением будет то, что и производственные отношения (базис), и политические отношения (надстройка) составляют единство и развиваются во взаимовлиянии, причём в человеческом обществе ни то, ни другое нельзя рассматривать в отрыве от их идеального представления в общественном (и индивидуально-личном) сознании.

В соответствии с принципом субстанциональности по отношению ко всему обществу т.н. надстройка, т.е. власть как орган отражения-управления играет огромную роль. Но действия власти одновременно и ограничены условиями жизнедеятельности общества, которые являются основанием для формирования идеального, представленного в групповом сознании властной сферы.

В свою очередь, производственные отношения формируют сферу экономики, в которой на основании отношений собственности возникает свой орган отражения-управления, представленный собственниками. Т.о. сфера экономики при наличии отношений частной собственности относительно обособлена от общества как целого и обладает определённой самостоятельностью. Как таковая она необходимо будет стремиться к устранению влияния на неё со стороны власти. Если сложится такое положение, что сила сферы экономики превысит силу власти, то первая будет стремиться полностью подчинить себе вторую. Соответственно всё общество в целом будет находиться под угрозой подчинения частным собственникам со всеми вытекающими из этого положения последствиями. Но это будут уже не отношения базиса (экономики) и надстройки (власти), это будут отношения господства и подчинения – господства немногих и подчинения всех.

Необходимо отметить следующий принципиальный момент — *при наличии социалистических отношений собственности, когда собственность принадлежит всему обществу, сфера экономики не отделена от общества, а напротив, встроена в него, она является органической частью общества.* Такая форма отношений собственности необходимо диктует императивное требование максимально возможного участия самих трудящихся в управлении собственностью и распределением продукта. В противном случае те группы, которые от имени общества имеют право управления соб-

ственностью и распределением, самим своим положением будут нацелены к изменению формы собственности с общественной на частную, и это также есть условие необходимое, которое может быть нейтрализовано либо *тотальным* контролем со стороны трудящихся, либо всё более широким и глубоким *непосредственным* участием их в управлении. Выполнение первого условия будет в максимально возможной степени ограничиваться правящим слоем, выполнение же второго условия гарантирует невозможность изменения формы собственности и создаёт интенцию её полного упразднения при определённом уровне развития производительных сил.

2.3. Общественное развитие как следствие внутренних противоречий

Образующиеся в становящемся человеческом обществе отношения отчуждения и присвоения, развивающиеся на их основе отношения собственности, возникающее производство и соответствующие ему отношения, являются источником группы противоречий, которые определяют развитие общества. В рамках отношений собственности, производства, распределения, обмена и потребления возникают свои специфические противоречия.

Т.о., формирование сообществ людей как коллективов, объединённых общей жизнедеятельностью, есть следствие, в первую очередь, движения внутренних противоречий, развитие и разрешение которых ведёт к усложнению сообществ и увеличению их материальных возможностей. Именно возникающие внутренние связи и их дальнейшее развитие, усложнение, сплавляют сообщества людей в единый организм. Внешнее воздействие, как со стороны природы, так и со стороны других сообществ, имеет характер внешнего противоречия, на которое сообщество реагирует изменением, приспособлением внутренних противоречий к деформирующему влиянию внешнего противоречия. Внешнее противоречие в определённых случаях может быть и инициатором конкретного (особенного) внутреннего противоречия, но не более, развитие сообщества будет определяться, в конечном итоге, внутренними противоречиями.

Такое представление о внешнем противоречии является

ключом к пониманию процессов формирования человеческих сообществ, существующих как вполне самостоятельные организмы и отделяющих себя от других сообществ как нечто отличное от них (речь идёт о таких формах сообществ как семья, род, племя, этнос, нация).

Все они развивались от первоначальных небольших кровно-родственных групп, каждая из которых занимала свою территорию и на которой осуществлялась жизнедеятельность их членов. Общая жизнедеятельность в границах собственной территории сплачивала людей в группе и одновременно отделяла от других групп, причём эта раздельность отчётливо осознавалась даже при наличии тесных связей между группами. Группы, в свою очередь, могли объединяться, разделяться, гибнуть, но субстанциональность развития необходимо вела к тому, что усиливавшиеся материальные возможности, сопровождавшиеся количественным ростом сообществ, только усиливали тенденции сплочения, интеграции внутри сообществ и, напротив, дифференциации по отношению к другим сообществам.

В этом процессе развития сообществ менялись их формы, но не менялась сущность самого процесса, в котором сообщества развивались в соответствии с их внутренними противоречиями, на которые оказывали деформирующее действие внешние противоречия, а именно, влияние природы и воздействие других сообществ. Причём последнее постоянно изменялось и варьировалось в весьма широких пределах, от союзнических отношений до истребительных войн.

Т.о. существующие общества есть результат исторического взаимодействия и взаимовлияния двух видов противоречий, действующих и сейчас – движущих внутренних и деформирующих внешних. По этой причине все особенные, т.н. этнические, признаки, отличающие этнические общности друг от друга, есть результат субстанционального развития человеческих сообществ, т.е. материально-идеального процесса создания искусственной природы, сущностно представляющего собой процесс возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий, подвергающегося постоянно воздействию внешних противоречий.

Что же касается т.н. расовых различий, то все они имеют основание в *биологическом* приспособлении человека к среде, являются результатом развития и разрешения противоречия

человек-природа (бывшего ранее внутренним противоречием) и возникли до того как человек стал создавать искусственную природу, природу для себя. С началом этого процесса противоречие человек-природа стало внешним по отношению к человеку, и процесс биогенеза постепенно прекратился, оставив след в биологических (расовых) признаках, некоторые из которых иногда ошибочно относят к этническим.¹

Внутренние противоречия, являющиеся производными (особенными, частными) противоречиями от субстанционального противоречия между материальным и идеальным, во всех обществах одинаковы *сущностно*, как противоречия между материальным и идеальным, но отличаются по своему *содержанию*, определяемому сторонами противоречия.

По этому критерию (содержанию) в самом общем виде можно сформулировать некоторые виды внутренних, движущих противоречий:

- между материальным и идеальным – всеобщее, абстрактное, определяющее противоречие, которое в процессе исторической жизни общества конкретизируется в форме нижеследующих противоречий;

- между потребностями и возможностями – жизнедеятельностное противоречие;

- между производительными силами и общественными отношениями – экономические и политические противоречия;

- между группами людей одной субстанциональной общности, но, тем не менее, осознающими себя отдельным целым — классом, слоем, сословием. Это противоречие есть следствие разного положения групп людей в структуре общества по занимаемому ими месту в отношениях собственности, производства, распределения, обмена и т.д. (по содержанию это противоречие между фактическим общественным (материальным, социальным) положением и осознанием этого положения);²

¹ Отсюда видно, что биологические признаки могут смешиваться, метисироваться, передаваться по наследству независимо от воли человека и общественной среды, этнические же признаки могут быть только результатом развития человека в конкретной общественной среде, они продукт этой среды (а также, разумеется, самого человека, поскольку как индивид он также субстанционален и потому относительно самостоятелен).

² Вопрос о форме межгрупповых противоречий необходимо исследовать

- между идеальным в форме знания и материальным бытия (как природы, так и искусственной природы) – противоречия сферы познания.

Здесь приведены, разумеется, далеко не все формы общественных противоречий, для этого необходимо глубокое и тщательное исследование общества, что, по понятным причинам, не может быть сделано в кратком обзоре.

Внешние противоречия, напротив, для каждого сообщества изначально особенны, поскольку определяются конкретными природными климатически-географическими факторами, различающимися в разных регионах, и конкретным окружением других сообществ. Внешние противоречия оказывают деформирующее влияние на внутренние противоречия и поскольку внешние противоречия для каждого общества отличаются, то даже одинаковые по *содержанию* внутренние противоречия в разных обществах возникают, развиваются и разрешаются в разных *формах*. Под влиянием внешних противоречий характер возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий принимает особенные формы в каждом конкретном случае, что имеет следствием возникновение разных форм обществ. По указанной причине сущностно и содержательно одинаковые внутренние общественные противоречия в каждом обществе развиваются и разрешаются в своих особенных и единичных формах.

Подчеркнём ещё раз то *всеобщее*, которое детерминирует все внутренние противоречия, — их материально-идеальную сущность, определяющую одинаковое содержание внутренних общественных противоречий, — и *особенное* и *единичное*, — влияние внешних противоречий, которые в каждом конкретном случае имеет особенный и единичный характер и тем самым деформируют внутренние противоречия, которые поэтому развиваются и разрешаются в своих особенных формах, что имеет следствием всё многообразие обществ.

2.3.1. *Общественное (классовое, групповое) сознание*

Все формы общественных противоречий неизбежно отражаются в сознании людей, порождая не только индивидуаль-

довать дополнительно, не исключено, что их следует отнести к внешним противоречиям по отношению к взаимодействующим группам.

ное идеальное, но также в масштабах общества формируя феномен т.н. общественного сознания, которое по отношению к индивидуальному сознанию является вполне объективным фактором, способным в значительной мере, можно сказать решающей, его определять. Общественное сознание не есть нечто однородное, оно столь же многогранно, как и образующие общество группы людей, занимающих определённое положение в его материальной и идеальной деятельности. Оно в определённой степени представляет групповые, классовые формы сознания, отражающие *особенное* положение людей в процессе *общей* жизнедеятельности. Но общественное сознание как целое, занимающее *доминирующее* положение в обществе и способное т.о. выполнять объединительные функции в идеальной сфере, имеет возможность формировать только та группа людей, которая занимает положение, соответствующее органу отражения-управления всем обществом, т.е. властвующая группа – и это есть следствие субстанциональности общества.

Исторически индивидуальная человеческая деятельность необходимо влечёт за собой потребность в обмене её продуктами, что имеет следствием формирование особых отношений между людьми – общественных отношений. С возникновением таких общественных отношений возникают особые условия в жизнедеятельности людей, которые в интересах её воспроизводства надо сохранять и развивать.

В человеческих сообществах как саморазвивающихся сущностях необходимо присутствует особый орган, который (в форме некой структуры общества) выполняет функции органа отражения-управления в отношении сообщества в целом. Функции по поддержанию и развитию новых отношений, в которых производство и обмен уже разделены и возникают отношения собственности, начинает выполнять наличный орган отражения-управления в виде семейной (родовой, племенной) верхушки.

С развитием сообщества этот орган управления (субстанционально соответствующий органу отражения) приобретает форму органа власти, усложняясь и развиваясь вместе с усложнением и развитием общества. Именно орган власти, управления и формирует в своей основе общественное сознание, представляющее объективное сознание всего общества, которое, т.о., не может быть иным, как отражением историче-

ски возникшего наличного состояния общества и выражающим видение мира и интересы, прежде всего, органа власти и тех групп общества, на которые власть опирается.

Мы неоднократно отмечали ту значительную роль органа отражения, которую он играет в процессе субстанционального развития. Применительно к человеческому сообществу этот орган, являясь субстанциональным органом отражения, создаёт идеальное в форме общественного сознания. Частным выводом из этого императивного условия является тот вывод, что выработать классовое, групповое сознание, адекватно отражающее положение класса, группы в состоянии только обособленный орган отражения, истинно представляющий интересы класса, группы.

С практической стороны это означает, что возникновение классового сознания, адекватно отражающего действительность, невозможно без возникновения органа отражения, представляющего интересы класса. Причём эти интересы должны быть интересами большей части общества, иначе такое классовое сознание будет замкнуто в своей узкоклассовой скорлупе и не станет силой, побуждающей к изменению общества в интересах большинства его членов, к тому же такое классовое сознание, как адекватно отражающее действительность, должно быть научно обоснованным.

Нельзя, однако, не сказать, что реальность даёт нам ещё одну форму сообщества, которая вырабатывает групповое сознание, не имея особого группового органа отражения. Речь идёт о крестьянской общине, в частности о русской крестьянской общине, все вопросы жизнедеятельности которой решались не обособленным органом управления, а общим собранием, сходом, на котором были представлены все члены сообщества. Даже в тех случаях, когда компетенция схода была ограничена узким кругом вопросов, преимущественно хозяйственных и узко-групповых, игнорировать эту форму сообщества и особенностей его самоуправления невозможно по простой причине – именно эта форма в течение очень большого периода времени определяла жизнь подавляющей массы населения России и оказывала всегда существенное, а иногда и решающее влияние на развитие страны в целом. Именно крестьянская община, эта особенная субстанциональная общественная форма, похоронила реформы Столыпина, именно община всей своей всероссийской массой сделала возможным

1917 год и поддержала большевиков в гражданской войне, во многом именно община в новой, изменённой коллективизационной форме, вынесла на своих плечах индустриализацию, войну и послевоенное восстановление хозяйства страны.

Причины этих и многих других общественных феноменов следует искать в особенностях этой субстанциональной формы, в которой интересы общего – общины – реализуются через интересы особенного и единичного – её членов. Здесь альтруизм (ради интересов общего надо поступиться в чём-то личными интересами) становится действительным через эгоизм (первенствуют личные интересы, но они могут реализовываться только посредством общего интереса). Вот уж действительно – единство и борьба противоположностей в чистом виде. Значительное влияние идеального (общинного сознания) на материальное (формы её жизнедеятельности) несомненно и подлежит глубокому исследованию.¹

Но представлять общину идеалом общественного устройства, значит мифологизировать эту субстанциональную форму, не видеть в ней негативных моментов. В условиях недостаточного уровня материального производства цель общины состоит в обеспечении выживания её членов, именно в этом её функциональное предназначение. Ради выживания большинства община необходимо будет подавлять всё, что не соответствует этой задаче. Не найти диктатора более последовательного в достижении цели, чем община, но именно эта диктатура целого позволяет выжить единичному – индивидууму.

Однако гнёт общины не беспределен. Если община не выполняет своих функций, не обеспечивает выживания своих членов, то она неизбежно распадётся. К такому же исходу приведёт и противоположный случай, когда личное благосостояние членов общины позволит им существовать самостоя-

¹ Не случайно Марксу понадобился дополнительный анализ при подготовке ответа В.И. Засулич на вопрос о жизнеспособности русской общины. В результате он пришёл к выводу, что «...община является точкой опоры социального возрождения России» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 19, С. 251), «благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, ещё существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе» (Там же, С. 401). Что и было осуществлено в советское время.

тельно. (Субстанциональные аналоги общины можно найти и в форме союзов разных сообществ, например, княжеств Древней Руси¹, правда, диктат целого здесь не так ощутим как в общине. Вряд ли лишено оснований предположение, высказываемое некоторыми историками, что причина распада Древней Руси во многом лежит в том, что удельные княжества стали слишком сильны, чтобы зависеть от целого, и перешли к другой форме развития, в которой стали независимой субстанцией).

Очевидно, можно сформулировать общий вывод – субстанциональные сообщества, не имеющие общего органа отражения-управления, стабильны только в случае равновесия между интересами целого и интересами своих частей. В случае ущемления интересов частей либо такого усиления частей, когда они могут существовать самостоятельно, сообщество распадается.

Выявленную особенную форму развития субстанциональных сообществ – без чётко выделенного, обособленного органа отражения-управления – можно наблюдать не только в человеческих сообществах, принадлежащих к третьей форме субстанционального движения, но и в сообществах, принадлежащих ко второй форме субстанционального движения (например, в сообществах коллективных насекомых, больших стадах животных, стаях птиц, косяках рыб).

Особо следует отметить следующий эмпирический факт – сообщества, принадлежащие ко второй форме субстанционального движения, показывают две формы сообществ, не имеющих чётко выраженного органа отражения-управления. Первые существуют за счёт теснейшего симбиоза *функционально предельно специализированных* групп, составляющих эти сообщества (сообщества насекомых). Очевидно, что жизнедеятельность таких сообществ в целом зависит от той группы, которая обеспечивает всё сообщество средствами существования, но этот процесс осуществляется не целенаправленно, а стихийно, следуя целому ряду случайных внешних факторов. В этих сообществах единичное (особь), особенное (специализированная группа) и общее (сообщество в целом) существуют как обособленные формы, связанные жёстко закреплёнными отношениями, в которых целое полностью до-

¹ Подобные формы существовали также в других регионах мира.

минирует над особенным (тем более единичным), а особенное над единичным. Такие сообщества достигли совершенства, завершённости в своём развитии и вряд ли способны приспособиться к резким изменениям окружающей среды. Вторая форма (крупные скопления особей – стада животных, стаи птиц, косяки рыб и т.п.) не показывает наличие функционально специализированных групп, но также направляется в своих действиях случайными внешними факторами.

Очевидно, что индивидуальные органы отражения особей, принадлежащих к обеим отмеченным формам, природной эволюцией оказались «запрограммированы» таким образом, что эти особи либо обречены на безальтернативные модели поведения в интересах общего, целого (в случае первой формы), либо, напротив (в случае второй формы), особи выстраивают своё поведение таким образом, что только в общем (сообществе в целом) они имеют возможность выживания. В первом случае имеет место полная детерминация целым частным, во втором случае частное формирует целое, которое не обладает доминирующей силой. По этим причинам обе формы сообществ неустойчивы – в случае критического изменения внешних условий сообщества, принадлежащие к первой форме окажутся на грани гибели, поскольку их приспособляемость весьма невысока (это следствие предельной специализированности), сообщества же второй формы просто распадутся на мелкие группы, в которых уже появятся обособленные органы отражения в виде доминирующих особей.

Что же касается сообществ, принадлежащих к третьей форме субстанционального движения и не имеющих оформленного органа отражения-управления (в рассматриваемом случае это крестьянская община), то управление их жизнедеятельностью осуществляется сообществом в целом, коллективно принимаемыми решениями, при выработке которых учитываются интересы большинства, если не всех, членов сообщества. Здесь, напротив, каждый член общины, участвующий в выработке и принятии решения, представлен во всей своей *универсальности, целостности, всесторонности* общинных отношений. Каждый член общины в своей индивидуальности, единичности, одновременно и всеобщен – представляя свои собственные интересы он одновременно императивно учитывает и общие интересы – иначе общего согласия не достичь. Вряд ли подлежит сомнению, что возникновение

и существование таких форм сообществ возможно только за счёт особенности третьей формы субстанционального движения – диалектического в своей сути мышления, пусть даже явно не осознаваемого, которое опосредствует единичное (члена общины) и общее (общину в целом).¹ Отношения внутри сообщества, опосредствованные диалектическим мышлением, способны изменяться, приспосабливаться даже к очень резким изменениям условий жизнедеятельности сообществ, что доказано многовековой жизнеспособностью русской (и не только русской) крестьянской общины.

С точки зрения субстанциональности развития важно отметить принципиальный момент – *возможны такие субстанциональные (т.е. саморазвивающиеся) формы сообществ, которые могут развиваться без обособленного органа отражения-управления.* Именно в таких сообществах людей *принципиально, сущностно* возможно осуществление во всей полноте известного принципа – свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Но в этом случае предназначение сообщества должно быть принципиально иным, чем в крестьянской общине – не обеспечение выживания своих членов, а обеспечение их всестороннего развития, что возможно только при определённом уровне развития производительных сил (материального) и общественного сознания (идеального). Исследование этих форм – отдельный вопрос.

Можно также отметить следующую весьма важную особенность такой субстанциональной формы, как крестьянская община. Трудовая деятельность членов общины принципиально отличается от аналогичной деятельности наёмных рабочих. Если последние выполняют узкоспециализированные операции, превращаясь в «частичных людей» (и здесь налицо явная аналогия с предельной специализированностью, отмеченной во второй форме субстанционального движения в отношении насекомых), то земледелец выполняет весь цикл работ полностью, от первого до последнего движения, т.о., хотя бы формально, в своей трудовой деятельности он полный человек.

¹ Сознание, как индивидуальное, так и общественное (общинное), являлось здесь тем особенным, которое опосредствовало, соединяло единичное и общее, что в явном виде проявлялось на общинных сходах.

К тому же после реформы 1861 года кардинально изменился и характер такого феномена, как отчуждение собственно *деятельности* крестьянина. Если ранее его деятельность подвергалась насильственному отчуждению (барщина), то после реформы такое отчуждение стало невозможным.¹ Теперь и сама деятельность оказалась присвоенной, что недоступно для наёмного рабочего. Более того, отчуждение продукта труда в значительной мере приобрело добровольный характер (даже несмотря на определённую условность добровольности, поскольку «добровольность» эта жёстко направлялась жизненной необходимостью).

Как видим, формы отчуждения, лежащего в основании формирования человеческих сообществ, о чём мы уже говорили, в крестьянской общине столь особенны по сравнению с остальным обществом, что они не могли не оказать решающего влияния на формирование отношений внутри и вне общины и на общинное сознание. И этого нельзя не учитывать при анализе влияния русской крестьянской общины на развитие общественных процессов в обществе в целом – ведь община это свыше 80% населения России в предреволюционные годы. Как нетрудно убедиться, общинные отношения и капиталистические общественные отношения субстанционально антагонистичны, отношения отчуждения и присвоения в них совершенно несовместимы. В том числе и по этой причине русская крестьянская община не могла вписаться в капитализм, она было обречена, а вместе с нею и десятки миллионов крестьян. Но они инстинктивно (вернее, диалектически) это почувствовали и в итоге сделали свой весьма непростой выбор.

2.3.2. *Классы*

(В этой главе сделаны несколько самых общих, абстрактных выводов относительно классовой структуры общества, не более того).

Попробуем определить сущность понятия «класс» с точки зрения субстанционального монизма. Понятно, что в анализе исходить следует не из субъективных воззрений какого бы то ни было класса, а из вполне объективного основного субстан-

¹ В действительности некоторые формы барщины были оставлены реформой ещё на двенадцать лет с постепенной их ликвидацией.

ционального противоречия.

Мы выяснили, что человек как индивид и общество как сообщество индивидов представляют собой субстанциональные сущности, т.е. саморазвивающиеся субъекты. Но между индивидом и обществом существует множество промежуточных форм, которые представляют собой исторически появившиеся и развившиеся формы. Любое сообщество как целое представляет собой конгломерат групп индивидов, связанных общими групповыми (и межгрупповыми) интересами, которые в самом общем виде могут быть определены как жизненные интересы, базирующиеся на производстве материальных, прежде всего, и идеальных продуктов. В процессе жизнедеятельности индивиды и группы связаны общественными отношениями, детерминируемыми их положением в общественном производстве и потреблении.

Можно выделить следующие исторические формы соотношения производства и потребления:

- общее производство и потребление в условиях крайне низкой продуктивности первобытных обществ. Зарождение отношений собственности;

- общее производство и частное присвоение и потребление на базе развивающегося производства. Развитие отношений собственности во всех её формах и основанных на них производственных отношений (досоциалистические общества);

- общее производство и присвоение и частное потребление на основе общей собственности на средства производства (социалистические общества).

Следующей формой может быть только снова общее производство и потребление, но уже на базе высочайшего развития производительных сил и соответствующих им общественных отношений при исчезании всех отношений собственности (коммунистическое общество).

Отношения производства и потребления существуют не сами по себе, как нечто внешнее по отношению к индивидам и их группам, а только посредством отражения и соответствующей переработки их в индивидуальном и групповом сознании. Общественные отношения не могут стать материальной силой без постоянной идеализации их в индивидуальном и групповом сознании. Здесь процесс отражения как идеализации материального (отражения реальности в сознании) и последующей материализации идеального (воплощения иде-

ального содержания мышления в общественных отношениях) представлен в практически каноническом виде.

Положение общественных групп в производстве и потреблении формирует их сознание, которое, будучи относительно самостоятельным от материального, вырабатывает собственное понимание внешних ему процессов, что впоследствии реализуется в соответствующем реагировании на них.

Если группа исторически сформировала свой орган отражения, то именно он выражает интересы группы в концентрированном виде в форме группового сознания (идеологические формы сознания). Адекватное внешним условиям групповое сознание свидетельствует о том, что группа действует в собственных интересах и как таковая является группой для себя.

В случае отсутствия ясно выраженного органа отражения групповое сознание не может быть выражено в концентрированном виде, оно остаётся размытым, нечётким, постоянно изменяющемся под влиянием внешних условий. Такая группа либо не способна к целенаправленным действиям, либо действия её направлены на достижение частных, сиюминутных интересов, не изменяющих положения группы в целом в общественном положении и общественных отношениях. Такая группа только потенциально способна обрести адекватное групповое сознание после формирования своего собственного органа отражения, до тех пор это группа в себе.

В отношении класса собственников таким органом является сам класс собственников, поскольку он в целом есть не что иное, как орган управления своей собственностью, т.е. производственной структурой, экономикой. Выработке этим классом своего сознания способствуют также следующие обстоятельства. Во-первых, этот класс относительно немногочислен. Во-вторых, достаточно образован, чтобы понять суть происходящих процессов и ясно сформулировать свои цели. К тому же для обоснования и оформления концентрированного выражения своего сознания в идеологической форме он в состоянии нанять профессионально подготовленных специалистов.

Класс же, находящийся в экономическом подчинении класса собственников, не имеет своего чётко выраженного органа отражения, который бы оформил его сознание как целостное сознание, выражающее все стороны его бытия. Существующие органы отражения в форме разного рода про-

фессиональных организаций (профсоюзов и т.п.) имеют ограниченные задачи представления исключительно узко-, даже местнически-профессиональных интересов. По этой причине, а более потому, что эти организации в значительной мере находятся под влиянием класса собственников, они не в состоянии выработать адекватное классовое сознание трудящихся, в котором были бы представлены все стороны их жизнедеятельности, не только профессиональные, но и, главное, политические, общедемократические.

Классовое сознание наёмных работников как целое может выразить только такой орган отражения, который представляет коренные интересы этого класса, а это в основе своей не что иное, как общечеловеческие интересы – интересы свободного развития каждого человека и общества в целом, которые могут осуществиться только с ликвидацией особых классов, групп, стоящих над обществом (и соответствующих общественных отношений), и установлением общедемократического порядка. Это классовое сознание должно утверждать такое общественное устройство, при котором возможно только добровольное отчуждение продукта труда и полное присвоение своей деятельности. Последнее предполагает, что иной стороной полного присвоения индивидом своей деятельности является осуществление этой деятельности в интересах всего общества, поскольку только в таком единстве возможно свободное гармоничное развитие обеих субстанциональных форм – человека и общества.

Такое общеклассовое сознание может выработать только политическая партия, действующая *исключительно* в интересах класса наёмных работников. При этом в своих принципиальных положениях такое классовое сознание не должно допускать никаких компромиссов с воззрениями других классов и групп относительно *цели*, поскольку оно представляет общечеловеческие интересы, т.е. интересы человека, рассматриваемого с субстанциональной точки зрения, человека, представляющего особую форму субстанционального движения. Но, в отличие от идеальной (идеологической) составляющей, в практических действиях следует проявлять максимальную гибкость применительно к конкретным ситуациям.

Отсюда следует огромная роль политической партии, истинно, адекватно (т.о. научно обоснованно) представляющей интересы трудящихся. Без такой партии как органа отражения

класса его становление как субстанции, класса для себя, невозможно. Класс, не выработавший собственного адекватного классового сознания, обречён на подчинение господствующему общественному сознанию, которое всегда есть сознание господствующего класса (классов).

Теперь можно сказать, что *классы – это большие группы людей, связанных общими интересами, на которые распространяются одинаковые формы отчуждения деятельности и продукта труда, занимающие общественно значимое место в жизнедеятельности общества, прежде всего в производстве и распределении общественного продукта и управлении обществом, и которые либо обладают собственным адекватным классовым сознанием (класс для себя), либо способны его выработать при создании органа отражения (класс в себе).*

Класс, обладающий классовым сознанием, активно влияет на общественные процессы, руководствуясь этим сознанием и используя свои материальные возможности; класс, не обладающий развитым и чётко оформленным классовым сознанием, потенциально способен *изменить* общественные отношения в своих интересах, если выработает собственное адекватное классовое сознание и воспользуется своим положением в производительных силах общества, либо воздействует на органы управления обществом.

Известное ленинское определение – «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства»¹ — при всей его точности в отношении материальных факторов, не учитывает огромной роли идеального в человеческих отношениях, т.е. не учитывает субстанциональности человека и, как следствие, упускает из виду не только возможность, но и императивность изменений при

¹ Ленин В.И. ПСС, изд. 5-е, Т. 39, С. 15.

определённых общественных условиях, т.е. не учитывает *активности, деятельности* человека как саморазвивающейся субстанции и в качестве таковой его явно наличествующей телеологичности, пусть даже ясно и не осознаваемой.

Следует отметить, что то, что принято называть «массой», есть группа, часть класса (возможно даже класс в целом), находящаяся в межеумочном состоянии, не идентифицирующая себя с какой-либо формой общественного сознания, либо колеблющаяся между разными его формами, выработанными другими классами. Масса в силу своей постоянной текучести, изменчивости, структурной неопределённости, не способна выработать собственного группового сознания, поскольку не в состоянии создать орган отражения, выражающий её интересы.

Сказанное выше о сущности класса не только не отменяет необходимости исследования общественных отношений с точки зрения других факторов жизнедеятельности человека, но напротив, предполагает такие исследования, поскольку данное общее понятие должно быть раскрыто в своих особенных и единичных проявлениях.

Следует также отметить следующее немаловажное обстоятельство – основные качества каждого конкретного общества, сформировавшиеся за сотни и даже тысячи лет его развития (то, что считается т.н. национальным характером), по отношению к внутренней структуре общества (классам, слоям, группам) играют роль общего. С этой точки зрения общество как целое в определённой степени детерминирует свои части (классы, слои, группы), что проявляется как в структуре общества, так и в формах взаимодействия частей общества. В свою очередь части общества (классы и т.п.) оказывают определённое влияние на целое, постепенно (а в период революций резко, стремительно) изменяя его сущностные характеристики. Конкретное же соотношение целого и частей и их взаимовлияние может быть выявлено только при анализе конкретного общества. Не вызывает сомнений, что такой анализ позволит выявить наличие как общих всем человеческим обществам классовых форм и отношений, так и особенных, индивидуальных для каждого сообщества, но это естественное следствие субстанциональной конкретности каждой человеческой общности.

2.4. Несколько замечаний о капитализме, глобализации и пределе капитала

Маркс исследовал высшую, каноническую, совершенную форму современного ему капитализма – капитализм частной свободной конкуренции. Но он уже отмечал дальнейшую трансформацию этой формы и зарождение новой формы капитализма – акционерного капитализма.

Акционерный капитализм достиг своего расцвета в конце 19, начале 20 века и совершенно неизбежно, в соответствии с законами конкуренции и концентрации производства, перерос в новую форму, которую Ленин определил как государственно-монополистический капитализм, империализм – высшая стадия капитализма.

Государственно-монополистический капитализм достиг своего предела во второй половине 20 века и начался процесс перехода его в новую форму – надгосударственный транснациональный капитализм, что не совсем верно называют глобализацией.

С точки зрения принципа субстанционального монизма истинная глобализация есть объективный субстанциональный процесс, заключающийся в становлении единого человечества. Принцип субстанциональности, заключающийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого, состояния, имманентно предполагает действие законов концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в новой форме качественные и количественные стороны снимаемого), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.) возможности.

Внешние противоречия имеют своим следствием подчинение слабых сообществ более сильным, вхождение в сферу их влияния, либо уход таких сообществ с исторической сцены. В результате возникают региональные, а затем и глобальные сферы влияния наиболее сильных государств (либо их объединений, в которых обязательно есть всеми признаваемый

лидер).

Но с возникновением сфер влияния процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт к объединению человечества в единое сообщество. И определяться это процесс будет тем союзом государств, который будет иметь большую силу, как материальную, так и идеальную (знание — как понимание происходящих процессов, и идеологию — как использование этого знания в своих интересах). Причём роль идеального (и в форме знания, и в форме идеологии), как мы ранее говорили, в дальнейшем будет только возрастать.

Сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые определяются надгосударственным финансовым капиталом. Но форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации. «Ещё не вечер» и, тем более, не «конец истории». Главные события впереди...

2.4.1. *О сущностной основе капиталистического производства*

Особенность *докапиталистических* общественных отношений состоит в том, что их сущностью является производство *продуктов труда*. Здесь частные производители действуют в собственных интересах, но в соответствии с общими потребностями, производя товар. Определяющим моментом производства является удовлетворение спроса, общественной потребности.

Особенность *капиталистического* общественного отношения состоит в производстве *прибыли*. Здесь частные производители действуют в соответствии с собственными интересами, производя прибыль. Общественные потребности являются только средой, способствующей, более или менее, производству прибыли. Производятся только те продукты труда, товары, которые способны обеспечить достаточный уровень прибыли.

Рассмотрим капиталистическое производство с точки зрения субстанциональности как соотношения материального и идеального.

В капиталистическом производственном отношении побуждающим мотивом является производство не продукта труда, товара (материального), а прибыли, основанием которой является прибавочная стоимость (идеальное). Но прибавочная стоимость есть, по сути, деятельность (труд) по созданию продукта труда, представленная в своём результате, продукте труда. Производя *по форме* прибавочную стоимость, капиталист *по существу* производит новую деятельность как таковую в чистом виде. Субъективно стремясь к получению прибыли, этой превращённой формы прибавочной стоимости, объективно капиталист способствует вовлечению в производство всё новых и новых деятельностных факторов, постоянно раздвигающих границы производства.

Т.о. за формой, производством прибавочной стоимости, стоит сущность капиталистического производства – вовлечение в производство нового труда, деятельности, что равнозначно безудержному, неограниченному росту производства безотносительно к производимому продукту.¹

С субстанциональной стороны (соотношения материального и идеального) сущностью капиталистического производства является увеличение не материального (товара, продукта), а увеличение идеального (деятельности как таковой), представленного в материальном. Внешне же это предстаёт в форме стремления к увеличению материального, прибыли.

Именно эта сущностная сторона стоит за феноменом, имеющим место в действительности – стремлением капиталистически ведущегося производства к постоянному росту как в количественном, так и в качественном отношении, что внешне выступает как увеличение масштабов производства (количественное увеличение постоянного капитала при уменьшении переменного капитала) и повышение его эффек-

¹ «...настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 25-1, С. 274). Эту сторону капиталистического производства не смогла понять Р. Люксембург, попытавшись в «Накоплении капитала» опровергнуть Маркса.

тивности (качественное улучшение постоянного капитала¹ за счёт внедрения научных достижений). В комплексе происходит невероятный рост производительности труда, т.е. увеличение в производстве деятельности как таковой. Однако эта деятельность непосредственно связана не с удовлетворением общественных потребностей, а с частным интересом капиталиста в получении прибыли. Интерес капиталиста паразитирует на потребностях общества, которое для капиталиста является только источником прибыли.

2.4.2. Кризисы капитала

Возможность кризисов, как убедительно показал Маркс, имманентно присуща обществу, в котором господствуют капиталистические общественные отношения, поскольку она заложена в самом метаморфозе товара и наличии денежного обращения.

«Общая, абстрактная возможность кризиса означает не что иное, как *наиболее абстрактную форму* кризиса, без содержания, без содержательной побудительной причины кризиса. Продажа и покупка могут оторваться друг от друга. Они, следовательно, суть *кризис potentia* (в возможности), и их совпадение всегда остаётся критическим моментом для товара. Но они могут и плавно переходить одна в другую. Стало быть, остаётся в силе, что *наиболее абстрактной формой кризиса* (и потому формальной возможностью кризиса) является сам *метаморфоз товара*², в котором, как развёрнутое движение, содержится лишь заключённое в единстве товара противоречие меновой и потребительной стоимости, далее — денег и товара. Но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; в ней

¹ Здесь в отношении переменного капитала действуют разнонаправленные тенденции. Незначительная часть рабочих должна иметь высокую квалификацию для возможности работы с наукоёмким оборудованием, но большая часть рабочих, используемых как технологическое дополнение к оборудованию, ограничивается приобретением элементарных навыков, деквалифицируется.

² Можно отметить, что в метаморфозе товара возникает вполне определённое *двустороннее* общественное отношение - отношение покупателя и продавца – следовательно, возникает противоречие, стороны которого представлены товаром и деньгами, спросом и предложением, потребностью и возможностью.

содержится лишь то, что *форма* для кризисов налицо».¹

«Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи».²

Пока отметим, что кризис *проявляется* как разрыв между покупкой и продажей, но сам по себе этот разрыв есть следствие процессов, происходящих за границей узкого отношения между покупателями и продавцами, он не «не содержится в самой этой форме».

«Кризис в его второй форме связан с функцией денег как средства платежа. Здесь деньги в два различных, отделённых друг от друга момента времени фигурируют в двух различных функциях. Обе эти формы ещё совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой».³

Но кризис как противоречие покупки и продажи, и противоречивость денег как средства платежа «...это всё же лишь *формы*, общие возможности кризисов, а потому и формы, абстрактные формы действительного кризиса. Бытие кризиса выступает в них как в своих простейших формах, а также в своём простейшем содержании, поскольку сама эта форма есть его простейшее содержание. Но это ещё не есть *обоснованное* содержание ... одними этими формами нельзя объяснить, почему они оборачиваются своей критической стороной, почему содержащееся в них *potentia* (в возможности) противоречие проявляется *actu* (реально, на деле) как такое».⁴

Эта абстрактная возможность кризисов становится реальностью, основанием под воздействием других условий, а именно, «...реальный кризис может быть выведен лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита, ... поскольку он происходит из тех определений формы капитала, которые *присущи* капиталу как капиталу и не заключены просто в его бытии как товара и денег».⁵

Итак, кризис может быть выведен только из движения материальных факторов, находящихся в основании процесса

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 566.

² Там же, С. 567.

³ Там же.

⁴ Там же, С. 569.

⁵ Там же, С. 570.

капиталистического производства, из движения капитала, начинающегося в производстве и переходящего в другие формы в процессе движения.

«Сам по себе один лишь (непосредственный) *процесс производства* капитала не может прибавить здесь ничего нового».¹

Разумеется, потому что движение капитала производством не заканчивается, оно продолжается в обращении, но в новой форме, в форме товара, и уже в обращении товара возможность кризиса, заложенная в производстве, превращается в реальность.

«Совокупный процесс обращения или совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения, т. е. такой процесс, который проходит через оба указанные процесса как через свои фазы. Здесь заложена получившая дальнейшее развитие возможность кризиса, или его получившая дальнейшее развитие абстрактная форма».²

«*Общие условия* кризисов ... надлежит выводить из общих условий капиталистического производства».³

Однако, общие условия кризиса складываются из условий, определяющих движение капитала в тех или иных его фазах.

Кризис – это не только нарушение процесса нормального обращения капитала, но одновременно и процесс восстановления, возобновления нормального воспроизводства капитала – вот какую сторону ни в коем случае нельзя упускать из виду при анализе сущности кризиса. Как сам процесс воспроизводства капитала имеет свои фазы, так и кризис имеет фазы — своё основание, проявление и завершение.

И в этом целостном движении кризиса метаморфоза, кризис в отношении обмена товара, покупки и продажи, есть индикатор процессов, происходящих в фазе производства. Именно в производстве закладываются основы кризиса, выступающие на поверхность в фазе обмена.

Основание кризиса находится в собственно производстве, именно здесь возникают те диспропорции, которые становятся сокрушительной явью в метаморфозе товара. Кризис метаморфоза *являет* внешне некие изменения в *содержании* про-

¹ Там же.

² Там же, С. 571.

³ Там же, С. 573.

изводства. И содержанием этих изменений не может быть ничто иное, как изменение самого способа производства, его совершенствование. В производстве «...происходит накопление улучшений, накапливающееся развитие производительных сил, — что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство...».¹ «...Наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведенной продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь — очевидный факт».²

«Безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, — вот что составляет основу современного перепроизводства».³

Здесь необходимо отметить главное – в основании кризиса находится «безудержное развитие производительных сил» и следующее отсюда массовое производство. То же, что из этого развития в итоге происходит далее в сфере обмена, относится уже к последствиям изменений в производстве и самостоятельно, в отрыве от производства, не возникает.

Т.о. метаморфоз товара – раздельность покупки и продажи и противоречивость функции денег создают только *возможность* кризисов. Но их *действительность* зависит от реального производства, от развития производительных сил и полностью определяется производством. Обращение же – фактор вторичный, хотя и необходимый для движения кризиса – в нём кризис выходит на поверхность.

Каким же образом условия производства влияют на условия обращения капитала и возникновение кризисов?

«...частичные кризисы могут проистекать из *диспропорциональности производства* (пропорциональность же производ-

¹ Там же, С. 582.

² Там же, С. 583.

³ Там же, С. 587.

ства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала...». ¹ Т.е. капитал становится излишним и как производящая сила, и как результат её действия. Другими словами он излишен в обеих своих частях — либо как само производство (и как следствие – рабочая сила), либо как его продукт — товар.

Итак, кризис проистекает из диспропорциональности производства, вызванной развитием производительных сил. Если мы теперь обратимся к собственно производству, то увидим, что т.н. кризис перепроизводства это кризис не только перепроизводства в целом, а, прежде всего, кризис той части производства, которая не может далее существовать, поскольку вследствие своего технического отставания не может получать прибавочную стоимость в достаточном объёме для своего возобновления в расширенном масштабе, т.к. её издержки производства превышают средние по отрасли. Возникают разрывы в осуществлении платежей, и уже как следствие возникновения этих разрывов кризис распространяется на отрасль в целом.

Рассмотрим более подробно этапы движения кризиса в процессе производства.

Начнём с этапа, когда предыдущий кризис завершился и утвердились новые формы и способы производства. В начале этапа отмечается рост конкуренции, как следствие происходит снижение общей нормы прибыли. Пониженная норма прибыли вызывает стремление к повышению массы прибыли, что осуществляется за счёт модернизации производства и увеличения выпуска продукции. В начале периода имеется избыточное количество денег ², которые направляются на создание новых методов производства, что позволяет их обладателям выпускать продукцию по пониженной стоимости и извлекать дополнительную прибыль. Развитие новых методов производства имеет естественным следствием увеличенный

¹ Там же, С. 579.

² «В начале процветания господствует низкий, лишь медленно и постепенно повышающийся уровень процента. Ссудный капитал имеется в изобилии. ...Возрастает масса кредитных денег...». (Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 311).

выпуск товаров, что, в конце концов, приводит к возникновению кризиса перепроизводства.

Но перепроизводство наступает в конце этапа. Перепроизводство как таковое характеризует кризис с количественной стороны, и с этой стороны он определяется соотношением потребностей общества в конкретных товарах (или капиталах) и возможностями их приобретения.

На этом этапе одновременно сосуществуют два процесса. Один из них характеризуется распространением новых технологий и появлением сверхприбыли в новых производствах (рост нормы прибыли), происходит увеличение числа новых производств. Другой процесс имеет своим содержанием ликвидацию старых производств вследствие падения у них нормы прибыли, либо даже отсутствия прибыли, и как следствие эти предприятия закрываются.

Любой масштабный кризис имеет две стороны:

- по форме это кризис количественный, кризис перепроизводства капиталов и товаров, наступающий вследствие стремления капиталистов к получению дополнительной прибыли и вызванный увеличенным производством товаров;

- по существу это кризис качественный, имеющий содержанием, во-первых, создание новых технологий и использующих их производств, и, во-вторых, ликвидацию устаревших производств. В этих кризисах проявляется отсутствие общественной потребностей в устаревших производствах, их ненужность.

Кризис перепроизводства, количественный, может повторяться неоднократно до полного обновления отрасли. По этой причине его можно назвать внутриотраслевым, поскольку меняются предприятия, но не отрасль в целом.

Кризис перепроизводства может наступить даже тогда, когда собственно перепроизводства нет. Отсталые производства не находят сбыта товаров либо (что чаще) не имеют прибыли вследствие низкой нормы прибыли и не могут платить по долгам, цепочка неплатежей увеличивается, их объём растёт, втягиваются и относительно благополучные производства, наступает кризис.

Перепроизводство капитала в период кризисов вызывает его перемещение в новые отрасли и производства, туда, где появляется возможность получить дополнительную прибыль за счёт новых видов продукции и новых способов производ-

ства. С этой стороны кризисы оказывают положительное влияние на развитие производства.

В конце концов, возникает необходимость полной смены типа производства в отрасли, её реформирования, либо создание новой отрасли. Возникает *структурный* кризис, в ходе которого возникают качественно новые производства и отрасли.

Кризисы количественные, перепроизводства, есть кризисы капиталистического способа производства, следствие его сущности – извлечения прибыли — патология капитализма, его родовая болезнь, форма разрешения противоречия между потребностями капиталиста в получении прибавочной стоимости и возможностями общества по приобретению продуктов производства. Эти кризисы могут быть ликвидированы вместе с ликвидацией капиталистического способа производства.

Кризисы качественные, технологические, это кризисы общественные, они представляют собой следствие развития знания, техники и роста потребностей общества в более эффективном производстве, — и это болезнь развития, роста. Эти кризисы есть не что иное, как форма разрешения внутреннего противоречия субстанции человек между материальным и идеальным, между потребностями развития и возможностями его удовлетворения. Эти кризисы необходимы, более того, чем более часто они происходят, тем менее они болезненны.

Разумеется, что вышеприведённое понимание кризисов далеко не описывает их во всей полноте и глубине и необходимо исследование кризисов также со стороны влияния субъектов экономики на кризис и кризиса на субъекты экономики – частные капиталы, акционерные, монопольные, государственно-монопольные и надгосударственные капиталы. Тем более что в каждом кризисе действуют свои внутренние факторы – особенные и единичные.

2.4.3. *Предел капиталистического способа производства*

«...Буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и — среди всего прочего — в *перепроизводстве*, этом основном явлении кризи-

сов».¹

Да, перепроизводство есть проявление кризиса, но кризис это одновременно и восстановление нормального производства. Поэтому перепроизводство представляет собой *временную* границу, на которой происходит «насильственное восстановление единства моментов»² воспроизводства капитала и по преодолении которой капитал получает дополнительный толчок к развитию в форме новой техники и новых технологий. Кризисы перепроизводства итоговым результатом имеют преодоление границы, устанавливаемой кризисом, и за ними следует не только восстановление процесса воспроизводства капитала, но воспроизводства его на качественно новой производственной основе. Кризисы перепроизводства *обновляют* капитал, делают его гораздо более деятельным и дееспособным, но они принципиально не могут привести к его саморазрушению, поскольку сущностью этих кризисов является замена непроизводительных и неэффективных капиталов более производительными и эффективными. Кризисы перепроизводства есть кризисы обновления капитала, но не его уничтожения как такового, предела для капитала в целом они не представляют.

Маркс усматривает предел капитала также в существовании т.н. тенденции нормы прибыли к понижению.

«Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда..., следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 586.

² Там же, С. 571.

наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли».¹

Ранее (в главе «Прибыль, норма прибыли») мы выяснили, что постоянной тенденции нормы прибыли к понижению нет, это циклический процесс, следовательно, с этой стороны нет и предела капиталистическому способу производства. Кроме того, кризисы перепроизводства, обновляя капитал, дают ему возможность снова увеличить норму прибыли и она впоследствии снижается в ходе конкурентной борьбы вплоть до следующего кризиса и повторения цикла. По сути, Маркс говорит здесь о *техническом* пределе наличных *форм* капиталистического производства, понимаемого в узком смысле как только производство товаров, а не о способности к существованию капиталистических общественных отношений вообще.

Что касается второго условия, противоречия между потребностями людей и потребностями капитала, то оно может разрешиться только тогда, когда достигнет максимальной остроты, т.е. когда дальнейшее сосуществование его сторон станет невозможным. До этого момента капитал будет развиваться, проходя через перманентные кризисы. Данное противоречие есть потенциал ликвидации капиталистического общественного отношения, но для его реализации должны сложиться необходимые условия.²

До тех пор гораздо более существенным фактором в развитии капитала, оказывающем решающее влияние на его судьбу, является возникновение самостоятельного денежного капитала – финансового капитала.

Поскольку общая норма прибыли не имеет тенденции к постоянному понижению, а представляет собой циклический процесс, определяемый ростом органического строения капитала и периодическими кризисами перепроизводства, то по-

¹ Там же, Т. 25-1, С. 283-284.

² «...частная собственность есть форма общения, необходимая на известной ступени развития производительных сил; что эта форма общения до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни,— пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковами». Там же, Т. 3, С. 351.

следствия этого циклического процесса обязательно должны проявиться как значительный рост накопления капитала, причём не только в производительной сфере, которая имеет свои ограничения, но, прежде и наиболее всего в денежной форме, в форме банковского, финансового капитала.

«...По мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансированного капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных».¹

Это предвидение Маркса через несколько десятилетий стало фактом, что отметил Р. Гильфердинг: «Итак, господство банков над промышленностью, важнейшее явление новейшего времени, предсказано здесь в эпоху, когда едва намечались лишь зародыши этого процесса».²

Банковский капитал, вырастая из ростовщического и становясь в конце концов финансовым в соответствии с целью своего существования, извлечением процента, подчиняет себе производственный капитал как источник процента. Но этого мало, он начинает извлекать процент из необходимого продукта частных потребителей, навязывая кредит. Предоставляя кредит государству он также извлекает в форме процента и часть дохода нации.

Соответственно новым формам капитализма меняются и его цели. От извлечения прибавочной стоимости и накопления богатства вначале – к власти над обществом в масштабах отрасли (части общества), государства (всего общества, нации), группы государств (группы наций), планеты (человечества).

Богатство из цели становится средством – средством давления и управления. Как ранее капитал подчинил себе труд, так теперь финансовый капитал подчиняет себе производственный капитал и, в итоге, всё общество.

Наличие отношений частной собственности и развитие товарно-денежных отношений естественным образом приводит

¹ Там же, Т. 24, С. 123.

² Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 72.

к тому, что производство продукта оттесняется на второй план, а на первый выходит производство quintessence капиталистического общественного отношения – денег, которое находится всецело в руках финансового капитала, становящимся полностью самостоятельным субъектом в системе капиталистических отношений. Из вспомогательного субъекта финансы (в форме финансового капитала) становятся главным действующим лицом. Финансовый капитал уже не удовлетворяется ролью только кредитора, он стремится с помощью финансовых механизмов подчинить себе всё общество, соответственно главной целью становится власть никому не подконтрольная, в т.ч. государству.¹ Направление развития финансового капитала просматривается совершенно ясно — финансовый капитал будет стремиться создавать надгосударственные механизмы управления, далее последует введение валюты полностью неподконтрольной государствам, затем подчинение государственных аппаратов и ликвидация государств в современной форме. И это не столь уж отдалённая перспектива. Поскольку производство в современном масштабе и, следовательно, население такому капитализму не нужны, то постепенно (а может и не совсем постепенно) будут ликвидированы все «лишние» люди, останется только определённое количество для создания правящей финансовой клике комфортных условий. Исторически это не столь уж отдалённая перспектива.

В форме финансового капитала капитал из отношения, момента, становится субстанцией, саморазвивающейся на паразитической основе в условиях тотальной власти над обществом, а человек, общество, по мере достижения финансовым капиталом власти над ними, из субстанции становятся моментом, стороной финансового капитала. Капитал как субстанция подчиняет всё вещным отношениям, от которых не свободны также управляющие капиталом (они несвободны более всего, т.к. не могут сделать ничего, что бы противоречило интересам

¹ Эту характерную особенность владельцев денег отмечал и Маркс: «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е, Т. 26-2, С. 606, примечание). Ныне желание совпадает с возможностью.

капитала).

В форме финансового капитала капитал становится тождественным самому себе, он достигает истины, своего понятия, своей родовой сущности. Развитие капиталистического общественного отношения заканчивается, поскольку его сущность воплощена во всей своей завершённости — капитал в форме финансового капитала полностью подчинил себе не только производство товаров и, следовательно, производство прибавочной стоимости, но и всё общество, от последнего отчуждены все факторы его жизнедеятельности.

Пройдя ряд метаморфоз от первоначального капитала массового предпринимательства и всеобщей конкуренции, через акционерные, монополистические, государственно-монополистические (империалистические) формы, форму финансово-промышленных групп, капитал достиг высшей формы, финансового капитала (над- и межнационального, надгосударственного), в которой капиталистическое общественное отношение достигло предела, поскольку в ней возможны *полная* концентрация и централизация капитала.

Но по настоящему капитал подходит к своему пределу только с таким развитием науки и техники, которое позволяет вывести из процесса производства человека как объект производства, как часть технологического процесса, дополнение к машине. Лишая таким образом огромное количество людей средств к существованию капитал тем самым резко ограничивает ту сферу своего жизненного цикла, в которой реализуется стоимость и извлекается прибавочная стоимость – сферу обмена. Промышленный капитал упирается в стену, воздвигаемую им самим.

Но не финансовый капитал, который извлекает прибыль из своих собственных операций, хотя в конечном итоге она имеет основанием прибавочную стоимость, создаваемую в материальном производстве. Набравший силу финансовый капитал способен существовать в обществе с любой формой собственности, ему достаточно одного условия – сохранения частной собственности не на средства производства, а на право распоряжения финансовыми потоками. Однако, мощный промышленный капитал, всё ещё обладающий огромными финансовыми возможностями, хотя и несравнимыми с возможностями финансового капитала, представляет, пока ещё, довольно опасного соперника финансовому капиталу, по-

скольку это *свою* прибавочную стоимость он вынужден во всё большем размере отдавать финансовому капиталу. Банковский капитал времён Маркса, бывший подмастерьем промышленного капитала, превратился ныне в хозяина мира, диктующего свои условия во всех сферах деятельности человека. Но этого ему явно недостаточно, он жаждет полной, абсолютной власти над обществом и промышленный капитал, сам того не желая, предоставляет ему нет, не инструмент, а смертоносное оружие для достижения своей цели.

Таким оружием и является полностью автоматизированное производство, возможность создания которого уже не за горами. Это самое эффективное и «чистое» оружие, какое только было создано человеком. С его помощью можно создать некое подобие общества, в котором будут две касты – научно-инженерные кадры, обслуживающие автоматизированное производство, и надзирающие за ними структуры – и высший слой олигархов (несколько десятков, может быть сотен человек), вокруг которых будет клубиться мошкарка богемы.

В условиях резкого снижения запасов природных ресурсов глобальный капитализм непременно пойдёт на резкое сокращение потребления – иными словами на уничтожение большей части человечества. Господство «железной пяты» обеспечит ей внеэкономическое присвоение богатства, т.н. прибавочная стоимость более не будет экономическим фактором и исчезнет как экономическая категория. Экономика больше не будет уже собственно экономикой, это будет производство в соответствии с потребностями «железной пяты».

Финансовый капитал, ставший господствующей формой капитала, заинтересован в максимальной прибыли и потому не заинтересован в какой бы то ни было форме конкурентной борьбы между капиталами (промышленным и торговым). Поэтому именно финансовый капитал является силой, стремящейся монополизировать всё и вся – отсюда его стремление к абсолютной власти — и это совершенно объективное обстоятельство, являющееся следствием развития капиталистического общественного отношения до его высшей формы.

Теперь финансовый капитал определяет размер и, соответственно, норму прибыли, получаемой каждым подразделением капитала. Т.о. норма прибыли постепенно становится фиктивной величиной, не отражающей действительного положения в отраслях общественного производства.

Но монополизируя все стороны общественного производства, понимаемого как обеспечение жизнедеятельности общества, капитал тем самым объективно подготавливает собственное уничтожение. Фактическое обобществление производительных сил практически завершено и только существующие общественные отношения позволяют капиталу, прежде всего финансовому, подавлять общество в своих собственных интересах.

Но долго такое положение продлиться не может – дальнейшее развитие производительных сил приведёт либо к революционной смене общественных отношений, либо к решительным действиям капитала по упрочению своего господства. Последнее возможно только путём резкого сокращения населения и упрощения социальной стратификации общества до нескольких социальных групп, отличающихся друг от друга наподобие сословий. Причём сокращение населения может быть достигнуто без насильственных действий, это произойдёт, так сказать, естественно, поскольку экономической базой такого ограниченного общества будет служить почти полностью автоматизированное производство, не требующее большого числа работников, ненужные попросту вымрут.

«В результате этого процесса должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая, определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны — между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчётным вспомогательным приёмом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществлённой стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достаётся рабочему классу и интеллигентам, другая остаётся у картеля, и он

может употреблять её на что угодно. Это — сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своём завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашёл свой конец в урегулированном обществе, и *regretuum mobile* обращения достигло покоя».¹

Т.о. исчезает смысл, сущность капиталистического производства — оно отрицает самое себя. Возникает метакapитализм, — власть денег трансформируется во власть в чистом виде, во власть немногих над всеми, — экономическим основанием которого является автоматизированное производство и социальным основанием — добровольное согласие со стороны одних слоёв общества (контролирующих и подавляющих) и вынужденное согласие со стороны других слоёв (контролируемых и подавляемых) под тоталитарным контролем со стороны правящей олигархии. Причём экономическая база сможет обеспечить такой уровень жизни подавляемых, что большинство их будут вполне довольны своим положением. Казалось бы — веками ожидаемая гармония достигнута. Но при этом окажется совершенно извращена сущность человека как субстанции и его субстанциональное бытие придёт к концу, человек станет механической частью созданного им искусственного мира, совершенно неспособным к дальнейшему развитию.

Вспомним, что сущностью субстанционального развития человека является осуществление полного процесса отражения (идеализация материального и материализация идеального) и развитие на его основе субстанции в целом и, тем самым, каждого субстанционального субъекта (человек, группа, сообщество и т.д. до человечества в целом). Такое развитие предполагает свободное, ничем не ограниченное, взаимодействие сторон процесса отражения и их перетекание друг в друга и, как следствие, постоянное снятие противоречия между материальным и идеальным в новом качестве субстанции, что есть не что иное, как её поступательное развитие.

¹ Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1924, С. 276.
280

Человек как субстанция развивается через постоянное разрешение данного противоречия и немедленным последующим возникновением нового противоречия. Материальная сфера не может удовлетворить всё возрастающих потребностей растущего количественно и качественно общества; идеальная сфера, в свою очередь, ограничивает развитие материальной сферы вследствие недостаточного её развития как знания. Т.о. этот внутренне противоречивый процесс идёт через ряд кризисов несоответствия материальной и идеальной сторон субстанции. До сих пор эти кризисы разрешались, становясь, правда, всё более разрушительными.

Но общественное отношение капитализма в своей высшей точке развития способно привести общество к гибели, либо полной стагнации, и причина лежит в его неспособности преодолеть противоречие капиталистического отношения на собственной основе.

В основании капиталистического отношения находится отношение собственности и отношения отчуждения в форме тотального отчуждения – отчуждение и продукта труда человека, и самой деятельности человека, в итоге человека как такового. Причём это отчуждение существует в самой его извращённой форме – как отчуждение продукта труда и собственно трудовой деятельности *всего* общества в пользу весьма незначительной *части* общества. И вся античеловечность, гнусность и подлость капиталистической формы отчуждения зиждется на извращённых представлениях, что отчуждение продукта происходит на, якобы, естественной основе права собственности, а отчуждение деятельности, труда человека есть следствие его добровольного выбора – дескать, капитал не ограничивает человека в свободе выбирать, кому он желает продать свою рабочую силу. Сначала исторически развившимся капиталистическим отношением создано общественное устройство, в котором само существование человека зависит от того, продаст ли он свой труд (и тем самым получит в своё распоряжение жизненные средства), а затем фаризейски объявляется, что он имеет свободу выбора – продавать или не продавать. Циничность и бесчеловечность капиталистического общественного отношения безграничны.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения субстанционального монизма, то можно констатировать, что отчуждение в его капиталистической форме ставит *внутри* процесса от-

ражения непреодолимую преграду. Субстанция может полноценно развиваться только в том случае если процесс идеализации материального и последующей материализации идеального осуществляется в отношении *всей* субстанции, т.е. субстанции как *целого*. Любое изменение этого соотношения в пользу части субстанции неизбежно приводит к деформации и субстанции, и собственно процесса отражения, т.е. её жизнедеятельности. До сих пор эти деформации исторически преодолевались, но с развитием капиталистического отношения до высшей его точки, финансового капитала, форма капиталистического отчуждения изнутри этого отношения преодолена быть не может по простой причине – отчуждение в капиталистической форме как отчуждение и продукта, и деятельности есть полностью завершённая форма императивного отчуждения. Дальнейшего развития она не имеет и должна быть сменена формой отчуждения, в которой императивность сменяется добровольностью – вначале добровольностью отчуждения продукта труда, а затем и собственно деятельности человека.

И если доведённое до высшей его точки капиталистическое отношение изнутри самой формы отчуждения преодолено быть не может, то сопутствующая сторона этого отношения – наличие полярных классов – представляет потенциальную возможность снятия отчуждения в новую форму – в форму добровольного отчуждения. Выше мы говорили, что противоречие между потребностями людей, общества, и потребностями капитала «есть потенциал ликвидации капиталистического общественного отношения, но для его реализации должны сложиться необходимые условия». С возникновением финансового капитала, стремящегося, с одной стороны, полностью подчинить общество себе, и, с другой стороны, полностью обобществившего и производство, и финансы, а также развитием производительных сил (в т.ч. науки) до такого уровня, когда становится ясно видна перспектива полной автоматизации производства и возможность выхода человека из него как объекта – такие условия можно считать вполне сложившимися.

Но как любое снятие и возникновение тем самым нового качественного состояния это и по сути, и по форме есть революционный процесс. Учитывая высочайшую напряжённость существующего общественного противоречия, потенциал

предельного недовольства своим положением на одном из его полюсов и предельного презрения к людям на другом, можно сделать предположение, что разрешение противоречия будет весьма бурным и примет форму насильственного изменения существующих порядков.

Отметим ещё один особенный момент, характеризующий финансовый капитал как предел капитала как общественного отношения. Приведём цитату из нижеследующей главы «Информация».

«Общественный феномен, который внешне пытаются представить как постиндустриальное, информационное общество, сущностно означает, что уровень знаний, представленных в информационной форме, достиг такого уровня, при котором назрела необходимость в смене формы общественных отношений, которые уже не в состоянии создать условия для использования информационных потенциалов человека в интересах всего общества, а не только его ничтожной части в виде частных собственников, капиталистов, которые даже при желании не смогут реализовать потенциалы идеального, знания, в *общих* интересах, поскольку законы капиталистических общественных отношений императивно требуют от них использования общего в интересах частного присвоения. В этом отношении капитализм достиг предела, и дальнейшее развитие человека зависит от того, сможет ли человечество разрушить эту преграду».¹

Подведём итог. Общественное капиталистическое отношение, пройдя ряд этапов и сменив несколько форм, пришло к вполне естественному завершению в полном соответствии с принципом субстанциональности развития и, таким образом, к пределу капиталистического отношения.

Этот предел характеризуется следующими моментами:

- развитием капитала в свою истинную, полную, завершённую форму финансового капитала;
- стремлением финансового капитала к полному подчинению всех сторон жизнедеятельности общества, что в значительной мере уже достигнуто;
- развитием производительных сил (прежде всего науки) до такой степени, когда в недалёком будущем станет возможным всё более полное высвобождение человека из собственно

¹ См. С. 293.

процесса производства как его объекта;

- в условиях господства капиталистических общественных отношений это будет иметь следствием резкое сокращение не только производительного населения, но и вообще всего населения, его вымирание;

- в случае полной победы финансового капитала человечество как саморазвивающаяся субстанция перестанет существовать;

- два последних фактора диктуют настоятельную необходимость в интересах сохранения человека как формы субстанционального движения ликвидацию капиталистических общественных отношений и отношений частной собственности, что позволит гарантировать необратимость изменений.

В заключение выскажем одно небесспорное предположение, нуждающееся в тщательной проверке. Поскольку в условиях развитого мирового капиталистического хозяйства и сложившегося разделения труда приложение капитала в производительной сфере ограничено, то финансовый капитал неизбежно начинает изобретать новые механизмы действий с фиктивным капиталом, в форме которого он существует. Появление всевозможных форм деривативов и т.п. инструментов всего лишь внешнее выражение этого процесса, вызванного к жизни сущностью капитала.

Но есть и другая сторона чрезмерного накопления финансового капитала. По своей сути этот капитал представляет собой стоимость, произведенную в производительной сфере, т.е., в конечном итоге, вполне осязаемый продукт, потребительную стоимость. Возможно, именно по этой причине огромные денежные средства, вбрасываемые западными правительствами в оборот с целью поддержания стабильности экономики, не приводят к адекватному росту инфляции – ведь эти деньги имеют своё соответствие в стоимости произведенного продукта. Т.о., кредитуя потребителей, правительства используют на это не просто напечатанные бумажки, как это представляют некоторые экономисты, а вполне обеспеченные реальной, произведенной стоимостью знаки этой стоимости – не более, но и не менее.

Фактически получается, что эти деньги взяты «взаймы» у финансового капитала, сосредоточившего их в своих руках, и отданы потребителям. Теперь проблема поворачивается иным

ракурсом – кто и каким образом будет возвращать эти деньги, тем более с процентами. Совершенно ясно, что потребителям это не под силу. Остаётся только две возможности – либо отдать всех должников в рабство финансовому капиталу, причём буквально, либо простить долг. И не только простить, но и сделать такой кредит постоянной практикой, чтобы поддерживать экономику в работоспособном состоянии, ведь без таких вливаний она уже недееспособна.

Но этот шаг есть не что иное, как социализация финансового капитала, передача его, пока ещё в предельно ограниченной форме, форме кредита, в руки непосредственных производителей. Теперь дело за следующим шагом – полным фактическим обобществлением финансового капитала и, как необходимое следствие, производительного капитала. Без полной социализации всех форм капитала современный кризис неразрешим, он будет только углубляться и заходить во всё более глубокие тупики. Но и сама социализация, учитывая масштабы современной экономики, будет чрезвычайно болезненным и в чём-то разрушительным процессом. В любом случае в самом недалёком будущем огромные потрясения неизбежны, но если при сохранении статус-кво перспектива развития отсутствует, то в случае обобществления всех форм капитала общественное развитие на новой основе будет продолжено, пусть даже и с определёнными, на первом этапе, потерями.

3. Две темы в заключение

3.1. Информация

Отмеченная при исследовании категории идеального тенденция к возрастанию роли идеального в жизнедеятельности человека находит своё практическое воплощение в явлении, которое получило название информационной революции. Соответственно, на этот феномен было обращено внимание исследователей, с целью выяснения его сущности и возможности практического применения. Как следствие, необходимо стала объектом внимания категория «информация».

Обзор письменных источников показывает, что при всём видимом многообразии в трактовке этой категории все они, по сути, в разных терминах излагают одно и то же содержа-

ние. По этой причине обратимся к одному из этих источников, авторитетность которого общепризнана и в котором представлены определения всех основных направлений исследования информации – БСЭ.

«Информация (от лат. *informatio* — разъяснение, изложение), первоначально — сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств и т. д.), а также сам процесс передачи или получения этих сведений...»

С начала 1950-х гг. предпринимаются попытки использовать понятие Информация (изложение) (не имеющее пока единого определения) для объяснения и описания самых разнообразных явлений и процессов.

Исследование проблем, связанных с научным понятием Информация (изложение), идёт в трёх основных направлениях. Первое из них состоит в разработке математического аппарата, отражающего основные свойства Информация (изложение).

Второе направление заключается в теоретической разработке различных аспектов Информация (изложение) на базе уже имеющихся математических средств, в исследовании различных свойств Информация (изложение). Например, уже с момента создания теории Информация (изложение) возникла сложная проблема измерения ценности, полезности Информация (изложение) с точки зрения её использования. В большинстве работ по теории Информация (изложение) это свойство не учитывается. Однако важность его несомненна. В количественной теории ... ценность Информация (изложение) определяется как приращение вероятности достижения данной цели в результате использования данной Информация (изложение)...

Третье направление связано с использованием информационных методов в лингвистике, биологии, психологии, социологии, педагогике и др. ...

Такое разнообразное использование понятия Информация (изложение) побудило некоторых учёных придать ему общенаучное значение. ...Бриллюэн и его последователи стали изучать информационные процессы под углом зрения *второго начала термодинамики*, рассматривая передачу Информация (изложение) некоторой системе как усовершенствование

этой системы, ведущее к уменьшению её энтропии. В некоторых философских работах был выдвинут тезис о том, что Информация (изложение) является одним из основных универсальных свойств материи.¹ Положительная сторона этого подхода состоит в том, что он связывает понятие Информация (изложение) с понятием отражения».²

Как видим, исследования понятия информации сосредоточились на трёх направлениях:

- разработка способов представления и передачи информации в материальной, знаковой форме, в которой она единственно может фигурировать в указанных целях;
- выявление ценности информации с точки зрения её полезности;
- разработка методов практического применения информации в конкретных научных исследованиях.

Собственно к сущности информации как явления относятся только два аспекта из упомянутых – её содержательная сторона, идентифицируемая энциклопедией с ценностью и полезностью, и операциональная, практическая сторона, характеризующаяся возможностью представления, обработки и передачи информации. Методологическая сторона предполагает использование указанных аспектов в конкретных целях после того как они представлены в удобной для практики форме – это утилитарный аспект, самостоятельного значения не имеющий и всецело определяемый двумя первыми.

Другими словами, то, что стоит за понятием «информация» представлено в действительности в двух формах:

- материальной, знаковой, посредством которой информация входит в человеческую практику, актуализируется, представляется в удобной для обращения с ней форме для восприятия, обработки и передачи;
- идеальной, понимаемой как содержательная сторона ин-

¹ К определению информации как свойства материи: если понимать человека как часть природы, а способность человека к обращению с идеальным как природный феномен – то это, разумеется, так, но с оговоркой, что это свойство не материи в целом, вернее, субстанции, не всеобщее, а свойство одной из форм движения субстанции, особенное, к тому же проявляющееся не непосредственно, а опосредованно, через человека – а значит это свойство, вернее функция, не субстанции в целом, а её особенной формы – человека.

² <http://bse.sci-lib.com/article056177.html>.

формации, представляющая её соответствие истинности, достоверности, соответствия реальности.

Информация, представленная в знаковой форме, т.е. материализованная, легко поддается количественной интерпретации и в такой форме может передаваться между объектами, её использующими, неважно, люди ли это, или машины ими созданные, и преобразовываться в визуальные, вербальные, знаковые и иные воспринимаемые человеком и машинами формы. Эта сторона информации имеет сугубо конкретный характер, своеобразие которого неотделимо от своеобразия сфер её применения – направлений науки, в каждом из которых разрабатываются собственные методы обращения с информацией. Эта, материальная, количественная сторона информации составляет её особенное и единичное.

Но есть ещё и иная сторона информации, которую невозможно объяснить с количественной стороны – это проблема, как сказано в БСЭ, «измерения ценности, полезности информации». Попытка представить ценность информации «как приращение вероятности достижения данной цели в результате использования данной информации» внутренне тавтологична и, в итоге, несостоятельна, не говоря о том, что «ценность» и «полезность» в отношении информации явно несоответствующие данной категории критерии, в них очень силен утилитарный оттенок, смещающий их в сферу особенного и единичного, здесь гораздо уместнее говорить об истинности и тем самым переместиться в сферу всеобщего.

Прежде чем говорить о ценности, полезности информации в отношении достижения цели следует выяснить вопрос, что же будет считаться ценным, полезным. Самой постановкой вопроса напрашивается вывод, что таковым будет достижение цели.

Но постановка цели есть не что иное, как проявление телеологичности в действиях человека и, т.о., постановка цели неотделима от предварительного решения вопроса о её истинности, соответствия реальности. Но, как мы выяснили в главе «Телеологичность», «...это зависит от того, насколько точно соответствует цель той объективной действительности, в которой действует человек, её условиям, характеру противоречивых процессов, закономерностям их протекания, влиянию внешних условий и т.п. Цель, поставленная без исследования всех этих факторов, будет не просто субъективной,

она будет волонтаристской. Чем более точно и глубоко учтены и исследованы все обстоятельства реальности, чем глубже поняты необходимость, закономерность и случайность, тем более объективный характер приобретают субъективные устремления человека, которые потенциально способны достичь в познании истины объективности действительности».¹

Если известно, что цель объективна и соответствует реальности, т.е. истинна, то любая информация, способствующая её достижению, будет ценной и полезной. Но то же самое можно сказать и в отношении цели ложной – в обоих случаях цель достигнута и информация т.о. оказалась «ценной и полезной», хотя цели были противоположны. Антиномия, тупик. Критерий ценности и полезности не работает. В такие ловушки может попасть человек, некритически играя с понятиями полезности информации и релятивного целеполагания.

Остаётся критерий истинности, т.е. соответствия содержания информации действительности. Но и в этом случае соотношение информации с целью ничего не даст – это будет сравнение истинности информации с истинностью цели, т.е. тавтологичное противопоставление, по сути, одного и того же.

В этом пункте, чтобы иметь возможность продвинуться в анализе понятия информации дальше достигнутого уровня, перейдём к концепции субстанционального монизма и попытаемся взглянуть на рассматриваемую проблему с этой точки зрения.

В своей деятельности человек имеет дело с субстанциональными процессами, представляющими собой единство материального и идеального как сторон саморазвивающихся субстанциональных объектов. В мышлении, опосредствующем внешний мир и практическую деятельность человека, внешние объекты представлены в идеальной форме как идеальные объекты мышления. Идеальные объекты мышления есть отражения реальных объектов действительности и как таковые содержат в себе их сущностные определения как закономерности их возникновения и развития. Мышление, будучи диалектическим в своём основании, способно самостоятельно обращаться со своими идеальными объектами, подчиняя их действию всеобщего принципа саморазвития через

¹ См. С. 121.

противоречие, и получая, таким образом, новые идеальные объекты, прошедшие ту же процедуру саморазвития, что и отражаемые ими объекты действительности.

Поскольку оба процесса – мышления и действительности – тождественны как протекающие в соответствии с общим принципом саморазвития, то их результаты также будут тождественны. Но эта тождественность не есть их равенство, поскольку формы возникновения, развития и разрешения противоречия в действительности и в мышлении не совпадают друг с другом. Эта тождественность понимается как соответствие тождественным процессам, процессам саморазвития, которые, тем не менее, протекают в каждой из рассматриваемых сфер по своим собственным законам, по своим формам.

Если в действительности развитие противоречия происходит посредством количественно-качественных субстанциональных изменений, сугубо конкретных в каждом акте, то в мышлении количественные, т.е. материальные, вещественные компоненты не могут быть представлены непосредственно, но только опосредствованно, через качественные же, смысловые, сущностные характеристики. При осуществлении опосредствований неизбежны искажения и ошибки, к тому же и сущностная сторона отражения объектов действительности не может быть представлена во всей полноте, как полная, абсолютная истина, но только с определённой степенью точности. Все эти факторы имеют следствием несовпадение результатов процессов действительности и отражения этих процессов в мышлении. Поэтому неизбежной необходимостью проверки их соответствия является практика, в которой идеальное мышления материализуется и сопоставлением с реальными объектами выясняется степень сближения с действительностью, степень истинности.

Т.о. в данном случае итогом процесса отражения в целом, понимаемого как идеализация материального и последующая материализация идеального, является сравнение двух идеальных объектов – первоначального идеального как отражения внешнего объекта и конечного идеального, как отражения повторённого в практике (или уточнённого) внешнего объекта. Т.е. идеальное человека в форме знания представляет собой процесс постоянного приближения к пониманию сущности объектов действительности.

Идеальное содержание мышления, отражающее сущност-

ную сторону действительности, в своих конкретных формах представляет знание человека, которое является основанием для представления этого идеального в материальной форме, единственно в которой и возможно восприятие его человеком – в любой доступной для человека материальной форме — визуальной, звуковой, тактильной, знаковой и т.д.

Знание, представленное в такой материализованной форме, может передаваться, обрабатываться, храниться и использоваться человеком в своих целях. В этой форме знание является *информацией, т.е. материализованным, опосредствованным материальными формами идеальным, которое представляет собой отражение сущности объектов реальности, знание.*

Как видим, информация, подобно субстанции, имеет две стороны: материальную, представленную в знаковой форме (визуальной, вербальной, тактильной), и идеальную (знание), представляющую сущность процессов и объектов действительности, закономерность их возникновения и развития.

Информация, рассматриваемая с материальной стороны, может подвергаться любым трансформациям с целью её представления в удобной форме и работы с ней, передачи и хранения. После того как определён материальный носитель информации (материальная форма идеального) это трудности не представляет.

Рассматриваемая же со стороны идеального, знания, информация представляет сущность процессов и объектов действительности и здесь можно вести речь только о степени соответствия знания реальности. Но количественно такую оценку представить невозможно, поскольку, во-первых, количественно можно представить только материальное (если же мы попытаемся представить количественно идеальное, то прежде следует найти то основание, которое можно выразить количественно, а эта попытка неизбежно приведёт снова к материальному) и, во-вторых, невозможно сравнивать сущности, истинность которых постоянно изменяется по мере получения нового знания, в каждом новом цикле отражения. В этом отношении знание и, соответственно, информация, релятивны как постоянно изменяющиеся, но они одновременно несут на себе печать абсолютности как возможности полного, истинного отражения действительности, которая является конечной объективной целью знания. Именно эта объективность дей-

ствительности есть потенция абсолютности знания.

Т.о. со стороны идеальной информация пластична, текуча, изменчива. Она в себе актуально релятивна и потенциально абсолютна. Как следствие отношения релятивности и абсолютности информация должна постоянно сверяться с практикой, только в этом случае возможно движение от релятивности к абсолютности.

Рассматриваемая с этой стороны информация всегда неполна, частична, релятивна и в то же время как момент человеческой практики содержит интенцию движения к полноте, истинности и абсолютности – это диалектический момент понятия информации и, шире, человеческой деятельности в этой сфере. Учитывая многообразие человеческой практики можно сделать вывод, что вопрос об истинности и полноте информации должен решаться каждой наукой в соответствии с её собственными методами.

В литературе встречаются утверждения, что информация существует как нечто материальное вне нашего сознания. Это так и не так. Вне нашего сознания существует внешний мир, объективная реальность, отражаемая нашим мышлением. И это отражение как идеальное представление в мышлении внешнего мира есть принадлежность сознания. Идеальное содержание сознания, будучи представлено в соответствующей материальной форме, в сфере человеческой деятельности предстаёт как информация. Т.о. вне нашего сознания существует объективный мир, являющийся основанием для идеального содержания мышления, знания, представленного в информации как её идеальная сторона, но в материальной форме.

Наряду с этим утверждается также нечто противоположное, а именно, что информация нематериальна. И это тоже так и не так. Как мы убедились, информация представлена двумя своими сторонами – идеальной и материальной. Поэтому рассматривать информацию следует только с учётом взаимодействия обеих её сторон, в противном случае одностороннее, абстрактное рассмотрение неизбежно приведёт к ошибочным выводам.

В отношениях обмена стоимость информации предстаёт так же, как и стоимость её идеального основания – знания, о чём говорилось в главах о стоимости и о прибавочной стоимости: со стороны затрат основой для формирования стоимо-

сти являются издержки на проведение научных исследований, величина же прибавочной стоимости определяется потребностями общества в полученном знании и возможностями по приобретению информации.

Развитие сферы идеального в целом и её ведущей стороны, знания, имеет следствием сопутствующий рост материальных возможностей человека, что, в свою очередь, влечёт рост производительных сил, которые требуют соответствующих им общественных отношений. Таким образом, подтверждается сделанный ранее, при рассмотрении категории идеального вывод, что сфера идеального, развиваясь, будет оказывать всё более значительное воздействие на жизнедеятельность человека, что и наблюдается в действительности, где идеальное как знание предстаёт в форме информации.

Общественный феномен, который внешне пытаются представить как постиндустриальное, информационное общество сущностно означает, что уровень знаний, представленных в информационной форме, достиг такого уровня, при котором назрела необходимость в смене формы общественных отношений, которые уже не в состоянии создать условия для использования информационных потенциалов человека в интересах всего общества, а не только его ничтожной части в виде частных собственников, капиталистов, которые даже при желании не смогут реализовать потенциалы идеального, знания, в *общих* интересах, поскольку законы капиталистических общественных отношений императивно требуют от них использования общего в интересах частного присвоения. В этом отношении капитализм достиг предела, и дальнейшее развитие человека зависит от того, сможет ли человечество разрушить эту преграду.

3.2. Абстракции математики

Даже сторонники диалектического метода относят сферу математики сугубо к области формально-логических построений, не пытаясь опровергнуть это расхожее мнение, основанное скорее на обыденных представлениях, чем на анализе внутренних взаимоотношений математических построений. Хотя, казалось бы, где проявить себя диалектическому по своей сущности мышлению человека как не в этой сфере чистой мысли, обращающейся исключительно с идеальными

объектами мышления. Ведь сфера математики покоится на практически чистом мышлении, которое внутренне диалектично, обращаясь к внешнему миру только за исходным материалом, принимаемым в силу своей практически доказанной достоверности (либо предполагаемой таковой) как аксиоматический.

Не говорит ли в пользу видения сферы математического мышления как мышления в основе своей диалектического также тот факт, что высшая математика продвинулась в своих выводах гораздо далее практических потребностей человека, а именно, часто для возникающих потребностей практики находится уже достаточно разработанная в высшей математике теория, которую надо только перевести в прикладную форму. Такое опережение теорией практики нельзя объяснить исключительно могуществом формально-логического мышления, периодически попадающего в тупики формально-логических же противоречий.

Вся математика возникла как продолжение, как развитие собственными методами сугубо формальной логики ограниченного числа аксиом, истинность которых была всецело подтверждена практикой. В основе всех, сколь угодно сложных, математических построений лежат практически достоверные эмпирические наблюдения, либо постулаты, имеющие основанием ту же эмпирию. То, что новые направления математики исходным пунктом могут иметь не эмпирию, а конечные результаты предшествующих теорий, не меняет сути дела, поскольку в первооснове всего находится всё та же практика. По этой причине даже самые абстрактнейшие математические построения в итоге находят практическое применение как имеющие истинную основу, если, разумеется, не нарушена формальная непротиворечивость их выведения.

Но это ещё не истина, вернее не вся истина, а только её внешняя сторона. Зачастую математики не замечают, или предпочитают не замечать, глубокой диалектичности развития самого их метода – собственно формальной логики. А именно: приходя к очередному противоречию своих формальных построений, она преодолевает их истинно диалектическим методом – переходом к качественно новым методам формальной же логики. Так, ввиду невозможности выразить движение в рамках формальных построений алгебры математики диалектически (сами того не подозревая, подобно из-

вестному персонажу, который не представлял, что он говорит прозой) разрешили проблему противоречия покоя и движения созданием дифференциального исчисления. Затем настала очередь интегрального метода — и так каждый раз при возникновении формально неразрешимых противоречий. Что это как не диалектические скачки в развитии метода — в новых теориях «старые» воззрения представлены в снятом виде.

Но диалектичен не только путь развития формальной логики математики как науки, внутренне диалектичны и сами приёмы формальной логики. Например, сутью дифференциального исчисления является нахождение конечного отношения конечных величин путём их бесконечного сближения. Что это как не противоречие и тождество конечного и бесконечного, категорий, которые сами по себе глубоко диалектичны. Формально-логическое мышление есть «своё иное» диалектического мышления. Формализм преодолевается диалектически. И такими обстоятельствами наполнена вся математика. По-иному выразить движение, развитие (а высшая математика есть вся непрерывное развитие чистого мышления), которые глубоко диалектичны и невозможно. Пожалуй, не будет слишком большим преувеличением утверждение, что математика самая диалектичная из естественных наук, она пропитана духом диалектики, причём диалектики в чистом виде, что подтверждается и началом математики и её основанием, бытием-в-себе, каковым является собственно мышление. Вспомним, что Гегель начал исследование мышления с самых простых отношений, далее развил их из самих себя. Не так ли и математика, начав с самых простых истин, отталкиваясь от них, развила себя на их основе до современного чрезвычайно сложного состояния. Её метод как науки (а каждая наука развивает собственные методы исследования) — формальная логика, но эта логика полностью погружена в диалектичность мышления как такового и потому математические построения внутренне глубоко диалектичны. Но часто математики, эти истинные апологеты формализма в науке, как самой страшной ереси опасаются признания диалектичности развития их науки и, в первую очередь, её внутренней диалектичности. Впрочем, диалектика действительности от этого несколько не страдает.

Математика как наука есть чистое мышление, внешне совершенно абстрагированное от бытия (разумеется, фундамен-

тальная математика, не прикладная). Но это мышление имеет своим предметом «иное» в виде отражения внешнего ему мира в форме математических категорий. Поэтому её методом является метод, соответствующий предмету мышления – формально-логическим непротиворечивым положениям. И метод этот необходимо формально-логический, т.е. последовательное непротиворечивое выведение всех своих построений из предыдущих непротиворечивых утверждений, либо основанных на эмпирических наблюдениях, либо выведенных логически.

Полностью математика, как и любая иная форма мышления, не может оторваться от эмпирии. Время от времени именно практика, прямо либо косвенно, даёт математике основания для развёртывания новых её направлений. Такая связь, не сказать зависимость от практики, есть дополнительное, хотя и косвенное, подтверждение диалектичности математики, подтверждение со стороны субстанциональности как неразрывности материального и идеального, в которой идеальное математики исходит из материального эмпирии и в своих развитых формах возвращается к практике, давая ей аппарат мышления для решения вполне практических, материальных задач.

Собственно же мышление человека, как было отмечено ранее, по сути своей является диалектическим, т.е. саморазвивающимся и сфера математики не является исключением, напротив, её можно назвать лабораторией мышления. Процесс саморазвития математического мышления имеет основанием тот же диалектический принцип, что и всякое саморазвитие – возникновение, развитие и разрешение противоречия, снятие его сторон в новом качестве. Отличие от эмпирии в том, что мышление имеет дело только с идеальными объектами и, абстрагируясь от эмпирии, может совершенно свободно действовать со своими предметами мышления. Но эти действия, по сути, есть диалектический процесс противопоставления идеальных объектов и последующего разрешения противоречия. Противоречие является не просто неизбежным спутником мышления, но необходимым имманентным фактором его развития (а если нет противоречия, то о чём мыслить?). И в процессе развития мыслительного противоречия своё, и немалое, возможно доминирующее место занимают методы формального мышления, что создаёт впечатление их

абсолютного превосходства и ничтожности диалектических принципов. Это сугубо внешнее восприятие соотношения формально-логической и диалектической сторон мышления и создаёт ложную картину их взаимодействия. На самом деле, как видим, есть основания для утверждения, что формальная логика есть момент, сторона логики диалектической в общем им процессе мышления. Диалектическая и формальная логики соотносятся как общее и особенное. Последняя есть необходимая часть первой со своей собственной сферой применения.

Так что сознают ли математики, что процесс выведения их формально-логических построений протекает внутренне диалектически (и имеет адекватное выражение во внешних формах математики), нет ли, на результатах это неведение совершенно не сказывается, как не сказывается цвет мозга на содержании мысли.

06.2012 – 12.2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ

1. Диалектичность как саморазвитие.....	3
2. Материя.....	15
3. Материя плюс.....	20
4. Идеальное.....	23
5. Субстанция.....	34
5.1. Логическое обобщение.....	40
5.2. Субстанциональные формы движения.....	44
5.2.1. Первая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное нераздельны и непосредственны.....	44
5.2.2. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (начало).....	47
6. Идеальное (продолжение).....	47
7. Субстанция (продолжение).....	48
7.1. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (продолжение).....	48
8. Отражение.....	52
9. Сознание, мышление.....	55
10. Идеальное (окончание).....	63
11. Субстанция (окончание).....	66
11.1. Третья форма субстанционального движения.....	66
11.2. Четвёртая форма субстанционального движения.....	67
12. Противоречие.....	69
12.1. Противоречие первой формы субстанционального движения.....	74

12.2. Противоречие второй формы субстанционального движения.....	76
12.3. Противоречие третьей формы субстанционального движения.....	78
12.4. Противоречие четвертой формы субстанционального движения.....	80
12.5. О соотношении сторон противоречия (уточнение).....	82
13. Краткие выводы.....	83
14. Человек, общество.....	87
15. О некоторых диалектических категориях.....	99
15.1. Всеобщее, особенное, единичное.....	100
15.2. Необходимость, закономерность, случайность, свобода.....	105
15.2.1. Необходимость.....	105
15.2.2. Закономерность.....	108
15.2.3. Случайность.....	109
15.2.4. Свобода.....	114
15.3. Телеологичность.....	119
15.4. Пространство, время, etc.....	121
15.5. Отчуждение и овещнение.....	128
15.5.1. Собственность как диалектика присвоения и отчуждения.....	139

ПРАКТИКА

1. О некоторых проблемных вопросах политэкономии.....	150
1.1. Стоимость.....	150
1.2. Меновая стоимость, цена.....	171
1.3. Прибавочная стоимость.....	188
1.4. Прибыль, норма прибыли.....	199
1.5. Рента.....	212
2. О некоторых вопросах общественного развития.....	237
2.1. Общественные отношения.....	239
2.2. Субстанциональный взгляд на соотношение базиса и надстройки.....	244
2.3. Общественное развитие как следствие внутренних противоречий.....	247
2.3.1. Общественное (классовое, групповое) сознание.....	250
2.3.2. Классы.....	257

2.4. Несколько замечаний о капитализме, глобализации и пределе капитала.....	262
2.4.1. О сущностной основе капиталистического производства.....	264
2.4.2. Кризисы капитала.....	266
2.4.3. Предел капиталистического способа производства.....	272
3. Две темы в заключение.....	285
3.1. Информация.....	285
3.2. Абстракции математики.....	293

Научное издание

Петров Александр Павлович

**Диалектика.
Некоторые вопросы теории и практики**

Издание выполнено в авторской редакции

Подписано в печать 27.12.13. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 18,88. Тираж печать по требованию
Заказ № G01_1213_001

Издатель Мархотин Павел Юрьевич
Москва, Окружной проезд, д.16, офис 102
Тел.: (495) 665-28-54
www.ontoprint.ru
Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя

В книге рассмотрены некоторые проблемы диалектики, понимаемой как саморазвитие и объективной реальности, и её отражения в мышлении. При этом саморазвивающаяся действительность предстаёт как субстанция, — саморазвивающаяся сущность, — движение которой осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий. Логическим путём выявлена сущность идеального и характер противоречивого взаимодействия материального и идеального как сторон субстанции.

